

ИРЕНА СЫТНИК

3

БЕССМЕРТНЫЕ

18+

Ирена Р. Сытник

Бессмертные 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39414816

SelfPub; 2018

Аннотация

Приключенческо-любовное фэнтези. Заключительная книга трилогии "Бессмертные". И снова виолка, женщина-воин, в поисках счастья, любви и удовольствий. Всё чинно, благородно, никаких извращений. :) Красавчику-принцу нужны наследники... А кто может продолжить род Бессмертных? Только такая же Бессмертная. А где её взять? Родственники помогут! Куда мы без родни...

Содержание

Часть первая. Женское счастье	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	75
Глава 10	81
Часть вторая. Неженское дело	89
Глава 1	89
Глава 2	96
Глава 3	105
Глава 4	112
Глава 5	120
Глава 6	128
Глава 7	138
Глава 8	143
Глава 9	152
Эпилог	160
Часть третья. Женская гвардия	164

Глава 1	164
Глава 2	173
Глава 3	179
Глава 4	189
Глава 5	196
Эпилог	205

БЕССМЕРТНЫЕ III

Третья книга трилогии «Бессмертные». Первая книга – «Первая из первых», вторая книга – «Принц Трикорский».

Книга третья. Ивея Аоста

Часть первая. Женское счастье

Глава 1

Зима на Лайонсе в этом году выдалась очень холодной: малоснежная, с пронизывающими ветрами и сильными морозами, редкими в этих местах. В эту зиму погибло много скота и несколько сот людей, в основном рабов, от переохлаждений, обморожений и лихорадки. Что уж говорить о рабах и бедняках, если даже Санхар мёрз в королевских покоях! Особенно сильно страдали южанки Ивея и Сафелия.

Если Сафелию – любимую супругу – Санхар мог уберечь от холодов, закрыв её в нескольких роскошно обставленных комнатах, где, сутки напролёт, топились камины, а в коридорах тлели большие жаровни, то любопытную и непокорную Ивею Аосту, свою оллинскую родственницу, которую лорд в шутку иногда называл «тётушкой», он не мог посадить под замок, и девушка, кутаясь в тёплый плащ, часто совершала безрассудные прогулки по городу или окрестностям, что вскоре сказалось на её не привычном к местному климату здоровье.

Началось всё, как обычная простуда: першение в горле, лёгкое покашливание, жар и лихорадка. Девушка слишком поздно обратилась к лекарю, и вскоре её грудь раздирал

сильный кашель, перешедший в сильнейшую лихорадку.

Санхар поселил Ивею в королевском дворце, в одной из комнат собственных апартаментов, но девушка бывала там редко, то ночуя у новых друзей, то у любовника капитана Интона. Когда же её привезли во дворец, стало слишком поздно: королевский лекарь, осмотрев больную, сказал, что её лёгкие воспалились и наполнились кровью, и только чудо может её спасти, а медицина тут бессильна. Вскоре Ивея впала в беспамятство, задыхаясь и хрипя от удушья, кашляя кровью и страдая от высокого жара, и ни укусыные укутывания, не специальные отвары и порошки, не смогли сбить лихорадочный жар, сжигавший девушку изнутри.

Санхар смотрел на умирающую виолку и сжимал кулаки от бессилия. Он хотел бы спасти родственницу, но не знал, как. Его кровь только ускорит её смерть. Слез любви и сожаления, как в случае с Грацианом и Аксом не было. Что же делать?

И тут он вспомнил происшествие с Интоном, когда тот медленно умирал после замачивания в бочке с инфликтом. Тогда мужчине помог встать на ноги «поцелуй» Санхара, когда он передал ему свою слюну, смешанную с его кровью. Слюна Санхара, как и все его выделения, имела некоторые целительные свойства. Возможно, его живительный поцелуй спасёт умирающую девушку, как в старинной сказке о мёртвой царевне и влюблённом принце?

Санхар выгнал вон всех слуг и лекарей, закрыл дверь, и

вернулся к ложу умирающей. Он присел на край кровати, склонился к бледному лицу Ивеи и начал нежно целовать сухие, потрескавшиеся от лихорадки губы. Старательно смачивал их слюной, высасывал из трещинок кровь, смешивал со своей слюной и отдавал обратно.

Но, казалось, его действия не произвели на больную никакого эффекта. Она всё так же задыхалась и хрипела, металась в бесспамятстве и бредила. На длинной изящной шейке лихорадочно билась тонкая синяя жилка, отсчитывая последние мгновения юной жизни. Санхар задумчиво смотрел на судорожное биение пульса, мысленно перебирая все известные ему способы оживления. Но единственное, что пришло ему на ум, это позвать на помощь Грациана: возможно, его кровь новообращённого и относительно «молодого» бессмертного сможет спасти девушку.

Санхар сам не знал, почему так старается для Ивеи, ведь они не были любовниками или очень близкими друзьями, между ними даже не существовала духовная связь, какая в своё время возникла между ним и Элфиной, его приёмной дочерью и воспитанницей, первой королевой Лайонса. Может, это был зов крови, пусть отдалённой, разбавленной, но родственной?

Санхар вдруг вспомнил мать и её рассказ о том, как она стала бессмертной. Она тоже умирала от смертельной раны, полученной в бою, и огромная змея сделала её бессмертной, укусив за шею. Она не делилась с нею кровью, как делала

это впоследствии Санриза, создавая новых бессмертных из своих друзей, а всего лишь укусила огромными зубами прямо в...

Санхар даже прицокнул языком от внезапно пришедшей ему в голову мысли. А что, если и ему проделать тот же трюк? Может быть, его слюна, попав прямо в кровь умирающей, сотворит чудо, как и слёзы?

Он ничего не терял, решаясь на этот эксперимент. Если у него ничего не получится – Ивея умрёт; но она умрёт в любом случае без его помощи, только смерть её будет долгой и мучительной.

Прокусить вену на шее девушки Санхар не мог – зубы у него хоть и были крепкими, но человеческими, а не змеиными. Да и кто сказал, что обязательно нужна вена на шее? Санхар отбросил покрывала, прикрывавшие бледное обнажённое тело, и сразу увидел под тонкой пергаментной кожей скопление синих жилок у ключицы. Он легко вскрыл одну из них ножом и припал к ране губами. Больная застонала и слабо вздрогнула, но больше никак не прореагировала на его действия.

Он сосал из раны кровь, пока она не перестала течь. Смешивая её во рту со своей слюной, он отдавал её обратно до тех пор, пока рана не перестала кровоточить. Лишь тогда поднял голову и взглянул на место «лечения». Рана выглядело чистой, края пореза розовыми и, казалось, что она заживает прямо на глазах. Это было хорошим знаком. Санхар

осторожно прикрыл место пореза и встал. Теперь оставалось только ждать. Если в ближайшие два дня Ивея не умрёт, значит, появится надежда на исцеление.

Приказав служанкам немедленно докладывать о любом изменении в состоянии девушки, Санхар ушёл к себе.

На следующий день лекарь с радостью доложил, что жар начал спадать, и больная больше не бредит. На второй день он с тревогой сообщил, что госпожа Ивея, хоть и дышит уже лучше, но его беспокоит продолжительное беспамятство и быстрое падение температуры её тела.

Санхар пришёл посмотреть на виолку, и с первого взгляда понял, что Ивея перерождается. Следовательно, его «лечение» не просто помогло ей перебороть тяжёлый недуг, а сделало ещё одной бессмертной. Это открытие и обрадовало, и удивило мужчину. Стало быть, его слюна, введённая прямо в кровь, так же жизнетворна, как и слёзы! Значит ли это, что он уподобился тем змееподобным существам, которые сделали бессмертной его мать? Он неуязвим, обладает многими выдающимися способностями, может долго «спать», меняя при этом кожу и сбрасывая волосы, и поднимаясь на высший уровень нечеловеческих способностей, а теперь обладает ещё и целительным укусом... Не значит ли это, что он становится богом?..

Но Санхар отогнал от себя эту крамольную мысль. Трудно и скучно быть богом в одиночестве. И хотя он понимал, что давно уже не человек, но не хотел терять последние че-

человеческие качества: доброту и сострадание, любовь и желание... Он и так лишился основных человеческих чувств – страха и страсти, поэтому бережно лелеял то, что у него осталось.

Ивея очнулась от глубокого, похожего на смерть сна, на четвёртые сутки. Она ничего не помнила о болезни, но сразу заметила перемены, произошедшие с ней. Как своей родственнице и приближённой, Санхар рассказал девушке почти всё о себе и своих способностях. Знала она также историю Грациана, с которым познакомилась в первые дни пребывания на острове. Благодаря этим знаниям девушка сразу догадалась, что с ней произошло. Едва придя в себя и встав с постели, она сразу направилась к Санхару и прямо спросила:

– Я теперь Бессмертная?

– Да, – ответил вельх.

– Значит, теперь я не буду болеть, мне не страшны раны и я никогда не умру?

– Надеюсь на это, – улыбнулся Санхар.

– И я останусь вечно молодой?

– Думаю, да, если ты прошла полное перерождение.

Девушка мгновение помолчала, а потом спросила:

– Как я могу отблагодарить вас, милорд?

– Вообще-то, я это сделал, не надеясь на благодарность...

Но если вы сами подняли вопрос, сестра...

– Говорите. Клянусь именем Богини-Матери, я выполню любую вашу просьбу!

– Любую?

– Любую.

– Тогда я хочу, чтобы вы родили мне сына, – без улыбки произнёс мужчина.

Ивея с удивлением уставилась на лорда. Она ожидала услышать, что угодно, только не такую странную просьбу.

– Но... У вас ведь есть супруга... Сафелия юна, прекрасна и здорова, думаю, она способна родить вам хоть десяток сыновей.

– Милая Ивея, если бы мы, Бессмертные, могли иметь детей от смертных, у меня была бы тысяча потомков. Но Бессмертный может зачать ребёнка только с бессмертным... Ты первая бессмертная женщина, которую я знаю, если не считать моей матери...

– Хм... – задумчиво хмыкнула девушка. – Но если вы смогли сделать бессмертной меня, почему бы вам не сделать то же с госпожой Сафелией?

– Я уже думал над этим... но, видишь ли, милая Ивея, дар этот нельзя передавать кому попало. Слабая, трусливая, покорная Сафелия достойна ли стать подобной богам, как ты думаешь? А вдруг мои дети унаследуют её качества?

Ивея медленно кивнула.

– Я поняла, милорд... Что ж, я дала обещание, и я сдержу своё слово... Я рожу вам ребёнка. Если это будет мальчик – он всецело ваш. Но если родится девочка – я приму непосредственное участие в её воспитании по обычаям моих

предков.

– Не возражаю, – согласился Санхар. – Мы можем даже узаконить наши отношения, если для тебя это важно.

– Виолки не делят детей на законно– и незаконнорождённых, так как не узаконивают отношений в храмах и перед судьями... Достаточно клятвы друг другу перед лицом Богини-Матери.

– Я согласен дать такую клятву.

Ивея взяла руку Санхара в свою, и произнесла:

– Согласен ли ты стать моим супругом, Санхар Аоста из рода Аоста?

– Согласен.

– Я, Ивея Аоста из рода Аоста, беру тебя в мужья, клянусь беречь и защищать и родить детей только от тебя, Санхар Аоста из рода Аоста. И только смерть или моя воля разлучит нас. Даю эту клятву перед лицом Богини-Матери и её супруга Бога-Солнца.

– Слава Небесам! – торжественно произнёс Санхар.

– Вовеки слава!

На этом церемония бракосочетания закончилась.

– Это самая короткая брачная церемония в моей жизни, – улыбнулся Санхар. Особенно мне понравился пункт о защите...

– Теперь ты мой законный супруг и мой мужчина. По правилам, ты не можешь принадлежать никому, кроме меня. Но, так как у тебя уже есть первая супруга и наш союз основан

на договоре, а не на любви, то, думаю, будет справедливо, если каждый будет продолжать жить прежней жизнью. Я не буду возражать против твоей связи с Сафелией, а ты против моих связей с другими мужчинами, тем более теперь, когда я могу понести только от тебя.

– Если хочешь, я могу отказаться от Сафелии... – начал Санхар.

– Зачем ограничивать себя в удовольствиях? – возразила девушка. – Мы не любим друг друга, а просто заключили договор. Я обещала родить тебе сына, и я рожу, даже если Богиня-Мать пошлёт мне вначале дочерей...

Санхар нахмурился.

– Мне не нравится твой подход к этому делу, Ивея. У меня такое чувство, словно я принуждаю тебя к чему-то противоестественному. Я хочу, чтобы наш ребёнок родился в любви и по желанию, а не как плата в счёт мифического долга... В ином случае, ищи себе другого супруга, а я подожду ещё лет триста – мне спешить некуда.

Ивея слегка смутилась.

– Я не думала, что мои слова покажутся вам такими грубыми...

– Мы снова на «вы»? Мы же супруги. Думаю, когда ты познаешь меня, как мужчину, ты не захочешь иных ласк, кроме моих... Поверь, за столетия у меня накопился богатый опыт...

– Сколько же... тебе лет?

– Уже и не помню точно... Что-то около трёх сотен. Я перестал их считать после ста, – Санхар взял девушку за руку, притянул к себе и поцеловал. – Твои губы слаще мёда, твои глаза сияют, как два сапфира... Ты самая красивая из женщин, которых я встречал в своей жизни...

– Сколько тысяч раз вы произносили эти слова? – насмешливо фыркнула Ивея.

– Не имеет значения... Для тебя я произношу их впервые... И впервые я захотел дать бессмертие женщине, которая мне даже не принадлежала.

– Ну, теперь я ваша, милорд... Но боюсь разочаровать вас своей холодностью – у меня не такой богатый опыт, как у вас, и не такой горячий темперамент, как у Сафелии.

Временами Ивея забывала, что теперь она ровня Санхару и по крови, и по положению, ведь она стала его законной супругой. Но на этот раз Санхар не стал её поправлять, а, подхватив на руки, шагнул к своей спальне.

– А это мы сейчас проверим, – сказал он.

Глава 2

Богатый жизненный и сексуальный опыт, отточенный сотнями лет общения с женщинами разных наций, традиций, темпераментов и характеров, позволял Санхару найти подход к любой женщине, даже к такой гордой и строптивой, как виолка Ивея. Он смог завоевать её душу за несколько дней. И вот девушка, с детства привыкшая повелевать мужчинами, сама выбирающая любовников по своему вкусу, с радостью подчинилась супругу, отдаваясь по первому его зову, и даже не помышляя о других мужчинах. Капитан Интон, как и иные знакомые, был напрочь забыт, и все дни, а также большинство ночей, она проводила рядом с супругом и повелителем Санхаром.

Бедняжка Сафелия, до сих пор единолично царившая в супружеской спальне, а теперь забытая и отлучённая от постели, не смела роптать: её с детства приучали, что у мужа она может быть не одна, и, к тому же, не самая любимая, поэтому должна безропотно терпеть всех соперниц. И хотя до сих пор Санхар не давал ей повода заподозрить, что у неё может появиться подруга-соперница, но она никогда не питала иллюзий, что такой сильный, богатый и красивый мужчина, как её супруг, удовлетворится лишь её любовью и её телом. В своё время она уже делила его с наложником-мужчиной, потому не удивилась, когда Санхар сообщил ей, что взял в

жёны свою родственницу Ивею. Ей только было обидно, что муж совсем о ней забыл, и больше не посещал её спальню.

При дворе тоже всех удивило неожиданно быстрое сближение лорда-правителя и его родственницы, до сих пор не замеченных ни в каких близких связях. Как и чудесное исцеление девушки от смертельной болезни. Многие заметили на губах лорда, вышедшего из комнаты умирающей, свежую кровь, и при дворе поползли слухи, что их бессмертный господин питается кровью юных девушек, чтобы поддерживать свою вечную жизнь. Но исцеление леди Ивеи изменило этот нелепый миф, приписав ему обратные качества: господин дарует бессмертие в обмен на кровь. И то, что, до сих пор гордая и независимая виолка, полностью покорила лорду-правителю, даже стала его второй супругой, лишь подтверждало, что, выпив её кровь, он забрал и её душу, полностью подчинив своей воле. Санхар знал обо всех этих нелепых слухах, но не обращал на них внимания, пока они жили в виде безобидных страшилок для глупых суеверных рабов. Но если он замечал, что эти рассказы повторяют или внемлют им люди высшего круга, то быстро и строго пресекал подобные сплетни.

Прошла зима, наступила прекрасная пора весенних цветов, новой яркой зелени и размножения всего живого. Санхар каждый день спрашивал Ивею, как она себя чувствует, не ощущает ли в себе зарождения новой жизни? Но девушка лишь виновато разводила руками. Видят боги, она старалась

зачать ребёнка, используя для этого все известные ей способы.

Санхара начало беспокоить, что все его усилия пропадают впустую. Поэтому, как только установилась хорошая, благоприятная для мореплавания погода, он оснастил «Избранника богов» – свой любимый корабль, взял с собой Ивею и урну с локоном Святой Лианны, выигранный им на турнире на Оллине, и отправился в Трикор – проведать мать и спросить её совета.

За прошедшие столетия Трикор изменился мало: разве что выросла столица и некоторые города, появилось больше полей и мощёных дорог, да люди, при виде Санхара, падали ниц – раньше такого не было.

Санриза узнала о прибытии сына, лишь только он приблизился к стенам столицы, которая тоже сильно изменилась, став больше походить на цивилизованный город с высокими каменными домами, широкими мощеными улицами, продуманными коммуникациями, скверами и скульптурами. Санхар обратил внимание, что в скверах и на площадях возвышается много похожих на него скульптур и памятников, и догадался, что это изображения его отца. Санризы почти не было, а вот Лианд был отобразён в различных ракурсах: на коне, без коня, с мечом, побеждающий врагов, сидящий или стоящий в величественной позе.

Как только Санхар и его свита приблизились к воротам дворца, они тут же распахнулись, и прибывших встретил по-

чѣтный караул из воинов и слуг, а на ступенях ждали король и королева.

Ивея, идущая рядом с мужем, поразилась сходству сына с отцом, и с любопытством оглядела Санризу, о которой столько слышала из уст Санхара.

После радостных объятий и приветствий, Санхар представил родителям супругу, сказав:

– Ивея Аоста из рода Аоста, рождѣнная на Оллине, последняя из нашего рода, Бессмертная.

– Юная Бессмертная, – поправила сына Санриза.

– Да, она обращена совсем недавно.

Правители удалились в свои покои, ворота дворца закрылись и слуги разошлись по своим местам. Лианд похлопал сына по спине, сказал, что тот, наверное, хочет поболтать с матерью, поэтому они пообщаются позже, и удалился. Санхар проводил отца задумчивым взглядом и спросил:

– Что это с ним? В городе я видел десятки статуй с его изображением...

– Твоего отца обуял демон гордыни, сынок, – ответила Санриза. – В последнее время его посещают мысли о завоеваниях и мировом господстве... Если так пойдѣт дальше, я буду вынуждена убить его, – добавила она будничным тоном.

Санхар, равно как и Ивея, с изумлением уставился на мать.

– Не осуждай меня, сынок, – сказала она. – Если я этого не сделаю и он начнѣт переделывать мир по своему вкусу,

боюсь, боги, создавшие нас, вернуться и истребят нас всех... Они это могут, поверь. Ты готов умереть из-за амбиций своего отца?

Санхар признал, что о смерти ещё не думал, скорее наоборот, он мечтает о продолжении рода, и рассказал матери о трудностях, возникших на этом поприще.

– Ты спешишь, – улыбнулась Санриза. – Подожди хотя бы несколько лет. Особенность нашей жизни такова, что нам некуда торопиться. К тому же тело Ивеи ещё полностью не перестроилось, и не воспринимает твоё семя, как «своих».

Затем их разговор перешёл в другое русло. Санхар отдал матери урну со святыней и рассказал, каким способом приобрёл её. Ивея рассказала об Оллине и современной жизни королевства. Санхар поведал о своём кругосветном путешествии, о Лайонсе и истории его построения, и ещё о многих вещах из своей жизни, проведённой вне дома. Санриза, в свою очередь, поделилась местными новостями, которые, увы, оказались не столь интересными, как новости прибывших.

На следующий день Санхар общался только с отцом. Раньше, когда Санхар был юн и жил дома, они не находились в таких близких отношениях, какие сложились у него с матерью, а сейчас Лианд, вообще, неприятно поразил Санхара своим непомерно раздутым самолюбием и безмерной гордыней. Он говорил только о себе, о своих грандиозных планах, жаловался, что Санриза не поддерживает его, как прежде, и

в конце попросил Санхара присоединиться к нему.

– Мы завоюем весь мир, станем бессмертными правителями Аквии, и все страны и народы будут подвластны нашей воле! – с пафосом произнёс он. – Представь только, сынок, мы станем живыми богами в этом мире. Люди забудут своих выдуманных богов и будут поклоняться нам!

– Я и так почти бог, отец, и мне это не нравится, – холодно ответил Санхар. – Выбрось, лучше, эти глупые мечты из головы, папа, пока не накликал на нас беду... А то придут настоящие боги и свергнут нас с нашего престола.

– Это твоя мать настроила тебя против меня! – вскипел Лианд. – Она постоянно пугает меня какими-то богами, сотворившими нас, хотя все мы знаем, что сами творим себе подобных!

– Правильно, – согласно кивнул Санхар. – Но кто создал мать? Ведь она была первой.

– Она сама говорила, что Дарующая, или как её там, давно покинула наш мир. Последние сотни лет никто ничего не слышал ни о каких гигантских змеях... Их здесь нет, мы здесь единственные боги!

– Нет, мы не боги, отец, хотя уже и не люди... Иногда я сожалею, что не родился простым смертным. Мы многое потеряли, что доступно им. Долгая жизнь порой утомляет... Я понимаю, почему ты загорелся мыслью покорить весь мир – тебе скучно. Ты сидишь в этом маленьком королевстве, нигде не бываешь, ничего не видишь. Мой тебе совет: брось

всё, сядь на коня и отправься в путешествие. Если захочешь – можешь создать ещё одно королевство, как создал это, но в другом месте и с другими людьми. На Аквии множество диких и необжитых мест. Стань первооткрывателем или завоевателем, но забудь о славе живого бога.

Лианд не ответил, сердито нахмурившись, но Санхар чувствовал, что не поколебал решимости отца и не отвратил его от мыслей о мировом господстве. Санхару стало грустно. Он знал, он верил, что мать выполнит свою угрозу и убьёт отца, если тот не откажется от своей затеи. А он всё-таки любил его, в равной степени, как и мать, они оба были ему дороги, как единственные самые близкие ему люди. И хотя он не видел и не общался с ними на протяжении столетий, это не значило, что он разлюбил их или желал кому-либо из них смерти.

Глава 3

Санхар провёл в Трикоре несколько месяцев, общаясь с родителями и показывая Ивее королевство. Хотел повидаться со старым другом Аксом, бессмертным псом, но Акс почти одичал и всё время где-то пропадал: то в лесах Вудбита, то в степях Саннарии. То охотясь, то путешествуя, во дворце показывался лишь изредка – раз в несколько лет.

Покинув Трикор с недобрыми предчувствиями, подозревая, что видит отца последний раз, Санхар направился на восток и посетил Даммар и другие страны этой части континента. Двигаясь всё время на восток, он снова обогнул всю планету, и к зиме вернулся на Лайонс. Ивея была довольна путешествием, так как увидела и узнала много интересного и набралась положительных впечатлений.

Благодаря удачной торговле и хорошему летнему урожаю, зерна и других продуктов хватало, чтобы прокормить не столь многочисленное население острова. Оставив королевство со спокойной душой, прихватив с собой Сафелию, Санхар вновь отправился в поход, теперь на юг, чтобы провести зиму на каком-либо южном острове, в тепле и неге, сделав приятное своим женщинам.

Они выбрали один из островов Звёздного архипелага. Здесь располагались несколько бедных деревушек и высился неказистый каменный дом, гордо именовавшийся двор-

цом. Хозяин дома самонадеянно называл себя лордом Байонским, и своими пиратскими набегами держал в страхе близлежащие острова.

Остров привлёк внимание Санхара неприступностью, практичностью и красотой: обрывистые высокие берега, обилие зелени, наличие пресной воды, и разнообразие ландшафта – от каменистых гор в центре до плоских травянистых долин на побережье. Он вежливо предложил хозяину «замка» добровольно уступить ему жильё и перебраться в другие, отдалённые от этих мест края. Лорд Байонский ответил гневным отказом, за что и поплатился жизнью. Санхар повёл в атаку отряд «меченых», которые с лёгкостью разбили «армию» пиратов и бродяг, служивших лорду, а его самого торжественно повесил на самом высоком дереве, какое отыскалось на острове. На правах победителя, принц забрал себе и титул, и земли, и людей, и даже домочадцев незадачливого лорда.

Ивея принимала в битве непосредственное участие. Санхар не возражал, зная, что девушке это ничем не грозит.

После завоеваний, новые хозяева занялись наведением порядка в доме и окрестностях. «Замок» перестроили, окружили защитной стеной, разбили красивые цветники, уютный сад, построили искусственный водопад... В общем, создали уют и радующую глаз обстановку. Внутри дома некоторые стены покрыли штукатуркой и цветной росписью, благо, нашёлся доморощенный умелец; другие – особенно в спальнях

и женских комнатах – искусно обшили расщепленным бамбуком, росшим на острове в изобилии.

В конце трудов своих, Санхар переименовал остров, дав ему имя Аоста, чтобы закрепить славное имя рода в веках.

Может быть подействовал мягкий благодатный южный климат или положительные эмоции занятой созидательным трудом Ивеи, а может, продолжительные морские купания – испытывая свои новые силы и возможности, Ивея часто ныряла в морскую пучину, увлечшись подводной охотой; может быть какие-то иные факторы или просто пришло время, но Ивея, наконец, понесла, о чём не преминула сообщить супругу. Так как остров Аоста ей очень понравился и ей не хотелось возвращаться в роскошный, но холодный королевский дворец или на виллу Санхара на Лайонсе, она заявила, что рожать и воспитывать детей собирается здесь. Санхар не возражал. Как только он узнал, что, наконец-то, станет отцом, он стал покладистым и угодливым, как послушный раб, безропотно исполняя любой каприз супруги. Захотелось ей сладкого алмостского вина – он тут же отправлял корабль в Алмост с приказом закупить сотню бутылок самого лучшего вина. Захотелось жареной дичи – лично брал лук и мчался в лес на охоту. Свежей рыбы – своими руками тащил сети и нёс весь улов супруге, чтобы она сама выбрала рыбку, какую желает её душа.

Сафелия с несвойственной ей ревностью, до сих пор неведомой покладистой алмостке, следила, как супруг «танцует»

вокруг беременной соперницы. Её мучили горечь и зависть от того, что она не смогла понести, а Ивея смогла. Может, потому супруг и охладел к ней, поняв, что она бесплодна, как выжженный солнцем песчаный пляж? Бедняжка не знала (ибо эту информацию Санхар не сообщал никому из смертных), что, как бы она ни старалась, всё равно не сможет зачать от своего бессмертного супруга.

Санхар, переполненный радостью в ожидании наследника, не обращал внимания на страдания первой жены, хотя чувствовал все нюансы её переживаний. Встречаясь с Сафелией, ещё малоопытная и малочувствительная, Ивея тоже улавливала негативные эмоции, исходившие от женщины, но, как и вельх, не придавала им значения.

А напрасно. Ибо зависть и ревность Сафелии в один день достигли апогея, и она попыталась убить ставшую ей ненавистной соперницу, столкнув её с высокого крыльца.

Ивея сильно изранилась и сломала руку. Но больше всего она опасалась за дитя в своём чреве, так как срок был уже большой – по расчётам, приближался срок родов. Но всё обошлось благополучно, а раны её зажили за несколько дней. Даже сломанная рука полностью восстановилась через декаду.

Санхар, узнав о происшествии, схватился за меч. Он бы тут же прикончил негодяйку, но Ивея остановила занесённую уже руку.

– Сафелия виновата, безусловно, – сказала она, – но её

ослепили ревность и зависть. Ты почти два года пренебрегаешь ею, а она ведь тоже твоя жена. Она хранит тебе верность, и от этого страдает ещё больше... Благоразумнее будет развестись и выдать её замуж за простого смертного – пусть живёт своей жизнью и рождает детишек себе на радость.

Санхар и тут не стал перечить Ивее и поступил по её совету. Он сообщил Сафелии, что её проступок непростителен, поэтому он отказывает ей в супружеской близости и берёт с ней развод. Затем он выдал её замуж за одного из своих подчинённых – парня из местных. Из дворца с услужливыми рабынями бедняжка перебралась в бедную хижину с глиняным полом и дымным очагом, где должна была сама готовить еду, стирать одежду и ублажать мужа-грубияна, который разбился в тонкостях любви, как овца в жемчуге.

В ожидании родов Санхар привёз из Алмоста опытную акушерку, услуги которой весьмагодились. Роды проходили долго и тяжело, так как ребёнок, переносивший целых три месяца, получился крупным, и с трудом проходил родовыми путями. Акушерке пришлось специальными инструментами расширять ему проход. Лишь после этого роженица смогла разродиться. Ивея потеряла так много крови, что, будь она обычной женщиной, то просто не пережила бы этих родов. Но бессмертной хватило двух суток крепкого сна, чтобы полностью восстановить силы.

К большой радости Санхара родился крепкий здоровый мальчик, крупный и подвижный, с тёмненькими волосиками

на круглой макушке и голубыми глазами, которые, впрочем, со временем, вполне возможно, ещё поменяют свой цвет.

Узнав, что родился сын, Ивея отказалась прикладывать его к груди, чтобы не привязываться к ребёнку, и малыша отдали кормилице.

Быстро оправившись после родов, женщина сообщила, что своё обещание она выполнила, и теперь считает себя свободной. Но, так как она хочет ещё и дочь, то пока побудет супругой Санхара до того времени, пока не родит девочку. Санхар не возражал. Он нянчился с сыном, а в свободное время обустроивал усадьбу, превращая её в укреплённый замок, потому что Ивея заявила, что желает навсегда остаться на острове Аоста, и, если он настоящий мужчина и любящий супруг, то поможет ей сделать всё, чтобы превратить остров в надёжное и удобное место обитания.

Пока малыш был ещё крошкой и полностью находился на попечении кормилицы, Санхар занялся уже привычным для себя делом: при помощи пиратских набегов доставил на Аосту достаточно рабочих рук, чтобы хватило на запланированные им грандиозные работы. Из Айристана привёз парочку опытных мастеров. На Виоле нанял пару десятков диких виолок, потому что их содержание и услуги обходились намного дешевле знавших себе цену «меченых». Ивея сама занялась обучением соплеменниц, и это занятие пришлось ей по душе.

От бывшего хозяина острова лорда Байонского остался

небольшой, но быстроходный кораблик – настоящий пиратский охотник. Санхар слегка переделал его, превратив в роскошную яхту, если Ивея вдруг захочет путешествовать. Местных рыбаков превратил в моряков, а капитаном согласился стать Интон, хотя Санхару не очень хотелось отпускать бывшего корсара.

К тому времени, когда Ивея зачала, выносила и родила ещё одного ребёнка, остров Аоста стал вполне благоустроенным местом: с замком, высившимся на склоне горы, террасами полей, снабжавшими небольшое население в несколько сот человек зерном и овощами, масличными и фруктовыми рощами и тремя большими селениями – в одном жили, преимущественно, рыбаки, в другом земледельцы и скотоводы, а в третьем, расположенном у подножия замковой горы, виолки, солдаты, мастера и чиновники, поддерживавшие порядок на острове.

К радости Санхара и неудовольствию Ивеи у неё снова родился мальчик. И хотя эти роды прошли легче первых, Ивея задумалась, стоит ли искушать судьбу в третий раз. Но всё же, после некоторого размышления, рискнула забеременеть ещё раз.

Пока Санхар продолжал благоустраивать остров, Ивея возносила молитвы Богине-Матери, чтобы та послала ей дочь. По-видимому, молитвы женщины были услышаны, так как в третий раз на свет появилась чудесная девочка с белоснежным пушком на голове и синими пуговками глаз. Ивея

была счастлива до такой степени, что на её глазах даже выступили слёзы. Она с нежностью обняла малышку и тут же приложила её к груди.

Санхар пробыл на острове ещё некоторое время, пока Ивея не освоилась в роли полноправной хозяйки и не привыкла к мысли, что вскоре останется одна. Затем он покинул Аосту, взяв курс на Лайонс. Он не хотел, чтобы сыновья росли в глуши на богом забытом островке, а находились в относительной цивилизации, в роскоши королевского дворца, как и полагается юным принцам. Санхар уговаривал Ивею плыть с ним, не разлучать детей и не лишать мальчиков материнской опеки, но виолка осталась непреклонной: у неё сложилась стойкая антипатия к северным холодам и осталась неприязнь к дворцовым интригам. Ей нравилась жизнь в тиши и глуши, нравилась роль единоличной хозяйки в своём доме, нравилось никому не подчиняться и ни от кого не зависеть.

Как только Санхар покинул остров, Ивея вновь приблизилась к себе капитана Интона, бывшего любовника. Женщина испытывала полное удовлетворение: у неё были свой дом, прекрасная бессмертная дочь и преданный любящий мужчина рядом. А что ещё нужно для настоящего женского счастья?

Глава 4

Расставшись, Ивея и Санхар не порвали отношений окончательно. Они остались верными добрыми друзьями. Раз в год Санхар навещал бывшую супругу, привозя с собой сыновей. Пока братья и сестра общались между собой, их родители решали собственные проблемы. Если Ивея нуждалась в какой-либо помощи, Санхар без возражений оказывал её, и наоборот. Часто лорд Лайонский дарил леди Аосте дорогие и ценные подарки, такие, например, как превосходный быстроходный корабль – почти точную копию «Избранника богов». Этот корабль патрулировал прибрежные воды и охранял остров от пиратских набегов. Также с его помощью Ивея подчинила своей власти с десятков соседних островов, обещая его жителям защиту и покровительство в обмен на лояльность и небольшую посильную дань.

За несколько лет Ивея обустроила на Аосте единственную удобную гавань, создав там безопасное и вместительное укрытие для идущих с Восточного континента в Алмост и обратно кораблей. Здесь любой мореплаватель, за небольшую плату, мог переждать бурю или укрыться от пиратов, или подремонтировать судно, если оно нуждалось в ремонте.

Вскоре о порте на Аосте узнали почти все моряки, и у новой каменной пристани в иные дни теснились до десятка судов из разных концов мира.

Зная из рассказов Санхара об особенностях развития бессмертных, Ивея не обеспокоилась, когда в двенадцать лет дочь как бы замерла в своём физическом развитии. Она знала, что ум ребёнка продолжает развиваться, потому обучала её, как и прежде, не только военному искусству и традициям виолок, но и различным наукам.

Так как на островах найти хорошего учителя не представлялось возможным, мать и дочь отправились в Алмост.

Ивея не хотела нанимать свободного учителя – не каждый рискнёт отправиться на богом забытый остров, разве что, соблазнившись высокой платой. А леди Ивея, во-первых, была не настолько богата, чтобы выбрасывать целое состояние на обучение дочери, как она считала, не столь полезным для её развития наукам, а, во-вторых, не настолько глупа, чтобы тратить попусту деньги. Гораздо дешевле купить обученного образованного раба, что женщина и сделала, посетив Королевский Рынок в Литнесе.

Он был построен в виде величественного пятиэтажного здания прямоугольной формы, на каждом этаже которого продавались схожие товары. На первом рыба и морепродукты, на втором приправы, духи и благовония, на третьем – мука, крупы, сладости и так далее. Рабами торговали на последнем пятом этаже. Их разделяли по полу, возрасту и ценности и выставляли на специальных помостах, чтобы каждый покупатель мог хорошо рассмотреть желаемый товар. Между помостами ходили зазывалы и посредники, которые

за небольшую плату могли быстро подыскать раба с требуемыми качествами, пока покупатель решал свои дела.

Ивея не стала сама толкаться среди толпы зевак и покупателей, а, подозвав одного из посредников, сказала, что ищет умного, воспитанного, обученного и хорошо образованного раба, сведущего в различных науках, на роль воспитателя и учителя для девочки. Посредник почесал стриженный затылок и ответил, что это очень редкий и весьма дорогой товар, но Ивея намекнула, что если он отыщет то, что ей нужно, её благодарность будет весьма ощутимой.

– На поиски может уйти несколько дней, – сокрушённо ответил посредник. – Сейчас здесь нет такого раба, я точно знаю...

– Я не спешу. Мой корабль «Св. Лианна» стоит в порту. Когда найдёшь товар, приходи и спроси леди Аосту, это я.

– Хорошо, миледи. Я постараюсь отыскать то, что вам нужно, как можно скорей, – поклонился посредник.

Ивея впервые посещала Королевский Рынок, хотя в Литнесе уже бывала несколько раз. И она, и Алиния, которой на тот момент исполнилось десять, с любопытством смотрели по сторонам. На отдельных помостах, группками и целыми толпами, стояли мужчины, женщины, дети, юные соблазнительные красавицы для гаремов и крепкие мускулистые парни для тяжёлых работ. Последние невольно привлекли внимание леди Ивеи, так как старый (в прямом смысле этот слова) любовник капитан Интон уже не удовлетворял, хотя и не

чрезмерных, но соответствующих её сильному, здоровому и вечно юному телу сексуальных appetитов женщины. А кандидатов на его замену Ивея на острове не видела.

Многие знатные дамы, во многих странах Аквии, в подобных случаях (когда у них не было супругов или достойных любовников), содержали специальных рабов для постельных утех, и это не считалось чем-то постыдным или запретным. Ивея тоже решила приобрести себе такого «мальчика». Отправив дочь под охраной виолок-телохранительниц на третий этаж, где продавались сладости, она решительно направилась к помосту с молодыми мужчинами.

На возвышении теснились десятка два мужчин из разных стран, возрастом от восемнадцати до сорока лет, крепкие, здоровые и ухоженные. Их тела были обнажены, не считая узкой набедренной повязки, чтобы каждый желающий смог хорошо рассмотреть и оценить товар.

Ивея предпочитала высоких стройных темноволосых мужчин с хорошей фигурой, но без чрезмерно раздутой мускулатуры. Она долго рассматривала «товар», отмахиваясь от услуг посредников, пока не выбрала подходящего кандидата, молодого, примерно, двадцати пяти-двадцати восьми лет, с чистой, приятно загорелой кожей, которую не портили даже несколько старых шрамов – следы бывших ранений. Его слегка скуластое мужественное лицо со светлыми серо-голубыми глазами, похожими на два озера в пасмурный день, обрамляли густые, выющиеся, тёмные и блестящие

волосы, свободно спадавшие на плечи и спину. Он стоял по-нурившись, не глядя на снующую мимо толпу, сцепив в замок пальцы скованных рук. Ивея почувствовала его подавленность, безысходность и тоску. Его внутреннее состояние явно не соответствовало мужественной внешности настоящего самца. Но, может, это и к лучшему. Женщина не имела ни малейшего желания укрощать строптивного раба. Ей не нужен бунтарь, мечтающий о побеге.

Подозвав торговца, виолка указала на выбранного раба и спросила:

– Сколько просишь за этого?

– О, сударыня, вы выбрали самый лучший экземпляр в моей коллекции!.. – завёл торговец обычную хвалебную песню, чтобы набить цену, но Ивея перебила:

– Сколько? Говори цену или я уйду!

Она уже знала по опыту, что алмоустские купцы мастера заговаривать зубы и накручивать цену на любой товар.

– Для вас, госпожа, я уступлю... – хитро прищурился торговец. – Двести пятьдесят, и этот красавец ваш.

– Не смей меня... Сто пятьдесят – и я беру.

– Сто пятьдесят за такого молодого, сильного и здорового раба? – притворно возмутился торговец. – Вы хотите разорить меня, госпожа?

– На этом рынке найдутся и другие торговцы, не такие жадные, как ты, – ответила Ивея и сделала вид, что собирается уходить.

– Ладно... – вздохнул торговец. – Только ради вашей несравненной красоты я сделаю небольшую скидку... Двести двадцать пять.

– Я сказала, сто пятьдесят.

– Да я сам купил его за сто пятьдесят! – вскричал торговец.

– Ты купил его за пятьдесят, – отрезала Ивея. – Я знаю оптовую цену рабов, потому что сама иногда продаю пойманных пиратов.

– Но я его лечил, кормил и содержал... Мне нужно покрыть расходы и получить прибыль, госпожа. Мне нужно заплатить налог королю и аренду подиума... Всё это стоит денег, и немалых!

– Потому я и даю тройную цену. Или бери деньги, или я уйду! – Ивея снова повернулась, собралась уходить.

– Постойте, госпожа! – остановил её торговец. – Накиньте ещё, хоть пятьдесят!

– За что? Какими такими качествами обладает этот раб, кроме смазливой внешности, чтобы я пожелала расстаться с такими деньгами?

– Скажу только вам: это не простолюдин, а образованный человек, сын богатых родителей... – понизив голос, произнёс торговец.

– Почему же ты скрываешь это? – удивилась женщина. – Ты мог бы получить за него гораздо больше.

– За таких рабов требуется заплатить большой налог, а

берут их не очень хорошо: кому нужен умный раб? Гораздо быстрее я его продам, как простого раба...

– Ты бы мог разбогатеть на выкупе.

– Я не занимаюсь выкупами, это дело долгое и хлопотное. Моя прибыль растёт с оборота. Купил – продал. И чем быстрее, тем лучше. А вы, сударыня, можете попробовать, если у вас есть время и желание...

Ивея задумчиво посмотрела на раба. Если торговец не врёт (а она не почувствовала лжи в его словах), то этот красавчик может ей пригодиться.

– Ладно, приведи его... Я взгляну на него поближе.

Ободрённый торговец подал знак помощнику и тот свёл парня с помоста. Даже стоя босиком, мужчина был почти на голову выше Ивеи, и вблизи выглядел ещё привлекательнее, чем издали.

– Ты понимаешь ассветский язык? – спросила женщина.

– Да, – ответил раб низким и приятным голосом.

– Откуда ты родом?

– Из Санракса.

– Кто твои родители?

– Мой отец придворный лекарь лорда Пейосского.

– А ты обучен какому-нибудь ремеслу?

– Я учился на лекаря, сначала под началом отца, а затем в Алдании.

– Давно тебя продали и как это случилось?

– Два месяца назад... На наш корабль напали пираты, ко-

гда я возвращался домой.

– Ты был ранен?

– Да.

– Значит, ты дрался?

– Да. Но я плохой воин...

Торговец, прислушивавшийся к их разговору, довольно улыбался. Он видел, что капризная покупательница заинтересовалась рабом, а значит, он получит свои деньги в полном объёме. И не ошибся. Ивея не стала больше торговаться, заплатила двести золотых, связала, как того требовал обычай, рабу руки, как только с него сняли цепи, и повела за собой.

Она спустилась на четвёртый этаж, отыскала лавку с недорогой одеждой для домашней прислуги, и одела раба, так как не хотела, чтобы маленькая Алиния смотрела на почти голого мужчину.

Увидев покупку матери, девочка спросила:

– Ты уже купила мне учителя?

– Нет, дочь, это мой раб, не твой. Он лекарь и зовут его

Альгид.

– Но нам не нужен лекарь. Мы никогда не бодем, – удивилась девочка.

– Зато бодеют наши слуги и подданные. Этот раб будет их лечить.

– Понятно... – протянула девочка и лукаво улыбнулась. – А он симпатичный!

– Алиния! Тебе ещё рано думать о мужчинах! – строго

ответила Ивея. – Подожди, хотя бы, пять лет!

– Да он старый для меня! – засмеялась юная проказница.

Ивея только сокрушённо покачала головой. Порой дочь её сильно удивляла. Несмотря на юный возраст, зачастую Али-ния вела себя, как взрослая девушка.

Глава 5

Им пришлось пробыть в Алмосте пять дней, пока посредник нашёл для Алинии учителя-раба. И хотя он оказался не первой молодости, к тому же хромал из-за какой-то хвори в ноге, но, побеседовав с ним, Ивея увидела, что он сведущ во многих науках и знает несколько языков. Не торгуясь, она заплатила требуемую сумму, щедро вознаградила посредника, и вернулась домой.

Интона не обрадовало появление красавчика-лекаря, так как он был не дурак и понимал, что его снова ждёт отставка. Но он опять не проявил недовольства, зная, что это бесполезно: если Ивея что-то решила, то так оно и будет. К тому же он понимал, что уже не так силён, как прежде, и не может удовлетворить молодую женщину, силы которой с каждым годом только увеличивались. Интон вновь безропотно отошёл в сторону, благо, в замке хватало других женщин – служанок и рабынь. Но он всё равно оставался первым фаворитом леди Ивеи, её правой рукой, советником, помощником и капитаном личного корабля.

Первые дни Ивея присматривалась к Альгиду, не делая никаких попыток сблизиться. Она не торопила события – спешить было некуда. Лекарь довольно быстро освоился в замке и привык к серебряному ошейнику. Ивея выделила ему отдельную комнату в одной из башен, откуда открывал-

ся прекрасный вид на горы и порт. Она приказала выдать Альгиду деревянную кровать, мягкий матрас, тёплые одеяла, льняные простыни и наволочки. В его комнате были стол, стул, крепкие циновки на полу и занавески на окнах.

Когда Альгид устроился на новом месте, он подошёл к госпоже и попросил бумагу и письменные принадлежности. Ивея не спросила, зачем они ему, а приказала эконому выдать всё, что он просит.

Альгиду разрешалось свободно передвигаться по замку и острову: статус любимца открывал перед ним любые двери. Ивее часто докладывали, что видели лекаря в селении, в порту или в горах, в лесу или на болоте. Он, как положено, всегда говорил старшему надзирателю, куда идёт и когда вернётся. По распоряжению госпожи, ему ничего не запрещали и не следили так строго, как за другими рабами. Ивея не хотела, чтобы Альгид чувствовал себя невольником, несмотря на рабский ошейник.

Все эти дни они виделись крайне редко – разве что случайно встречались в коридорах замка или во дворе. Ивея всегда заботливо спрашивала, как он себя чувствует и не нуждается ли в чём. Раб всегда вежливо отвечал: «Хорошо, хозяйка. Нет, хозяйка» и они расходились.

Так прошёл почти месяц. Наступил Мисотормидд – Период Бурь. В это время в здешних широтах часто бушевали сильные грозы с проливными дождями и порывистым ветром. Мореплавание замирало. Редко какой корабль риско-

вал выйти в море, разве что небольшие рыбацьи лодки, промышлявшие недалеко от берега и спешившие в укрытие при приближении бури. Даже пираты попрятались в своих лагерях, пережидая неблагоприятный период.

Порт пустовал, работы на полях и огородах почти замерли. Все бездельничали в ожидании спокойного времени.

Грозы всегда волновали Ивею. Она не боялась громких раскатов грома и огненных стрел молний, с треском вонзающихся в землю или бьющих в высокие деревья. Она любила шум ливня за окном, когда дождевая вода, бурля и переливаясь через край, бежала по каменным желобам, создавая неповторимую природную музыку. Она обожала сидеть в сумраке комнаты, закрыв деревянными щитами окна и рассеивая мрак лишь огнём камина. Она любила запах грозы, мокрой земли, омытых дождём листьев. Её возбуждали резкие неожиданные удары грома, вызывающие произвольную дрожь и учащённое сердцебиение.

Однажды, когда вечером, сразу после захода солнца, началась неожиданная гроза, Ивея, сидя в кресле напротив горящего камина, вспомнила о лекаре. Она не видела его последние несколько дней, но из докладов знала, что он не покидает замок и никуда не выходит. Может, он заскучал или заболел?

Ивея решительно поднялась и направилась к двери.

Чтобы пройти к башне, в которой жил Альгид, пришлось пересечь двор. Благо, гроза только начиналась и на землю

падали первые редкие капли. Ивея, несмотря на дождь, облачилась лишь в лёгкий шёлковый халат и мягкие сандалии.

Внутри башни царили сумрак и прохлада. Гуляющие сквозняки затушили торчащий у двери факел или его ещё не зажгли дежурные рабы. Впрочем, Ивее не нужен был свет – её глаза прекрасно видели в темноте.

Поднявшись на третий этаж, где находилась комната Альгида, Ивея почувствовала спокойную сосредоточенность находящегося внутри мужчины. Он не казался больным или тоскующим. Он полностью погрузился в какую-то работу. Ивея легонько потянула на себя дверь и та беззвучно открылась, потому что лёгкий скрип петель заглушил очередной раскат грома.

В комнате окутывал полумрак, рассеиваемый светом одинокой свечи, стоявшей в глиняной плошке на столе. Альгид склонился над листом бумаги и что-то писал. Он так углубился в своё занятие, что даже не заметил вошедшую хозяйку, и вздрогнул, ощутив на своих плечах её руки. Ивея взглянула на исписанный мелким почерком листок и полюбопытствовала:

– Чем ты тут занимаешься?

Альгид немного помолчал и тихо ответил:

– Без практики многое забывается... Я записываю рецепты, пока хоть что-то помню.

– Разве на Аосте нет больных?

– Мне нечем их лечить... У меня нет ни инструментов, ни

оборудования для приготовления лекарств.

– А где их можно взять?

– У любого аптекаря в Литнесе. Но лекарский сундук стоит очень дорого.

– И ты его хочешь?

– Конечно... – Альгид поднял лицо и заглянул в глаза госпожи. – Я учился ремеслу почти пятнадцать лет. Было бы прискорбно всё забыть и всему разучиться за какой-то год...

– А ты любишь своё ремесло?

Альгид слегка пожал плечами.

– Мой дед был лекарем, мой отец лекарь, я вырос, помогая отцу готовить снадобья и микстуры... Мне нравится, когда больной человек становится здоровым, когда жрица смерти отступает, благодаря моим усилиям.

Ивея чувствовала, что Альгид говорит искренне.

– Я посмотрю, что можно сделать, – неопределённо пообещала она. Затем наклонилась и легонько коснулась губами губ мужчины. Раб слегка напрягся, но не отклонился и не отвернулся. Не получив никакого ответа, женщина начала действовать более решительно. Скользнула левой рукой под тунику и нащупала напрягшийся от её прикосновения сосок. Начав ласкать его пальцами, другой рукой слегка приподняла подбородок мужчины и поцеловала более настойчиво. Альгид задрожал от возбуждения и несмело ответил. Ивея чувствовала его растерянность и даже лёгкий испуг.

– Расслабься... – прошептала. – Это твоя счастливая

ночь...

Раб слегка отстранился и посмотрел в глаза госпожи решительным взглядом.

– Это временный каприз или... – он умолк, не договорив.

– Может так, а может и эдак... – улыбнулась Ивея. – Разве ты откажешь госпоже в её желании?

– Раб не смеет не выполнить приказ... Вы можете делать со мной, что пожелаете, хозяйка... – в голосе мужчины слышалась горькая ирония.

Его слова задели Ивею и она выпрямилась.

– Разве я относилась к тебе, как к рабу? Я оскорбляла тебя, унижала твоё достоинство, наказывала? Да моя дочь имеет меньше свобод, чем ты! А когда я попросила тебя об услуге, какую может дать мужчина женщине, ты обиделся, словно я беру тебя силой! Если я тебе противна – так и скажи. Мне претит твоя нерешительность и покорность. Ты сам сделал из себя раба, не я!

Ивея повернулась и направилась к двери. Альгид вскочил и схватил её за руку.

– Не уходите! Простите... Я хороший лекарь, хотя у меня ещё не было самостоятельной практики... Но все учителя хвалили меня. Я думал, вы купили меня из-за этих качеств... Но когда вы намекнули, что я вам нужен всего лишь... как наложник... это меня задело...

– Разве нельзя совмещать приятное с полезным? Я не запрещаю тебе заниматься своим ремеслом, наоборот, всяче-

ски это приветствую. Но лично мне ты нужен, как наложник, и я этого не скрываю. Разве эти две должности несовместимы?

Альгид долго, молча, смотрел на госпожу, и женщина чувствовала, что в душе его происходит борьба между гордостью и осторожностью, решительностью и сдержанностью. Наконец, решительность победила, и он произнёс:

– Тогда купите мне лекарский сундук, чтобы я чувствовал себя не только мальчиком для утех.

Ивея засмеялась.

– Ты ещё не доказал мне, какой ты мужчина, а уже требуешь награду?

Альгид, всё ещё державший госпожу за руку, вдруг резко притянул её к себе и начал смело и властно целовать. Его руки нащупали поясок халата и ловко его развязали. Миг – и женщина стояла нагая. Его руки жадно ласкали её тело, гладили нежную шелковистую кожу, мяли упругую полную грудь, теребили соски и лоно. Ивея ощутила нарастающее желание, которое туманило и кружило голову, как крепкое вино, и сметало все преграды на пути. Она начало срывать с мужчины одежду, и через несколько мгновений они упали на жалобно заскрипевшую кровать, задыхаясь от страсти и бурных ласк. Альгид овладел ею с лёгкостью опытного любовника, вызвав у женщины стон наслаждения. Ритмичный скрип кровати и сладостные возгласы заглушил рокот вошедшей в силу грозы.

Когда они, наконец, замерли в изнеможении, Ивея поцеловала обессилено приникшего к ней мужчину, и произнесла:

– Спасибо, милый... Мне понравилось...

– Сейчас я немножко отдышусь и мы продолжим... – про-
бормотал Альгид. – Я немного поторопился, но у меня давно не было женщины...

– А у тебя найдутся силы для второго раунда? – насмешливо улыбнулась Ивея.

Альгид легонько укусил госпожу за ухо:

– Да я только разогрелся...

– Тогда, может, перейдём ко мне? У меня и кровать пошире, и есть чем подкрепиться.

– Как скажете, хозяйка.

– В такие минуты можешь называть меня по имени.

Альгид поцеловал её и решительно встал.

– Идём! Сейчас я бы не отказался от кубка хорошего вина.

Набросив одежду, они спустились вниз. Снаружи шёл проливной дождь, и пока они добрались до замка, промокли, как говорится, до костей. Пробежав мимо удивлённой стражи, они вбежали в спальню Ивеи и тут же сбросили с себя мокрые одежды. На столике у кровати стояли кувшин с кисло-сладким вином, хорошо утолявшим жажду, и вазы с фруктами и сладостями. Налив кубок, Ивея отпила половину и протянула любовнику. Осушив кубок, он отбросил его в сторону и обнял женщину. Влажные от вина губы при-

льнули к её губам, затем скользнули на шею и спустились на грудь... На этот раз любовная прелюдия была не такой быстрой и бурной, как в первый раз, а длинной и нежной. Сам любовный акт тоже был долгим, умелым и разнообразным...

Уснули они, когда последние отзвуки грозы затихли далеко на востоке, небо очистилось и засверкало яркими южными звёздами.

Глава 6

Ивея купила Альгиду лекарский сундук, хотя ей пришлось выложить за него немалые деньги. Неприятность от непредвиденных расходов скрасилась видом счастливого лица любовника, когда он открыл его и с нежностью начал перебирать стальные и бронзовые инструменты причудливой формы, банки и склянки, колбы и реторты из стекла и огнеупорной глины, бронзовые, керамические и деревянные ступки, шкатулки и коробочки. Он рассматривал, гладил и переставлял их с упоением, с каким Алиния играла с куклами.

Затем удалился в свою комнату и занялся приготовлением лекарств первой необходимости: от жара, от болей в животе, от головной и зубной болей, мазей для ожогов и для лёгких ран, какие часто случались у простолюдинов и прислуги. Ивея видела его лишь поздно вечером. Он приходил к ней в спальню, и от него не всегда приятно пахло: иногда травами, иногда непонятно чем. Женщина заставляла его мыться, а затем они нежно любили друг друга и засыпали в объятиях. Обоих устраивали такие отношения. Каждый имел, что хотел, и в свободное время занимался собственными делами.

Санхар, навестив бывшую супругу в очередной раз, не удивился, увидев красавца-раба. У него самого чуть ли не каждый год появлялась новая женщина. Похоже, он вернул-

ся к дурным привычкам молодости.

Шли года. Алия росла, хотя внешне это не было заметно. В шестнадцать лет она выглядела двенадцатилетней девочкой, и очень страдала от этого. Она ещё не знала о своей особенности, Ивея не рассказывала Алии о том, кто она и кто её предки. Девушка воспринимала, как естественное, и свою силу, и особенности, и необычные умения. И то, что все её подружки-ровесницы развились в хороших, вполне сформированных девушек, очень её огорчало. Ивея поняла, что пришло время открыть дочери всю правду. Она пригласила её в кабинет и, за плотно закрытыми дверями, рассказала о себе, о Санхаре и о бабушке Санризе, с которой и начался род Бессмертных людей. Алия слушала, едва не разинув от удивления рот.

– Ты же знаешь, как быстро заживают наши раны, что мы никогда не бодем, что мы намного сильнее даже самых сильных мужчин на нашем острове.

– Да, но я думала, это потому, что мы благородной крови, а они простолюдины...

– Но все люди стареют и умирают: и простолюдины, и благородные. Даже короли не вечны. Ты помнишь, как выглядел Альгид, когда я его только купила?

– Да.

– С тех пор он стал старше?

– Да, это заметно.

– А я постарела хоть чуть-чуть, с тех пор, как ты меня

помнишь?

Алиния отрицательно покачала головой.

– А папа?

– Нет.

– Потому, что мы Бессмертные. Мы вечно будем молодыми и красивыми, нам не грозят ни старость, ни старческое бессилие. Вот поэтому и ты остаёшься девочкой, в то время, как твои подруги становятся старше.

– Неужели, я навсегда останусь девчонкой? – со страхом воскликнула Алиния.

– Нет, ты будешь расти, но очень медленно. Лет через десять-двадцать ты будешь выглядеть на пятнадцать, а к пятидесяти станешь почти взрослой.

Алиния недовольно насупилась.

– Я понимаю, что это неудобно, но потом ты сотни лет будешь оставаться молодой и красивой, вечно юной девушкой. Твои подруги скоро увянут, а когда твоя красота только расцветёт, они станут морщинистыми старухами с седыми волосами и беззубым ртом. Подумай об этом.

Алиния задумалась и довольно улыбнулась.

– Мне это нравится!

– Теперь, когда кто-нибудь посмеётся над тобой, назвав малявкой, ты представь его старым и сморщенным, и почувствуй своё превосходство. А двадцать-тридцать лет пролетят очень быстро, поверь мне.

– А если я влюблюсь?

– Что ж, твой разум развивается естественным путём. Ты можешь влюбиться, но тело твоё ещё не готово принять мужчину. Потому, держи их пока на расстоянии. Потерпи сейчас – ты сможешь наверстать упущенное в будущем. Поверь, на твоём долгом веку будут сотни и тысячи разных мужчин, а вот детства уже не будет... Не торопись становиться взрослой. Веди себя соответственно своей внешности и всё будет хорошо. Потрать это время не на флирты и поиски потенциального жениха, как твои подруги, которым осталось жить не так уж и много, а на учёбу и усовершенствование воинских навыков. Мастерству предела нет, и чем больше ты знаешь, тем выше поднимаешься.

Как истинная виолка, Ивея сама обучала дочь воинскому искусству. Но она передала ей всё, что знала и умела. А, как ни прискорбно в этом признаться, став госпожой Аосты, Ивея не научилась ничему новому. Санхар же, благодаря переданному ему матерью ещё в детстве опыту, а также своей долгой, богатой военными походами жизни, обладал более высокими военными навыками, и мог обучить дочь лучше, чем Ивея.

Ивея была не только виолкой, для которой совершенствование в воинском искусстве стоит на первом месте, но ещё и разумной женщиной, и, после некоторого размышления, скрепя сердце, в очередное посещение попросила Санхара взять Алинию к себе и обучить всему, что он знает и умеет.

Санхара несколько удивила такая просьба, но он, конечно

же, не отказался, и Алиния покинула Аосту, отплыв с отцом и старшими братьями.

Оставшись одна, Ивея загрустила. Женщина с радостью отправилась бы вслед за дочерью, но не могла оставить Аосту и подчинённые острова надолго: она была не только их госпожой, но и защитницей от рыскавших вокруг пиратов. Единственным утешением для неё оставался Альгид, к которому она по-настоящему привязалась. Между ними давно сложились отношения, сродни супружеским, хотя фактически лекарь оставался её рабом и носил серебряный ошейник.

Но и тут Ивею ждал неожиданный и тяжёлый удар.

Однажды, вернувшись из Алмоста, куда она отлучалась по торговым делам, Ивея узнала неприятную новость: её любимец, её доверенное лицо, её многолетний любовник Альгид сбежал, сговорившись с одним из капитанов стоявших в порту судов. Поймать его было невозможно, так как неизвестно, на каком из кораблей он уплыл: в ночь побега в порту находились восемь кораблей, шесть из которых отплыли на рассвете, а двое чуть позже.

Ивея так потрясло это предательство, что она впала в депрессию. Закрылась в своих комнатах и не выходила несколько дней.

Теперь женщина осталась совершенно одна. Ни супруга, ни дочери, ни любовника, ни близких людей – капитан Интон патрулировал на сторожевом корабле, так как, с недавних пор, в Звёздном архипелаге активизировались пираты,

было несколько попыток нападения на соседние острова.

Ивея ходила по опустевшему для неё замку, не зная, чем заняться. Раньше, по несколько часов в день, она тренировалась с дочерью, решала текущие дела лордства или занималась домашним хозяйством, а вечерами общалась с Альгидом. Теперь же широкая кровать вновь стала слишком большой для одного спящего, комнаты дочери опустели, а эконом, видя состояние госпожи, не тревожил домашними проблемами.

Из затянувшейся депрессии Ивею вывел староста одного из подчинённых островов. Он прибыл на Аосту с двумя малолетними сыновьями и попросил встречи с госпожой. Ивея приняла старосту в кабинете. Войдя, тот ещё у порога склонился в низком поклоне, а потом заговорил, нервно теребя в руках войлочную шляпу:

– Не сочтите мою просьбу дерзостью, миледи, но я нижайше прошу принять на службу моих мальчиков и обучить их воинскому искусству... Они с раннего детства мечтают стать воинами, и целыми днями дерутся на палках, словно на мечах. Я слышал, что вы сами учите своих солдат. Возьмите же этих оболтусов и сделайте из них воинов.

Просьба старосты сначала удивила и рассердила женщину. У неё такое горе, а он припёрся со своими недоумками, да ещё требует сделать из них воинов! Она хотела прогнать дерзкого просителя, но затем подумала, что это отвлечёт её от мыслей о вероломном Альгиде и отсутствующей дочери,

и согласилась.

– Сколько им лет?

– Девять и десять.

– Их только двое?

– У меня ещё есть дети, но они малы... – удивлённо ответил староста.

– Я не стану возиться с двумя учениками. Мне нужен целый отряд. Возвращайся домой, посети соседние острова, и собери ещё десяток-другой мальчишек и бойких девчонок. Через месяц чтобы все новобранцы были в замке. Ступай!

Озадаченный староста с поклоном удалился.

Оставшись одна, Ивея начала обдумывать план обучения детей. Она не собиралась создавать филиал знаменитой Школы Меченосцев, ей хотелось придумать что-то своё, особенное...

Тут женщина вспомнила о Вритландии, прославившейся раторрской борьбой, элементы которого вошли в стиль, который создала основательница Оллинского королевства и прародительница цивилизованных виолок Святая Лианна Первопрестольная или Сереброволосая, как её ещё называли. В военном стиле виолок присутствовали некоторые элементы этой борьбы, несколько приёмов, отшлифованные и усовершенствованные за века. А если добавить их больше, соединить с фехтованием крепче, создать новый, особенный стиль?

Ивея позвонила в колокольчик, вызывая слугу, и прика-

зала позвать Хэднора – капитана яхты, лучшего ученика капитана Интона.

– Готовь корабль к отплытию. Мы идём к Вриту, – приказала она.

Глава 7

Остров Врит, на котором располагалось королевство Вритландия с единственным большим городом – столицей Раторр, находился возле восточной оконечности Южного Континента. Вритландия испокон веков была бедным государством, так как не могла похвастаться ни природными богатствами, ни обилием хороших пахотных земель, ни оживлёнными торговыми путями, проходившими у её берегов. Населяли остров, в основном, рыбаки, скотоводы и непревзойдённые охотники, промышлявшие дичь в покрытых густыми лесами горах, занимавших преобладающую часть территории острова.

С давних времён прибрежные селения Вритландии не раз подвергались нападениям пиратов, корсаров и разбойников всех мастей. Раб-вритландец был таким же обычным явлением, как сейчас варвар. Пока жители не изобрели способ защиты от врагов – раторрскую борьбу – смесь приёмов рукопашного боя, прыжков, ударов, увёртываний, боя с помощью подручных средств и простой драки. На Врите этой борьбе обучались все простолюдины – и мужчины, и женщины – и свой стиль, отточенный годами, передавался от отца к сыну, от матери к дочери, от лучшего бойца в селении всем, кто пожелает.

«Св. Лианна» приблизилась к берегам Врита, но Ивея не

направила корабль в единственную удобную гавань острова, в глубине которой располагался порт Раторра, а выбрала самое удалённое, а оттого, незащищённое селение, и бросила якорь вблизи берега.

Когда на воду спустили шлюпку, в которую сели Ивея и несколько девушек-виолок, а также матросы-гребцы, в селении началась паника. Отличное зрение Ивеи позволило ей в подробностях рассмотреть мечущихся людей, спешащих к лесу в поисках укрытия, матерей, тянущих за собой испуганно орущих детишек, и мужчин, пытающихся спасти свой нехитрый скарб и скот. По-видимому, селяне подумали, что на них напали пираты.

Когда лодка пристала к пологому каменистому берегу, селение почти вымерло, лишь в его центре стояла группка угрюмых мужчин зрелого возраста, вооружённых палками, граблями и кривыми рыбачьими ножами, готовых защищать родной дом от разрушения и разграбления.

Их несколько удивило, что на берег ступили не озверевшие в предвкушении лёгкой добычи громилы-пираты, а пять стройных высоких женщин, одетых в необычные военные костюмы и вооружённых мечами. Несмотря на грозный вид, эти странные пришельцы мало походили на разбойников. Они с интересом осматривались вокруг, тараторя на непонятном языке и посмеиваясь. Впереди шагала красивая, хорошо одетая девушка лет двадцати пяти, с чёрными волосами, заплетёнными в четыре косы, с блестящими синими

глазами и полными чувственными губами, в изгибе которых угадывалась твёрдость и жёсткость характера.

Приблизившись к защитникам на расстояние нескольких шагов, она остановилась и подняла руку властным жестом. Шедшие следом женщины мгновенно умолкли и насторожились, словно охотничьи псы, учуявшие дичь. Они рассредоточились и приняли готовые к бою позы.

Девушка окинула стоявших перед ней мужчин внимательным взглядом и выделила из группы одного. Мужчина средних лет и неопределённого возраста: в равной степени ему можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят. Он был высок, широкоплеч – сильную мощную фигуру не скрывал даже серый широкий длиннополый бесформенный плащ с короткими широкими рукавами. Седые, пепельно-белые, гладкие волосы зачёсаны назад, открывая удлинённое худощавое лицо с высоким, слегка опуклым лбом, прямым красивым носом, ровными, нависшими над глазами, бровями, из-под которых мрачно смотрели тёмные прищуренные глаза; большим ртом с выразительными твёрдыми губами и мужественным подбородком, и спадали на спину и плечи, слегка завиваясь на концах. Он стоял в небрежной расслабленной позе, в отличие от остальных, слегка нервничавших и напряжённых сограждан, легко опираясь на длинный посох, с утолщением на верхнем конце и заострённым внизу. Ивея по достоинству оценила невинное на вид орудие незнакомца, в умелых руках легко превращающееся в смертоносное оружие.

Обращаясь только к этому вритландцу, девушка произнесла:

– Оставьте свои страхи, братья, и отложите оружие. Я пришла к вам с миром, и не собираюсь ни грабить, ни убивать. Я не пират и не корсар. Я леди-правительница Ивея Аоста с острова Аоста, что в Звёздном архипелаге. Пираты и разбойники для меня такие же враги, как и для вас.

Она умолкла, ожидая ответа. Так как говорила Ивея ассветски, а не все в этом глухом селении знали ассветский язык в том объёме, чтобы понять её, то многие ничего не поняли из сказанного и вопросительно посмотрели на седовласого, словно он был их предводителем. Ивея поняла, что не ошиблась в выборе собеседника, и приветливо ему улыбнулась. Но её обворожительная улыбка никак не подействовала на мужчину, и он не сводил с женщины и её спутниц мрачного взгляда. После минутного молчания, словно осмысливал услышанное, мужчина спросил:

– Что же благородная леди ищет в нашей глуши? Золото, рабов, приключения?

– Знания, – ответила Ивея.

Ответ виолки вызвал всплеск удивления в душе вритландца, но внешне это не отразилось. Не изменилось ни выражение лица, ни поза, только взгляд стал ещё пристальней и, казалось, мрачнее.

– Какие знания ищет благородная леди у неграмотных полудивилизованных крестьян?

– Я хочу нанять здесь учителя для моих воинов.

Мужчина уже не смог сдержать эмоций, и уголки его твёрдо сжатых губ дрогнули в лёгкой улыбке.

– Учителя для воинов? Тогда вы ошиблись адресом, миледи. Здесь нет воинов, здесь только рыбаки и пастухи.

– А также непревзойдённые бойцы раторрской борьбы.

– Мы называем её самообороной... Зачем благородной леди учить своих воинов обороняться, ведь тогда она не сможет использовать их в бою? Эти приёмы не годятся для войны и нападения.

– Разве ты не слышал, воин, что я госпожа острова, так же открытого для нападения пиратов, как и твоё селение? У меня один военный корабль, который патрулирует прибрежные воды и прикрывает соседние острова, попросившие у меня защиты. Он не всегда справляется со своими обязанностями, так как в этом году пиратов развелось, как грызунов в урожайный год. Я хочу создать небольшие отряды самообороны из местных жителей и обучить их защите от нападения, чтобы они могли сами защищать свой дом от разбойников, если не успеет помощь. А где искать лучших учителей, как не на Врите?

Мужчина вновь помолчал несколько минут, словно обдумывая слова чужеземки, а затем спросил:

– Какую плату ты предлагаешь такому учителю?

– Я готова заплатить столько, сколько он потребует, в разумных пределах, конечно.

– Этот человек должен будет покинуть родину и уплыть с тобой?

– Конечно.

– Надолго?

– На срок, который сам пожелает, но не меньший, чем требуется для обучения.

– Может ли благородная леди поклясться, что её слова не ложь, и она не сделает этого человека рабом и не нанесёт вред его сородичам ни сейчас, ни в будущем?

– Именем Богини-Матери клянусь, что мои слова истинны, а помыслы чисты. Ни словом, ни делом я не наврежу этому человеку или его соплеменникам.

– Хорошо, леди Аоста, возвращайся на свой корабль и жди нашего ответа. Мы должны посоветоваться и найти добровольца, который согласится покинуть родину и отправиться в неизвестность.

– Как я узнаю, что вы решили, находясь на корабле?

– Мы подадим сигнал дымом костра. Как только увидишь белый дым, можешь присылать лодку – значит, такой человек нашёлся. Чёрный дым – уходи, твоё предложение не принято.

– Согласна... Но у меня есть одно условие...

– Какое? – с подозрением спросил мужчина.

– Мне нужен лучший из лучших, я не покупаю некачественный товар.

Мужчина улыбнулся, и его чуть сдержанная, но весёлая

улыбка смягчила мрачное выражение глаз.

– Хорошо, миледи, мы учтём твоё пожелание.

Ивея склонила голову в гордом, но вежливом поклоне, подала знак виолкам и повернулась к вритландцам спиной.

Вернувшись на корабль, она стала ждать обещанного знака.

То ли совещание вритландцев затянулось, то ли они не смогли найти добровольца, то ли не могли решить, кто из них самый лучший, только дым от обещанного костра появился лишь на следующий день после полудня. Ивея приказала спустить шлюпку, и в том же составе, что и первый раз, отправилась на берег.

Возле дымящей кучи сухих водорослей в одиночестве стоял уже знакомый Ивее седовласый вритландец. Он опирался на свой боевой посох и мрачно смотрел на приближающуюся лодку.

– Здравствуй, воин, – первой приветствовала его Ивея, едва ступив на гальку, покрывавшую пляж.

– Здравствуй, леди Аоста.

– Какие новости ты мне расскажешь?

– Ты не оставила мне выбора, высказав просьбу о лучшем из лучших. В нашем округе я один из лучших бойцов, поэтому община поручила эту миссию мне.

– Какую плату возьмёшь за свои услуги?

– Тысячу алмоустских золотых сейчас и по тысяче за каждый проведённый в твоих владениях год.

– Согласна, – кивнула Ивея.

– И у меня есть несколько условий.

– Говори.

– У меня есть малолетняя дочь, которую я возьму с собой.

У нас будет отдельное жильё, пища и одежда за твой счёт. Я буду служить и подчиняться только тебе, и никто больше надо мной не властен. И последнее – я могу покинуть твои владения по первому желанию.

– Ну что ж, условия приемлемы... По рукам?

Мужчина протянул руку и сжал кисть женщины крепким уверенным пожатием.

– Меня зовут Трой Аскинт, – произнёс он. – Как мне отныне обращаться к тебе, леди Аоста?

– Можешь называть меня леди Ивея или просто миледи, – как тебе больше нравится.

– Я отправлюсь за дочерью и вещами, а вы привезите тысячу золотых. Я оставлю их родственникам, на случай, если не смогу вернуться...

Глава 8

Дочери Аскинта было семь лет и звали её Гайта. Девочка робко, но с любопытством, смотрела вокруг большими, тёмными, как у отца, глазами, и пряталась за его спину. Все вещи Троя уместились в большой кожаный сак, который он легко держал одной рукой. Ивея разместила наёмника в соседней каюте и приказала сниматься с якоря.

Когда Аскинт увидел высокие обрывистые берега Аосты и укреплённый, защищённый сторожевыми башнями вход в бухту, его взгляд, во время пути несколько смягчившийся из-за вежливого и почтительного обращения с ним и его дочерью всех присутствующих, вновь стал мрачным и настороженным. Ивея, стоявшая рядом и следившая за приближением родных берегов, ощутила его беспокойство, и с лёгкой улыбкой спросила:

– Тебя что-то тревожит, мастер Трой?

Аскинт покосился на госпожу и насмешливо ответил:

– Не думаю, что этим берегам угрожает какая-либо опасность... Они неприступны, как стены крепости.

– Но зато берега моих вассалов открыты всем ветрам и авантюристам...

Аскинт не произнёс больше ни слова, пока они не пришвартовались в порту и не сошли на берег. Окинув взглядом живописные окрестности и возвышавшийся на склоне горы

замок, обронил:

– Здесь красиво.

– Надеюсь, ты не пожалеешь, что покинул родные места, – ответила Ивея.

Аскинту и его дочери выделили две комнаты в крыле госпожи. Им дали в услужение двух рабов, а Ивея прислала в подарок сундук с одеждой и игрушками, оставшимися от Алинии.

Пока Аскинт обживался на новом месте, Ивея готовила казармы для юных новобранцев, которые скоро должны были прибыть на Аосту, и спортивную площадку для гимнастических и военных упражнений.

Через несколько дней после того, как всё было готово, в порт Аосты начали прибывать рыбацьи лодки и баркасы, везущие детей и подростков. Всего набралось двадцать три ребёнка, младшему из которых исполнилось восемь, а старшему пятнадцать лет.

Когда Аскинт увидел учеников, брови его удивлённо приподнялись.

– Это ваши воины?

– Это будущие воины. Разве для того, чтобы воспитать хорошего бойца, не следует начинать обучение с детства?

– Это так... – согласился Трой.

– Думаю, первые тренировки покажут, кто на что способен. Сконцентрируй свои усилия на способных и безжалостно отсеивай непригодных.

Ивея разместила плац в таком месте, чтобы видеть из окна кабинета. Часто, сидя у открытого окна, она часами наблюдала за занятиями, которые проводил Трой. Некоторые упражнения и приёмы были ей хорошо знакомы, те, которые не знала, женщина старалась запомнить, а затем разучивала, закрывшись в своих комнатах.

Между госпожой и наставником сложились чисто деловые отношения. Она всегда была с ним дружелюбна и вежлива, не вмешивалась в его дела или методы воспитания. Иногда Ивея приглашала мастера Троя на ужин, во время которого они обсуждали текущие дела или возникшие проблемы.

На одном из таких ужинов случилось событие, которого Ивея совсем не ждала. Слуга доложил, что её срочно хочет видеть староста Кирина – селения, расположенного у подножия замка.

– Его дело не может подождать до утра? – недовольно спросила Ивея, так как только что подали десерт – взбитые сливки с орехами и фруктами, который она просто обожала.

– Он говорит, что у него очень важное сообщение, которое вы непременно захотите выслушать, – ответил слуга.

– Ладно... Пусть войдёт.

Староста, почтенный старик с седыми волосами и смуглым тёмным лицом, низко поклонился и сказал:

– Простите, ваша милость, что прерываю трапезу, но я вам кое-что принёс... – старик достал из-за пазухи завёрнутый в холстину предмет, осторожно развернул его, и Ивея увидела

серебряный рабский ошейник со своим именем. Она сразу узнала его – это был ошейник Альгида.

– Где ты взял эту вещь? – строго спросила она.

– Сегодня днём несколько мальчишек гуляли в лесу и, вопреки строгим наказам, полезли в Чёрную пещеру. Там они обнаружили могилу, сложенную из камней и частично разрушенную хищниками. Мальчишки заметили что-то блестящее и не побоялись взять эту вещь. Это и был ошейник. Я сразу узнал его, ведь лекарь Альгид не раз спасал меня и моих домочадцев... Я слышал о его бегстве, но когда дети принесли этот ошейник, подумал, что здесь дело нечистое...

С каждым словом старосты лицо Ивеи становилось всё мрачнее, а глаза наливались холодной яростью. Она сразу поняла, что дело с бегством Альгида принимает неожиданный поворот, как только увидела ошейник в руках старика. Её и раньше удивляло, что Альгид убежал, оставив все свои записи, вещи, ценные безделушки, и даже свой любимый лекарский сундук, над которым так дрожал.

– Ты правильно сделал, что поспешил с этой новостью... Сейчас ступай домой, я потом отблагодарю тебя...

Когда староста ушёл, Ивея вызвала слугу и приказала:

– Коменданта ко мне. Немедленно!

Пока слуги искали коменданта, Ивея печально смотрела на потускневшую полоску металла, вспоминая того, на чьей шее она не так давно сверкала чистым серебром.

Комендант вбежал, запыхавшись, и встревожено посмот-

рел на госпожу:

– Что случилось, миледи?

Ивея ткнула пальцем в лежащий на столе ошейник, и грозно спросила:

– Что это?

Комендант непонимающе посмотрел на ошейник, а затем на госпожу.

– Рабский ошейник, миледи...

– Чей ошейник?! Ты его не узнаёшь?!

– Э-э... Такой носил сбежавший лекарь...

– Сбежавший?! – вдруг рявкнула Ивея, вскакивая. – Его кости лежат в Чёрной пещере, обглоданные дикими зверями! Может, ты этого не знал?

– Нет, миледи! Конечно, нет! – испугался комендант, глядя в сверкавшие яростью глаза госпожи.

Ивея приблизилась к коменданту, схватила за грудки и приподняла над землёй, прижав к стене.

– Ты точно этого не знал? – произнесла с яростью. – Или сам похоронил его там?

– Нет, миледи!.. Клянусь своей жизнью... – прохрипел полузадушенный комендант.

Ивея, несмотря на затмевавшую разум ярость, почувствовала, что он говорит правду.

– Кто тебе доложил о побеге Альгида?

– Отс и Ярис... Они в ту ночь дежурили... Когда обнаружилось исчезновение лекаря, я опросил всех стражников,

и оказалось, что эти двое видели его последними. Якобы, лекарь в тот вечер был какой-то возбуждённый и отказался осмотреть нарыв на... гм... заднице Отса, который его очень беспокоил. Когда в полночь парни сменились, они вновь пошли к лекарю, чтобы он дал какую-либо мазь, но тот не открыл на их стук, а поднимать шум они побоялись. Лекарь мог пожаловаться на их поведение вам, а они не хотели вызывать ваш гнев... Так как мы обыскали весь остров и ближайшие острова и не обнаружили беглеца, то я и подумал, что он отплыл на каком-либо корабле.

Ивея отпустила коменданта и приказала:

– Приведи этих двоих.

Комендант поспешно удалился, а Ивея, опустившись на стул, взглянула на осевшие сливки, превратившиеся в растаявшее месиво, и с отвращением их оттолкнула. Затем её взгляд переместился на сидевшего на другом конце стола Троя, о котором, в гневе, она совсем забыла.

– Надеюсь, я не испортила тебе аппетит, мастер Трой, – произнесла извиняюще. – Эта история меня очень огорчила.

– Понимаю, – кивнул Аскинт. – Пропавший лекарь был вам дорог.

– В некоторой степени – да... Но больше всего я не люблю, когда мне лгут. Я считала Альгида предателем, бросившим меня непонятно по какой причине... А он всё это время лежал в могиле и хищники грызли его кости. Этот человек заслужил на более достойное погребение. И хотя он был

трусоват и слабохарактерен, но не заслуживал смерти... И он был прекрасным лекарем, если на то пошло!

Аскинт слушал госпожу, не отводя мрачного взгляда, и по его спокойному лицу нельзя было понять, что он думает, а в душе читались только удивление и любопытство.

Разговор прервал приход двух стражников – Ярса и Отса. Лишь только они переступили порог, Ивея почувствовала их страх, а когда они увидели ошейник, страх перешёл в настоящую панику. И без допроса стало ясно, что эти двое виноваты.

Ивея посмотрела на воинов недобрым взглядом и приказала:

– Рассказывайте... Только правду.

– Ну... Мы дежурили с шести до полуночи... – начал Ярса.

– Рассказывайте, за что вы его убили, – прервала их Ивея.

Воины переглянулись и опустили головы.

– За что?! – с яростью воскликнула Ивея, вскакивая. Она схватила одного и с такой силой ударила о стену, что у того перехватило дыхание. Затем повернулась к другому, и ударом кулака свалила его на пол. Затем начала наносить точные болезненные удары в голову и живот, пока тот не замер, потеряв сознание. Ивея повернулась к первому, со страхом вжавшемуся в угол.

– Так за что вы его убили?!

– Мы... мы не хотели... Отс его ударил, когда он отказался посмотреть его нарыв... Лекарь ударился головой о стену

и отрубился... Мы испугались, что он донесёт на нас, и тогда... мы решили... ну... мы добились его... спрятали в зарослях, а когда сменились, отнесли в пещеру и забросали камнями... Мы не хотели его убивать, совсем не хотели!..

– А я хочу вас убить... – мрачно ответила Ивея.

Она приблизилась к сжавшемуся в комок стражнику и одним сильным точным ударом перебила ему гортань. Тот захрипел, захлёбываясь кровью, и упал на пол рядом с товарищем.

Ивея позвала слуг и приказала вынести бесчувственные тела. Умиравшего Яrsa велела сбросить со скалы в море, куда выбрасывали казнённых преступников, а Отса отнести в темницу до её особого распоряжения.

Когда все ушли и они вновь остались одни, Ивея уже успокоилась, и её горящие синим пламенем глаза потухли. Она взяла с вазы цитрин, очистила кожуру и откусила сочный ароматный кусок. Слизав с губ сладкий розовый сок, женщина взглянула на вритландца, и спокойно спросила:

– Так на чём нас прервали?

– Вы очень сильная женщина, – произнёс Аскинт.

– Да.

– Только в ярости или всегда?

– Всегда.

– За время, проведённое у вас на службе, я слышал о вас много странных и неправдоподобных рассказов.

– Что именно?

– Что вы неуязвимы...

– Почти.

– Что вам много лет, но вы не стареете...

– Не думаю, что я старше вас.

– Что вы отличный воин и легко победите любого мужчину...

– Меня учили военному ремеслу с шести лет.

– Тогда вы могли бы сами обучать своих воинов.

– Я так и делаю.

– Тогда зачем вам я?

Ивея наклонилась вперёд и пристально посмотрела в глаза Аскинта.

– Я хочу стать ещё более лучшим воином, чем есть... Я хочу превзойти даже лорда Санхара, моего бывшего супруга – а он лучший воин на Аквии... Я хочу создать свой стиль, соединив современную раторрскую борьбу с военным искусством виолок... Твои приёмы и моё искусство создадут непревзойдённую смесь, и воин, владеющий этим стилем, станет почти непобедимым.

– Зачем?

– Зачем? – переспросила Ивея.

– Зачем вам такие воины? Для войны?

– Я не собираюсь завоёвывать другие страны или покорять народы, если ты об этом подумал. Но вот с пиратами и ловцами я бы повоевала.

– Для этого достаточно просто хороших воинов. А для че-

го вам сверхвоины?

– Всё усовершенствуется в этом мире: инструменты, оружие деятельности, оружие... Я же хочу усовершенствовать военное искусство. Если каждый воин овладеет им, меньше будет погибших в сражениях.

– Если все станут мастерами, как же тогда будет решаться исход сражения?

– Тактикой и стратегией, а не грубой силой... Я хочу заключить с тобой договор, Трой. Я прошу научить меня всем твоим приёмам – и личным, и секретным – всему искусству раторрской борьбы, а я, в ответ, обещаю передать тебе все свои знания воинского искусства, и, если пожелаешь, научить твою дочь всему, что буду уметь сама. Сделать из неё непревзойдённого воина и госпожу своей судьбы.

Трой сложил ладони и задумчиво коснулся ими подбородка. Ивея невольно обратила внимание на его красивые длинные сильные пальцы.

– Я должен подумать над вашим предложением, леди Ивея.

– Сколько угодно, мастер Трой. Я не тороплю тебя... Мне спешить некуда, – с улыбкой добавила она.

Глава 9

Убийцу Альгида Ивея повесила, устроив показательную казнь, а всё имущество обоих преступников досталось старосте Кирина. Как ни странно, она почувствовала облегчение, узнав, что Альгид не предал её, а умер наглой смертью. Женщина торжественно сожгла его кости на погребальном костре, прочитав отпускную молитву, чтобы его беспризорная душа смогла вознестись на Небо, в райские сады Небесного Отца.

Прежде, разочарованная мнимым предательством, Ивея не сближалась ни с одним мужчиной, считая их неблагодарными самцами, недостойными её любви. Но узнав, что любовник не обманул её, оттаяла, и её сердце вновь возжелало любви, а тело ласки.

Кандидатов в любовники на острове было не так уж много. Мало кто привлекал жаждущий взгляд молодой женщины: одни казались глупцами, другие грубиянами, третьи отталкивали своей неряшливостью или болтливый язык. Снова покупать раба для утех Ивея не захотела. Ей хотелось не просто животного наслаждения, но и любви. Альгид был красив, неглуп и хорош в постели, но его покорность и нерешительность, иногда, раздражали женщину.

В поисках кандидата в любовники и возлюбленные, взгляд Ивеи всё чаще останавливался на высокой мощ-

ной фигуре мастера Троя. Ей нравились его руки с узкими длинными пальцами, его ухоженность и чистоплотность, его немногословность и независимость. Трой был мастером своего дела, умелым бойцом и смелым человеком. Ей даже нравился его мрачный взгляд, не пугающий, а, скорее, настороженный и недоверчивый.

Ивея привыкла сама делать первые шаги. Если мужчина нравился виолке, она первой говорила ему об этом. Если хотела – она брала. Это было в обычаях и по правилам всех виолок – и «диких», и цивилизованных.

Как и в случае с Альгидом, Ивея выбрала грозовой вечер. Тяжёлые дождевые тучи обложили всё небо, воздух был душный и неподвижный. Иногда, далеко на западе, глухо гремели отдалённые раскаты грома.

Ивея набросила на голое тело лёгкий халат из алмогостского шёлка, приятно шелестевшего при движении. Пошитый из нескольких слоёв тончайшего шёлка, он изящно развевался при ходьбе.

Остановившись перед дверью в комнату Троя, женщина «прислушалась», и почувствовала присутствие двух человеческих существ: ребёнка и мужчины. Гайта мирно спала, а мужчина о чём-то размышлял. Ивея не могла улавливать чужие мысли, как Санхар, но она могла угадывать их общее настроение: в данном случае, думающий был чем-то озабочен. Ивея тихонько постучала, и ход мыслей мгновенно изменился: в них появилась настороженность. Послышались шаги,

звякнула задвижка и дверь резко открылась.

Ивея впервые увидела наставника без длинного серого плаща. Нижняя сорочка с распушенными завязками, открывавшими широкую грудь с рельефными мышцами, облегла мощную фигуру; длинные сильные ноги обтягивали плотные короткие панталоны. Тёмные глаза с некоторым удивлением уставились на госпожу – он едва узнал её в легкомысленной женственной одежде и с распушенными волосами.

– Миледи? Что случилось?

Не отвечая, Ивея протиснулась мимо Аскинта. В тусклом свете одинокой свечи бледно-голубой халат казался туманным облаком, случайно заплывшим в помещение. Остановившись возле кровати, на которой только что лежал мужчина, Ивея повернулась к нему лицом и медленно развязала тесёмки, соединявшие полы. Лёгким движением плеч сбросила одеяние на пол и опустилась на согретое мужчиной ложе.

Никто из двоих не произнёс ни слова. Молча наблюдавший за действиями нежданной гостьи Трой, захлопнул дверь и задвинул засов. Приблизившись, посмотрел на женщину сверху вниз. Его взволновал вид обнажённого женского тела, Ивея мгновенно это почувствовала. Подвинулась, освобождая ему место.

Трой наклонился, поднял халат и аккуратно положил на стоящий рядом стул. Затем сбросил рубашку, развязал завязки панталон. Через минуту его нагое тяжёлое тело осто-

рожно опустилось рядом, а узкая ладонь легла на изгиб талии женщины. Лицо приблизилось, и твёрдые сухие губы коснулись сначала щеки, а затем припали к губам нежным долгим поцелуем.

Ивея знала, что за всё время пребывания на Аосте, у Троя не было ни одной женщины. Он ни с кем не завел ни краткой интрижки, ни серьёзного романа. Но, вопреки ожиданиям, мужчина не набросился на неё с нетерпением и жадностью, а действовал неторопливо и со вкусом. Его ласки были нежными и разнообразными, акт любви долгим и чувственным. Ивея наслаждалась каждым мгновением близости, а когда, в конце, из её груди вырвался долгий стон наслаждения, Трой закрыл ей рот поцелуем, чтобы вскрик не разбудил спящую в соседней комнате дочь.

Затем они лежали, обнявшись, наслаждаясь овевавшим разгорячённые тела прохладным ветерком, влетающим в открытое окно, слушая шум начавшегося дождя. Никто до сих пор не произнёс ни единого слова. Ивея ласкала лёгкими поцелуями шею мужчины, а он нежно гладил её бархатную кожу... Так они и уснули, убаюканные ласками и шелестом дождя, в объятиях друг друга.

Разбудили Ивею осторожные прикосновения. Не открывая глаз, она поняла, что Трой заботливо укрывает её. Затем ощутила на лице прикосновение волос и лёгкий поцелуй. Открыв глаза, увидела, что уже утро, а Трой одевается, стоя у кровати.

– Разве пора вставать? – сонно пробормотала.

Мужчина оглянулся и улыбнулся:

– Вам не обязательно, миледи. А у меня есть обязанности.

– Раньше я любила поваляться в постели... – вздохнула

Ивея.

– Что мешает сейчас?

– По утрам у меня столько энергии, что её нужно куда-то девать... Пойду, позанимаюсь с мечом.

Ивея встала и набросила поданный мужчиной халат. Пока она завязывала тесёмки, Трой произнёс:

– Я подумал над вашим предложением... Я согласен.

– Прекрасно. Когда начнём занятия?

– В любое удобное для вас время, не мешающее моим занятиям с учениками.

– А как Гайта? Ты говорил с ней?

– Она в восхищении от вас... И с удовольствием станет вашей ученицей.

– Отлично... Но мои методы обучения могут показаться тебе странными и даже жестокими, но всё, что я буду делать с ней, я проделала со своей дочерью, а в детстве прошла через это сама.

– Вы не вмешиваетесь в мои методы, я не вмешиваюсь в ваши.

– Тогда пришли её ко мне, когда она проснётся. И... спасибо за ночь...

Ивея нежно погладила Троя по щеке и уплыла, тихо ше-

лестя юбками.

Глава 10

Время до обеда, пока Трой вёл занятия с учениками, Ивея посвящала Гайте. Рассказывала об истории, философии и верованиях виолок, занималась упражнениями, развивающими силу, гибкость, выносливость и ловкость. После обеда, на который приглашались отец и дочь, Трой и леди посвящали индивидуальным занятиям. Он показывал ей один или два приёма и помогал их усвоить. Затем Ивея показывала ему несколько упражнений с мечом. Какое-то время уходило на их усвоение. Трой был уже не в том возрасте, чтобы стать великим фехтовальщиком, но его физическая подготовка, сила, гибкость, быстрота и выносливость давали ему большие преимущества. Ивея училась гораздо быстрее, отчасти из-за того, что некоторые приёмы были ей знакомы, отчасти из-за военной подготовки, отчасти из-за особенностей бессмертного тела, быстро усваивающего любые навыки. Но даже ей, иногда, приходилось трудно, и к вечеру она испытывала усталость. Несмотря на это, Ивея регулярно, три-четыре раза в декаду, приходила в спальню Троя, поздно вечером, когда Гайта уже спала, и они, не говоря ни слова, любили друг друга. Никто из них не говорил об этих странных встречах, и днём они держались так, словно между ними ничего не было. Но Ивея чувствовала, что с каждой встречей всё сильнее привязывается к мужчине. И Трой радовался каж-

дый раз, слыша знакомый тихий стук.

Так продолжалось полгода. На Аосту прибыл Санхар, привезя в гости Алинию и сыновей. Мать и дочь бурно радовались встрече. Ивея познакомила Санхара с Троем и рассказала о своём плане создания нового воинского стиля. Бывший супруг одобрил занятия Ивеи, а когда они остались наедине, сказал:

– Наконец, ты встретила человека, сумевшего завоевать твоё гордое сердце.

– Что ты имеешь в виду?

– Я вижу и ЗНАЮ, что ты любишь этого вритландца.

– Ошибаешься... Я ещё сама не разобралась в своих чувствах.

– Ты же знаешь, что я никогда не говорю то, в чём не уверен... И он любит тебя, хотя внешне не проявляет чувств. Но старого Санхара не проведёшь... – засмеялся он. – Почему бы вам не пожениться? Или ты ни с кем не хочешь делить свою власть? – неожиданно предложил он.

– Мысль о замужестве не приходила мне в голову... – задумчиво ответила Ивея. – В общем, это неплохая идея. Я обдумаю её на досуге... Так я смогу навсегда привязать его к Аосте.

Пробыв на острове месяц, Санхар отбыл, забрав детей. Всё это время Ивея не встречалась с Троем, хотя не спала и с Санхаром, что, иногда, позволяла себе ранее.

Когда, на следующую ночь после отплытия «Избранника

богов», Ивея тихонько постучала в заветную дверь, Трой не поспешил открыть её, как прежде. Ивея чувствовала, как его раздирают противоречивые чувства: радость и гнев, желание и неприятие. Ивея постучала ещё раз и тихонько произнесла:

– Открой, милый, мне нужно с тобой поговорить.

Послышались неторопливые шаги и дверь медленно отворилась. Взгляд Троя был мрачнее, чем прежде. Посторонился, пропуская госпожу. Ивея не прошла к кровати, как обычно, а села на стул, ожидая, пока мужчина закроет дверь. Облокотившись спиной о стену, не приближаясь, сложив руки на груди, он смотрел из-под насупленных бровей.

– Мы ведём себя, как дети, – начала Ивея. – Мы любим друг друга, но, по непонятной причине, делаем вид, что это не так. Мы желаем друг друга, но сдерживаем свои желания, встречаясь украдкой, словно преступники... Что нам мешает быть вместе?

Трой пожал плечами и глухо ответил:

– Может, ваш супруг?

– У меня нет супруга. Я свободная женщина, сама управляющая своей судьбой.

– А лорд Санхар?

– Санхар отец моих детей, не более. У нас с ним был брак по договору, по которому я обязалась родить ему сыновей... А он подарил мне дочь. Но между нами никогда не было таких чувств, которые я испытываю к тебе.

– Что же вас заставляет скрывать наши отношения?

– Наверное, моя виольская гордость... Трой, я хочу, чтобы ты стал моим законным супругом, со всеми правами, обязанностями и званиями. Не просто супругом леди Аосты, не просто соправителем, а лордом-правителем Аосты и прилегающих островов. Твоя дочь станет моей дочерью со всеми вытекающими из этого положения правами.

Трой безмерно удивился. Он даже не попытался скрыть удивление, отразившееся на лице и в глазах.

– Ты понимаешь, что говоришь? – от удивления он даже забыл о субординации.

– Конечно. Не думаешь же ты, что эта мысль только что пришла мне в голову... Это Санхар предложил нам пожениться, и, хорошенько всё обдумав, я решила, что это предложение достойно воплощения в жизнь.

– Ты, благородная леди, берёшь в мужья нищего безродного бродягу?

– Не всё ли равно, кем ты был в прошлой жизни... Главное, кто ты сейчас! Мы с Санхаром считаем, что ты достоин стать властелином этих земель. У тебя хватит ума и силы воли управиться с этим наследством.

– Что значит, властелином? Разве ты покидаешь Аосту?

– Нет, конечно. Во всяком случае, не в ближайшем будущем. Но, может быть, когда-нибудь, когда мне надоест сидеть на одном месте и захочется перемен...

– Каждый раз ты загадываешь мне загадки... Когда-нибудь, это когда?

– Ну, лет через двадцать-тридцать...

– Извини за грубость, леди Ивея, но тогда ты будешь бабушкой...

Ивея тяжело вздохнула и минуту помолчала.

– Думаю, прежде чем стать твоей женой, я должна открыть правду о себе...

– Что ещё? – вновь насторожился Трой.

– Я никогда не стану старухой... И не смогу родить тебе детей, если ты этого вдруг захочешь. Я... Я не такая, как все. Я – Бессмертная. Я не состарюсь и не умру ни через сто, ни через триста, ни, возможно, через тысячу лет... Санхар тоже Бессмертный и наши дети – Бессмертные... Ибо только от бессмертного мужчины может зачать и родить бессмертная женщина... Не спрашивай, кто мы и откуда пришли. Я не стану рассказывать нашу историю, она тебе ни к чему. Просто, прими всё, как есть... Теперь тебе станут понятны все мои странности, которые ты замечал и о которых слышал от других.

Трой поражённо молчал, не сводя с женщины удивлённого взгляда. Наконец, после долгого молчания, тихо спросил:

– И... сколько тебе лет?

– Сорок пять.

– Почти ровесники... – Трой оторвался от стены и сел на стул напротив. – И как долго ты собираешься со мной жить?

– Пока не кончится наша любовь. Ведь, рано или поздно, всё умирает, даже любовь...

– Но ты ведь бессмертна.

– И я когда-нибудь умру, но не так скоро, как... – Ивея тактично замолчала.

– А сколько лет лорду Санхару?

– Я точно не знаю. Где-то за триста. Он говорит, что перестал считать свои года, когда ему перевалило за сто.

– Хм... – усмехнулся Трой. – Он хорошо сохранился для своих лет.

– Теперь ты знаешь всю правду обо мне и моей семье...
Согласен стать моим мужем? Или тебя испугала правда?

– Я никогда не боялся правды... Но женитьба дело серьезное. Можно, я подумаю?

– Сколько угодно, милый, у меня уйма времени... – улыбнулась Ивея.

Трой придвинулся вместе со стулом и взял женщину за руки.

– Будешь ли ты любить меня до смерти, Ивея?

– Не знаю... – честно ответила виолка. – Но я люблю тебя сейчас, и не важно, что будет через двадцать или тридцать лет.

– И я люблю тебя, Ивея... Ты поразила моё сердце, как только ступила на берег Врита. Уже тогда я возжелал тебя – красивую, сильную, уверенную и воинственную. Но я и не мечтал, что боги услышат мои молитвы и соединят наши тела и наши сердца... Я обещаю любить тебя Ивея, пока мои глаза не закроются, а в груди не остановится сердце. И я со-

гласен стать твоим мужем не ради славы, богатств или почестей, а только ради возможности единолично обладать тобой, не деля ни с каким мужчиной – ни смертным, ни бессмертным.

Сердце женщины забилося сильно и гулко, ведь никогда прежде, ни один мужчина не говорил ей таких прекрасных слов любви. Как бы она ни гордилась виольским происхождением, но она была женщиной – существом, любящим обожание, восхищение, поклонение и восхваление.

– Я хочу белоснежное платье и узорное покрывало... – прошептала Ивея, вспомнив виденную в Алмосте свадебную церемонию. – А у тебя будет белый камзол...

На следующий день глашатай объявил всем жителям острова о помолвке леди Аосты и мастера Троя. Свадьбу назначили через два месяца, когда соберут первый урожай и останется время перед новым посевом.

Новость быстро облетела прилегающие острова, а заходящие в порт корабли разнесли её на полмира. Все, кто когда-либо слышал об Аосте и его госпоже, удивлялись, с какой это стати гордая владычица острова выходит замуж за безродного чужака. Одни завидовали привалившему незнакомцу счастью, другие насмехались над «бабой», позволившей какому-то проходимцу вскружить себе голову.

Ивея пригласила на торжество всех знакомых и сыграла пышную свадьбу, не пожалев ни еды, ни денег, чтобы убажить гостей и создать для себя и любимого незабываемый

праздник. Она была в великолепном белоснежном платье из блестящего алмоостского шёлка, а Трой в белом костюме, украшенном золотым шитьём. Эти шедевры создавали привезённые из Алмооста портные. Алмоостские законники написали брачный договор, где за Троем и его наследниками закрепились все права, а он сам получал звание лорда-правителя.

Свадьба продолжалась четыре дня, после чего гости разъехались, а Ивея и Трой вернулись к обычной жизни.

После свадьбы мало что изменилось в их жизни. Они всё так же тренировали воинов и тренировались сами, Ивея обучала Гайту, занималась делами замка и лордства, правда, теперь привлекая к этим делам и супруга. Они открыто наслаждались друг другом, и прислуга часто натыкалась на ласкающуюся парочку в самых неожиданных местах.

Ивея снова была счастлива, не задумываясь, долго ли продлится её счастье, и что она будет делать, когда любимый начнёт угасать, снедаемый старостью и болезнями. Это наступит не скоро – впереди у них, как минимум, лет двадцать спокойной безоблачной жизни. На это, во всяком случае, она надеялась...

Конец первой части

Часть вторая. Неженское дело

Глава 1

Наверное, Ивея сделала ошибку, позволив дочери тесно общаться с отцом и братьями. То ли Санхар оказался таким хорошим воспитателем, то ли Ивея плохой матерью, но за несколько лет Алиния так сдружилась с братьями и отцом, что, став взрослой и самостоятельной, покинула Аосту и отправилась путешествовать с мужчинами.

Ивея переложила всю свою любовь и нереализованные материнские амбиции на приёмную дочь Гайту. Она растила её и обучала, как родную, воспитывала в ней будущую правительницу и воительницу, какой была сама.

Но, как Ивея ни старалась, Гайта оставалась простой смертной девушкой, мечтающей о муже и детях. В двадцать три она вышла замуж за красавчика-принца с острова Звезда Юга, случайно забредшего в их края. Двадцать какой-то отпрыск плодовитого папаши-короля, и единственным его достоинством, по мнению Ивеи, был титул.

Дочери – и родная, и приёмная – принесли женщине сплошные разочарования. И единственное, что ещё держало Ивею на Аосте, это любовь к супругу Трою.

Ивея никогда не верила в большую и светлую любовь до

смертного часа. Но как ещё можно назвать тёплые, уважительные, трепетные отношения, когда утром, проснувшись в одной постели, хочется прижаться к любимому, а его прикосновение или взгляд вызывают желание близости?

И хотя Трой с годами старел, его тело слабело, а лицо покрывалось морщинами, хотя Ивея оставалась молодой, сильной и красивой, ей не хотелось расставаться с мужем. Её продолжал манить его мрачный взгляд и возбуждать нежные ласки.

Они прожили долгие тридцать два года, порадовались вместе внукам, которых подарила им Гайта, а затем, как-то быстро, всего за несколько месяцев, Трой угас и тихо умер душной летней ночью. Ивея почувствовала его смерть, как болезненный сердечный спазм, разбудивший её. Проснувшись, она мгновенно поняла, что случилось, и, повернувшись к любимому, обняла холодеющее тело и беззвучно заплакала. Она оплакивала их трепетные отношения, их нежную привязанность, их полное доверие, их ушедшую в небытие любовь... Вряд ли когда-нибудь у неё появится другой Трой с непревзойдённым молчаливым достоинством, всепонимающей и безграничной любовью к «иной», Бессмертной женщине.

Ивея устроила пышную погребальную церемонию и четырёхдневную тризну, вознесла богатые жертвы богам, чтобы его душа беспрепятственно вошла в райские Врата.

Через несколько дней, собрав всё, что пожелала взять с

собой, отобрав пять самых лучших учениц-виолок, Ивея покинула остров и отправилась в путешествие.

Почти столетия провела Ивея на небольшом ограниченном клочке суши, выбираясь, и то, ненадолго, лишь в ближайшие места – Алмост, Марод. Самым дальним её путешествием была Вритландия, где она встретила Троя. И, хотя на Аосте оставался дом, который она создала своими желаниями и по собственному вкусу, но в этом доме не осталось никого, кого бы она любила и ради кого хотела бы остаться.

Корабль, на который Ивея взошла, направлялся на Восточный континент, в Аскоррию, с заходом в Рунин. Ивея вспомнила рассказы Санризы, матери Санхара, о её жизни и приключениях в странах Восточного континента, и захотела сама побывать в тех краях, чтобы испытать нечто подобное.

Сначала Ивея хотела сойти на берег в Румоле – большом портовом городе Рунина, но, посмотрев на его многолюдье и суету, напомнившие ей знакомые порта Алмоста, решила плыть дальше и покинуть корабль в Китуке – единственном порту довольно большого королевства Аскоррия.

Аскоррия состояла из трёх больших провинций: Южного Аскора – с главным городом Китук, Западного Аскора с главным городом Ишлой и Восточного Аскора – с Нохоллом. Вначале Ивея думала просто попутешествовать по Аскоррии, посмотреть королевство, узнать его обычаи, познакомиться с людьми. Но, сблизившись в гостинице с купцом из Альгана – восточным соседом Аскоррии, услышав его увле-

кательные рассказы о родине, решила сначала навестить эту страну. Тем более, попутчик у неё оказался знающим и общительным человеком и опытным путешественником.

Купца звали Астин Кратаг. Он уже много лет ездил в Китук, дёшево скупал различные заморские товары и переправлял в Альган, где с выгодой продавал. Дело было весьма прибыльным, но последнее время стало опасным. И раньше на дороге, по которой двигались купеческие обозы, пошаливали разбойники. А теперь появилась банда особенно умелых, дерзких и беспощадных грабителей. Они не просто грабили обозы, но и безжалостно убивали любого, кто оказывал им хоть малейшее сопротивление. От разбойников не спасала ни охрана обозов, ни королевские военные патрули. Они внезапно появлялись и так же внезапно исчезали, прихватив награбленное. Поговаривали, что это солдаты одного из местных вельмож, но кого именно, неизвестно. Купцы прозвали разбойников Ураганом, так как они налетали с силой и неизбежностью этого природного явления, сметая всё на своём пути.

Ивею заинтересовал рассказ об Урагане. Она не отказалась бы встретиться с этими молодцами в бою, чтобы опробовать на практике свой новый боевой стиль «атанасис», смесь военного виольского искусства и раторрской борьбы. Это красивое и странное слово с виольского переводилось как «бессмертный бой», что имело двойственное значение, понятное только ей и другим бессмертным. За десятилетия

Ивея в совершенстве овладела атанасисом и обучила ему своих виолок-охранниц. Но до сих пор они не опробовали его в настоящем бою – не подворачивался подходящий случай, хотя часто соревновались между собой, выясняя, кто лучший боец. Девушки, сопровождавшие Ивею, лучшие из лучших, несколько раз подряд побеждавшие в соревнованиях. У каждой на левом предплечье красовался золотой браслет необычной формы. Это отличие придумала Ивея. Победительница трёх турниров получала бронзовый браслет с тремя зеленоватыми опалами, пяти турниров – серебряный с пятью прекрасными белоснежными жемчужинами. Ну, а победительница десяти турниров с гордостью носила имя мастера и золотой браслет с десятью великолепными рубинами. Мастера имели право обучать других, и уже не принимали участие в общих соревнованиях, а только в турнире мастеров, проводившемся раз в пять лет.

Когда Астин Кратаг, завершив в Китуке свои дела, собрался в обратный путь, Ивея предложила ему сопровождение, сказав, что шесть дополнительных мечей не будут лишними. Кратаг с радостью согласился и ответил, что оплатит услугой за услугу: если ему удастся добраться домой целым и невредимым, то он представит девушку лорду Эмбору – правителю Йеанна и прилегающих земель, с которым был хорошо знаком, так как поставлял к его двору заморское вино, шелка и другие ценные товары. Ивея не очень стремилась к знакомству с местными вельможами, но посчитала, что по-

кровительство влиятельных людей будет не лишним.

Вначале дорога шла землями Аскоррии до города Норден, расположенного на берегу пограничной реки Ледж. Именно здесь, недалеко от Нордена, свирепствовала банда Урагана, хотя и другие участки длинного пути были небезопасны. Один раз на обоз, в составе которого двигались три повозки Кратага, напали разбойники, когда тот остановился на привал. Но дружное и умелое сопротивление охраны быстро остудило их пыл, и разбойники ретировались, оставив на поле сражения двух убитых.

Ещё триста кемов пути прошли без приключений, когда однажды утром, едва обоз тронулся в путь, с головы донеслись истошные крики, со скоростью степного пожара в ветреный день долетевшие до хвоста обоза и сковавшие ужасом всех присутствующих: «Ураган! Ураган!». Ивея сразу насторожилась и подала знак виолкам. Они спешили, привязали коней к повозкам, чтобы они не мешали и не убежали, испугавшись запаха крови и суматохи, и окружили повозки Кратага. Сам купец, бледный и дрожащий, спрятался в одном из фургонов, вознося молитвы всем богам, которых знал.

Шум боя приближался медленно, но неотвратимо. Воины охраны, показавшие себя умелыми и смелыми бойцами в прошлом бою, теперь дрогнули и начали отступать один за другим. Вскоре их сопротивление сломалось, и разбойники, разогнав их, как стадо гусей, набросились на беззащитный обоз. Они вспарывали тенты, разбрасывая вокруг всё, что не

привлекло их внимания, беря только самое ценное или поправившееся.

Когда очередь дошла до фургонов Кратага, разбойники натолкнулись на жестокий и умелый отпор. Виолки показали им стиль атанасиса, убивая нападающих быстро, безжалостно и жестоко.

Через четверть часа пространство вокруг повозок Кратага усеяли мертвецы, а несколько уцелевших разбойников позорно бежали, не успев прихватить с собой награбленное и забрать раненых.

Все, кто наблюдал этот скоротечный и результативный бой, предельно изумились ловкости и умениям чужеземок. Девушек хвалили и благодарили от чистого сердца. Когда вернулись пристыженные охранники, их встретили с презрением и негодованием.

Всех убитых и раненых разбойников погрузили на повозки, чтобы отвезти на опознание в Норден. Купцы собрали разбросанное имущество, и обоз снова, пыля, покати́л по дороге.

Глава 2

Переpravившись через Ледж – огромную полноводную реку, служащую естественной границей нескольким государствам этой части континента, Ивея и её спутницы ступили на земли герцогства Альган – самостоятельного независимого государства, в недавнем прошлом противника, а теперь союзника Аскоррии. Благодаря заключённому двадцать лет назад мирному договору, купцы и путешественники обеих стран беспрепятственно пересекали границу в обоих направлениях, и безбоязненно путешествовали ставшими мирными дорогами.

Этим не преминули воспользоваться разбойники и грабители всех мастей, пытаясь урвать свой кусок добычи от богатых караванов, катящих торговыми путями. Но, если в изобильной и относительно централизованной Аскоррии дороги патрулировали специальные отряды королевских войск, поддерживая на них хоть какой-то порядок и безопасность, то в бедном и разобщённом Альгане, где каждый лорд в своих землях был почти царём и богом, а Великий Герцог, находясь далеко в столице и имея минимальное влияние на сюзеренов, заботился лишь о регулярном наполнении государственной казны, дороги и проезжающие по ним путешественники были предоставлены сами себе.

От Нордена до Йеанна – одного из трёх самых больших го-

родов Альгана и центральной резиденции лорда Альганского, пролегало примерно сто кемов пути, проходящего, большей частью, лесными чащами. Это была вотчина лесных разбойников и охотников за рабами, которые делали набеги на плохо защищённые немногочисленные селения, воруя красивых девушек, детей и молодых женщин. Живой товар контрабандой переправлялся через границу в Аскоррию, где его с удовольствием покупали местные бароны.

Не брезговали разбойники и слабо защищёнными торговыми обозами или неосторожными путниками, грабя и убивая или уводя в плен, чтобы потом взять богатый выкуп с родственников несчастных.

Для охраны своих обозов купцы нанимали в Нордене охранников – ветеранов королевской армии, ушедших в отставку, или просто наёмников, готовых подзаработать на чём угодно. Но Кратаг, удостоверившись в надёжности защиты леди Ивеи и её девушек, не стал нанимать дополнительную охрану и не захотел дожидаться других купцов, чтобы в составе большого каравана продолжить путь. Он рискнул отправиться один, положившись на мастерство прекрасных охранниц. Сразу по прибытии в Норден, он переправился на другой берег и поспешил домой.

Обоз двигался в таком порядке: впереди ехали Ивея и Кратаг, за ними следовали две девушки, затем катили повозки и замыкали процессию ещё три девушки. Так обоз был защищён от внезапного нападения как спереди, так и сзади,

а в случае опасности его легко можно было прикрыть со всех сторон, просто рассредоточившись.

Первый день пути прошёл без приключений. На ночь остановились в небольшом селении с харчевней и постоянным двором. Несмотря на то, что ночью селение охраняли местные стражники – простые селяне, вооружённые, на случай тревоги, специальными свистками, Ивея выставила возле повозок охрану – двух девушек, которых после полуночи сменяли две другие.

К счастью, ночь прошла тихо и спокойно. Рано утром, после завтрака, повозки покинули селение, прокатили мимо скудных полей и огородов, и вновь углубились в лес.

Тяжело груженный обоз двигался медленно. Ивея вела с Кратагом тихую беседу, расспрашивая об Альгане и соседних государствах, как ранее, когда они двигались дорогами Аскоррии, расспрашивала о королевстве. Она услышала от словоохотливого собеседника много ценного и полезного, узнав о нравах, обычаях, особенностях и законах почти всех расположенных в этой части континента стран.

Внезапно Ивея прервала разговор и насторожилась. Ей показалось, что она услышала далёкий отчаянный зов о помощи. Женщина прислушалась, но вокруг царила тишина, нарушаемая лишь обычными и привычными звуками: скрипом колёс, звяканьем конской упряжи, фырканием лошадей, шелестом листьев под порывами лёгкого ветра и щебетом птиц в густых кронах деревьев.

Тогда Ивея открыла ментальное восприятие и «прислушалась» к окружающему пространству. И сразу же уловила далёкий сигнал – какая-то женщина страдала от физической и душевной боли, с отчаянием взывая к богам о помощи.

Ивея резко вскинула руку, приказывая остановить движение, и повернулась к Астину.

– Сударь, здесь неподалеку происходит что-то нехорошее... Я должна это выяснить и помочь несчастной, попавшей в беду.

Кратаг с удивлением уставился на спутницу.

– С чего вы взяли, что кто-то нуждается в вашей помощи?

– Я услышала зов. Женский крик, полный отчаяния и мольбы.

– Но я ничего не слышал... – с сомнением произнёс купец.

– Возможно, мой слух лучше вашего... – улыбнулась

Ивея.

– Но... Если вы меня оставите, поспешив на помощь неизвестным, тогда может потребоваться помощь мне! Возможно, поблизости бродят разбойники, похитившие эту несчастную...

– Не беспокойтесь, с вами останутся мои девушки. Я возьму лишь одну. Думаю, это дело не займёт много времени. Стойте на месте и ведите себя тихо.

Ивея подозвала Фрей – самую опытную и старшую из спутниц – которая была как бы её правой рукой и помощницей, и сказала, что ненадолго покинет обоз, а девушки

должны дожидаться её возвращения и быть начеку. Фрей молча кивнула и начала отдавать приказы, организуя всестороннюю охрану. Она даже не поинтересовалась, куда и надолго ли отлучается госпожа. Если бы та посчитала нужным, сообщила об этом сама, а проявлять излишнее любопытство виолки были не приучены.

Взяв одну из девушек, Ивея углубилась в лес, в направлении, подсказанным чутьём. Чем ближе она подъезжала к месту трагедии, тем отчётливее «слышала» беззвучные рыдания неизвестной женщины. Когда до неё оставалось всего несколько сот шагов, она услышала первые живые звуки: грубые мужские голоса и бряцанье оружия. Спешившись и привязав лошадей, виолки скрытно продвигались дальше.

Вскоре они приблизились к поляне, и сквозь поредевшую растительность увидели то ли временный лагерь, то ли длительный привал лесных разбойников: стреноженных лошадей, пасущихся в центре, три шалаша, небрежно сложенных из зелёных веток, небольшой бездымный костёр, возле которого сидели четверо вооружённых мужчин. Ещё один разбойник сидел чуть дальше, на берегу небольшого ручья, и что-то полоскал, а другой – по-видимому, охранник – сидел возле одного из шалашей, откуда до Ивеи долетали волны боли, отчаяния и страха.

Ивея указала подчинённой на мужчин у костра, подняла три пальца, что означало, подождать три минуты, и отступила в чащу, обходя поляну по периметру, чтобы приблизиться

к сидевшему у ручья разбойнику. Когда она оказалась на позиции, то достала метательный нож и точным броском сразила ничего не подозревающую жертву. Тот рухнул лицом в воду, не успев произнести ни звука и не выпустив из рук котелок, который мыл перед этим. Его товарищи не успели понять, что случилось, когда из зарослей вылетел ещё один нож и воткнулся в спину другому разбойнику. За ним последовал следующий точный бросок, и ещё один разбойник рухнул головой в костёр, а из его бока торчала рукоятка метательного виольского ножа. Затем из леса вышла сама девушка и спокойно направилась к оставшимся двум разбойникам. Те, увидев неприятеля, вскочили и схватились за мечи. Виолка и не подумала обнажать своё оружие. Уклоняясь от ударов и выпадов, она несколькими приёмами обезоружила, а затем и прикончила противников: одного ударом ноги в горло, перебив ему трахею, а другого, при помощи шнурка-удавки, задушив, как кролика.

Пока её помощница разбиралась с основными силами, Ивея направилась к растерявшемуся от быстроты происходящего охраннику, который, при её приближении, вскочил и выхватил короткий меч. Ивея, нарочито медленно, вытянула из ножен свой длинный великолепный алмоостский клинок, со свистом взмахнула им в воздухе и опустила вниз. Не спеша приближаясь к замершему в напряжённом ожидании мужчине, она слегка волочила клинок по земле, отчего тот издавал зловещий шелестяще-звонящий звук.

Разбойник нервно сглотнул и покосился на товарищей, которых уже приканчивала другая фурия. Судя по его позе, и по тому, как он держал оружие, Ивея определила, что это опытный воин, а не просто любитель. Но, увидев, с какой скоростью и лёгкостью, неизвестная женщина расправилась с четырьмя его товарищами, взглянув в синие, равнодушно-беспощадные глаза безжалостного убийцы надвигающейся на него чужеземки, он перепугался не на шутку.

Бросив меч, он поднял руки и воскликнул:

– Я сдаюсь, сдаюсь! Я не сделал ей ничего плохого, клянусь честью Непорочной Девы!

Ивея остановилась напротив побледневшего от страха разбойника и минуту смотрела на него немигающим взглядом, приводя в ещё больший ужас. Затем тихо произнесла:

– На колени.

Разбойник рухнул, как подкошенный, покорно склонив голову. Ивея сняла с пояса шнурок и связала ему за спиной руки. Затем рывком подняла за шиворот и приказала отойти в сторону. Тот поспешно отступил на несколько шагов.

Ивея заглянула в шалаш. В полумраке она разглядела связанную красавицу в дорогом изорванном платье и с кляпом во рту. Присев рядом и заглянув в полные слёз глаза, негромко произнесла:

– Не бойтесь, сударыня... Я ваш друг. Сейчас я вас освобожу.

Ивея разрешила стягивавшие запястья путы и вынула изо

рта кляп. Девушка громко всхлипнула и с надеждой спросила:

– Вас послал мой отец?

– Нет. Я сама по себе... Я сопровождаю обоз одного купца, Астина Кратага. Я услышала ваш крик и решила посмотреть, что здесь происходит... Я счастлива, что смогла вам помочь и спасти из лап этих гнусных разбойников... Вы сможете подняться и идти, сударыня?

– Да... Да... Астин Кратаг? Я знаю этого купца! Мы покупали у него ткань вот на это платье... – девушка с сожалением осмотрела свой грязный изорванный наряд. – Когда-то оно было очень красивым... – вздохнула она.

– Думаю, одна из ваших служанок будет рада получить его в подарок... А сейчас нам надо торопиться. Возможно, поблизости есть ещё разбойники.

– Эти негодяи ждали какого-то Купца... Они его так и называли. Наверное, работороговец из Аскоррии...

Ивея вывела девушку наружу, придерживая за талию сильной рукой. Спутница леди Аосты с любопытством взглянула на спасённую. Она доложила, что соседние шалаши пусты – в них оказались только личные вещи разбойников.

– Забирай лошадей и уходим, – приказала госпожа.

Лошади разбойников были осёдланы. Им только разрешили путы, связали вместе, посадили на одну девушку-пленницу, а на другую усадили пленного разбойника, вскочили в сёдла сами и покинули поляну.

Когда они вернулись к дороге, где их с нетерпением поджидал Крагаг, купец, едва увидев спасённую девушку, в изумлении воскликнул:

– Баронесса Валлиэт! Святые Небеса! Как вы здесь оказались? Что с вами случилось?

– Господин Крагаг! Как я рада вас видеть!.. – со слезами на глазах воскликнула девушка и бросилась мужчине на грудь. – Меня похитили разбойники, когда я ехала в селение... Если бы не эта госпожа... Простите, я даже не спросила вашего имени...

– Леди Ивея Аоста, – представилась Ивея.

– О, миледи! Я так благодарна вам за спасение!.. Думаю, мой отец отблагодарит вас более весомо, я же могу лишь сказать: огромное спасибо!

– Эти слова тоже много весят, если они произнесены от чистого сердца.

Разбойника привязали к последней повозке, набросив на шею скользящую петлю, которая затягивалась каждый раз, как только пленный начинал отставать. Охрана заняла свои места и обоз продолжил путь.

Глава 3

Дом Кратага находился на тесной старинной улочке неподалеку от центра города, где располагались Рыночная площадь, Дом Правосудия и Белый Дворец – резиденция лорда Йеаннского. Здание назвали так из-за его цвета – дворец был выстроен из белоснежного мрамора и светло-серого гранита, и сиял на фоне серых каменных и красных кирпичных домов города словно белоснежная горная вершина.

Дворец окружала высокая гранитная стена, сложенная из массивных блоков, и напоминающая крепостную, отчего в народе дворец часто называли просто Крепостью.

Дом Астина Кратага был старым, построенным ещё дедом купца, крепким и вместительным. Он стоял на высоком гранитном фундаменте, а под ним располагались обширные подвалы, где хранились привезённые товары, вино, запасы еды и фуража для лошадей. Толстые стены были сложены из обожжённого кирпича, а верхний этаж, под крышей, где жили слуги и домашние рабы, из тесаных брёвен. Крышу покрывала красная черепица, над которой вздымались высокие трубы от кухонных печей и комнатных каминов.

Дом состоял из двух этажей, не считая мансарды и подвала. На первом располагалась кухня, прихожая и другие рабочие и подсобные помещения, на втором жили хозяева и гости, бывавшие в доме.

Ивея хотела поселиться в гостинице, но Астин категорически возражал, сказав, что будет чувствовать себя неблагодарным животным, если Ивея пренебрежёт его гостеприимством. Хотя Ивея не хотела чувствовать себя стеснённой в чужом доме, но купец так горячо упрашивал её, что она приняла его приглашение.

Ей выделили небольшую, но очень уютную комнатку, а девушек-охранниц разместили на первом этаже в одной большой, куда принесли пять кроватей, шторы на окна и ковёр на пол.

Пока гости располагались в своих комнатах, слуги согрели воду и наполнили большую бронзовую ванну. Ивея с удовольствием окунулась в горячую ароматную воду, на поверхности которой плавали лепестки душистых цветов. Две рабыни тщательно вымыли её, растерев кожу грубой массажной рукавицей, и облачили в лёгкое домашнее платье, пожалованное супругой купца.

Когда Ивея вернулась в комнату, её ждала чистая разобранная постель и поднос, на котором стояла ваза с фруктами, кувшин с прохладным шипучим напитком и тарель с нежным домашним сладким пирогом.

Служанка спросила, будет ли гостья ужинать с хозяевами или предпочитает поесть в одиночестве? Ивея решила, что будет невежливо есть одной, и согласилась пройти за общий стол, поинтересовавшись, накормили ли её девушек?

Семья Кратага состояла из самого хозяина, его супруги,

лет на десять моложе мужа, троих детей разного пола десяти, двенадцати и тринадцати лет, и его почтенной матушки, одетой в траур со дня кончины супруга.

Гостью встретили со сдержанным любопытством – по-видимому, Астин уже успел рассказать домочадцам кое-что. Правда, знал он не так уж много, так как Ивея больше спрашивала, внимательно слушала, но мало рассказывала о себе, сказав лишь, что она вдова, и что решила немного попутешествовать.

За столом Крагаг, по своей словоохотливой привычке, всё время говорил о леди Ивее, расхваливая её необычные достоинства и благородство. Не забыл упомянуть и о спасении баронессы Валлиэт, сказав, что только благодаря внимательности и отваге леди Ивеи, девушку вырвали из бесстыдных лап ловцов.

– Кстати, а где наша юная баронесса? – поинтересовалась Ивея, которой уже начали надоедать хвалебные оды хозяина дома. – Надеюсь, с ней всё в порядке?

– С девушкой всё в порядке, – подтвердила госпожа Крагаг. – Бедняжка перенесла столько страданий! Сейчас она отдыхает в своей комнате.

– Я уже послал гонца к её отцу, – добавил купец. – Несчастный господин Валлиэт, наверное, поседел от горя, когда узнал о похищении. Самми его единственная дочь.

– Бедная госпожа баронесса... – сокрушённо покачала головой купчиха. – Меня бы хватил удар, если бы мою девочку

похитили... – она с любовью погладила по голове старшую дочь, сидевшую рядом.

Тут в разговор вступила до сих пор молчавшая матрона.

– Мы слышали, вы вдова, леди Ивея...

– Да, мой супруг умер в этом году.

– Пусть Небеса примут его душу... – пробормотала старуха. – Он болел?

– Нет, он умер от старости. Ему было семьдесят пять лет.

Присутствующие с удивлением взглянули на гостью.

– У вас была большая разница в возрасте? – поинтересовалась купчиха.

– Он был достойным человеком и я его любила, – уклонилась от ответа женщина. Не могла же она сказать, что на четыре года старше своего покойного супруга. Ей бы никто не поверил.

– А у вас есть детки? – спросила наивная купчиха.

Астин укоризненно посмотрел на жену.

– Нет, – честно ответила Ивея. Ведь, и правда, у них с Троем не было общих детей.

– На кого же вы оставили свои владения? Астин говорил, что вы леди-правительница какого-то острова, – вновь вступила в разговор матрона.

– На дочь моего покойного супруга. Она уже взрослая женщина, замужем и имеет деток. Она и её супруг показались мне достаточно разумными, чтобы справиться с вотчиной.

– Они вас выгнали? – вновь задала бестактный вопрос купчиха. Кратаг вновь с укором посмотрел на жену и даже толкнул её ногой под столом.

– Я похожа на человека, которого можно выгнать из собственного дома? – с улыбкой ответила Ивея. – Пять девушек, что со мной, лишь малая часть оставшихся на Аосте. И все они подчиняются мне, ибо я их госпожа и наставница. Я учила их военному искусству, я воспитала и сделала тем, кем они есть на сегодняшний день... Стоит мне приказать – и они сметут любую преграду, убьют любого, на кого я укажу пальцем, невзирая на лица и звания... Нет, милочка, я покинула свои владения добровольно и в любой день могу туда вернуться. Но после смерти супруга, с которым я в любви и согласии прожила много светлых счастливых лет, мне стало скучно на маленьком островке... Захотелось немного развеяться, посмотреть мир, познакомиться с новыми людьми... А то одни и те же лица стали меня раздражать...

– Как я вас понимаю... – вздохнула купчиха и украдкой взглянула на супруга. Свекровь строго посмотрела на неё и вновь заговорила:

– Вы сказали, леди Ивея, что вы наставница этих девушек... Как их?..

– Виолки, сударыня. Я тоже виолка родом из Оллинского королевства.

– Никогда не слышала о таком... – буркнула старуха.

– А я слышал. Там правят женщины. Так? – произнёс ку-

пец.

– Женщины-воины, – поправила Ивея.

– Значит, вы тоже воин? – спросила старуха.

– По рождению и воспитанию, матушка.

– Но ведь это неженское дело – воевать и убивать! – возразила старуха. – Женщина должна дарить жизнь, а не отнимать!

– Одно другому не мешает, – философски ответила Ивея. – Есть время рожать, а есть время воевать. Мы тоже имеем супругов и рожаем детей... Мы не кровожадные чудовища, матушка. По сути своей, виолки – телохранители, а не солдаты. Нас учат защищать и оберегать, а не нападать и захватывать. Но, если какой-либо негодяй посягнёт на мою жизнь, честь или свободу, на жизнь или здоровье моих близких или дорогих мне людей, моих друзей или моих подданных – я убью его без сожаления и угрызений совести. Разве защищать и оберегать не исконно женское занятие? И если я могу сделать это лучше многих мужчин, то это стыд и позор им, а не мне, матушка.

Старая купчиха не нашлась, что ответить, и разговор перешёл в иное русло.

На другой день к обеду прибыла карета от барона Валлиэта с усиленной охраной. Но юная баронесса выразила желание, чтобы её сопровождала леди Ивея. Женщина согласилась, так как ей не очень хотелось сидеть в четырёх стенах, ожидая аудиенции у лорда Йеаннского. Кратаг, скрепя серд-

це, отпустил гостью, взяв с неё слово, что она обязательно вернётся.

Глава 4

Замок барона Валлиэта находился в двадцати пяти кемах от города и был настоящей крепостью. При приближении кареты и всадников стража подняла решётку, закрывавшую ворота, а как только прибывшие оказались во внутреннем дворе, решётка с грохотом, от которого вздрогнула земля, упала на место.

Виолки с любопытством смотрели вокруг, ведь они никогда не бывали в настоящей крепости – замок Ивеи на Аосте слишком открыт, и напоминал, скорее, укреплённое поместье, чем крепость.

Девушки охраняли пленного, которого Ивея прихватила с собой. Она прошла с юной баронессой в замок, где их с нетерпением ждала баронесса Валлиэт. Барон ещё не вернулся из леса, где искал дочь, хотя за ним послали вчера, как только из города прискакал гонец с радостной вестью.

Ивее оказали настолько радушный приём, насколько это было в силах хозяев. Ей и виолкам выделили несколько прекрасных комнат, дали в услужение рабынь и прислали прекрасный ужин.

Барон прибыл в замок в тот же день, поздно вечером. Усталый, грязный, голодный и злой. Не переодевшись и не отдохнув, он прошёл в апартаменты гостей и постучал в комнату Ивеи.

Девушка ещё не раздевалась и не ложилась, сбросив только пояс с оружием и куртку. Открыв дверь, она пригласила барона войти. Тот, едва поздоровавшись, произнёс:

– Мне сказали, что вы привезли с собой одного из негодаев, похитивших мою дочь... Отдайте его мне, я убью его собственной рукой!

Ивея кивнула Фрей и приказала:

– Приведи пленного.

Разбойник всё ещё находился под охраной виолок, Ивея отказалась посадить его в крепостную темницу, как предлагала баронесса.

Когда помощница вышла, она обратилась к разгневанному барону.

– Успокойтесь, сударь, и наберитесь терпения. Прежде, чем убить негодяя, а это обязательно случится, его следует допросить. Вам не кажется странным, что похитители знали, куда, когда и с каким сопровождением поедет ваша дочь? Ведь их было всего шестеро и они шли на верное дело, не боясь неудачи...

Барон уставился на гостью мрачным взглядом.

– Вы хотите сказать, что в моём замке есть предатель?

– Самые большие крепости берутся не штурмом, а изменой, сударь... Похитители ждали какого-то Купца. Может, это ваш враг?

Барон подошёл к двери, рывком открыл её и рывкнул кому-то в полумрак вечерних коридоров:

– Одед, готовь пыточную! Поднимай палача, пусть расскажет свои железки! Я вытяну из этого негодяя всё, что он знает и о чём только догадывается... – добавил он, повернувшись к женщине. – Он вспомнит у меня даже то, что делала его проклятая мать, когда он ещё сидел в её чреве! Не хотите ли присоединиться, сударыня? Возможно, ваши советы помогут мне...

Ивея согласилась поприсутствовать на пытке из чистого любопытства. На её острове никогда не занимались подобными вещами – Ивея чувствовала ложь, и без труда могла вытянуть из подозреваемого правду.

– Я вам могу помочь: я легко отделяю правду ото лжи.

Они спустились в мрачные подвалы, где в одной из камер уже было готово всё для ведения допроса: огромная плоская жаровня с тлеющими углями, на краю которой лежали металлические пыточные инструменты, начинавшие тускло краснеть; в углу высились дыба и пыточное колесо, с потолка свешивались ужасающие крюки, кандалы и верёвки. С бледного дрожащего пленника сорвали одежду и приковали к стене, крестообразно распяв. Палач, по знаку барона, взял в руки один из раскалённых прутьев и приблизился к жертве. Писарь за столиком в углу приготовился записывать его ответы. Ивея и барон сидели в деревянных креслах у двери и следили за допросом.

Пленный честно и без специального принуждения назвал своё имя, место рождения и род занятий; рассказал всё о сво-

их мёртвых товарищах. Но когда барон спросил, есть ли у них помощник в замке, он слегка замялся. Барон подал знак и палач вновь взялся за отложенный было прут.

– Только осторожней, он не должен умереть, пока я не вытяну из него всё, что он знает, – предупредил барон. – Если он не успеет рассказать мне всю правду, ты займёшь его место, – с угрозой добавил он.

Палач приложил раскалённый прут к блестящей от пота коже пленного. Раздался шипящий звук и в воздухе мерзко запахло горелой плотью. Из горла истязуемого вырвался болезненный вопль. Обострённые чувства Ивеи особенно остро воспринимали всё происходящее. Она прикрыла нос платком, надушенным нежными алмоотскими благовониями, и невольно поморщилась. Барон заметил её гримасу и спросил:

– Вам неприятно это зрелище, миледи?

– Зрелище не хуже других... – сдерживая позывы тошноты, ответила виолка. – Мне неприятна эта вонь...

– Ну... – пожал плечами барон. – От этого никуда не деться...

К счастью пленный упорствовал недолго. Не выдержав боли, он закричал:

– Хватит! Я скажу, скажу!..

– Так говори! Не испытывай наше терпение!

– Это солдат, стражник... Я не знаю его имени, но знаю, как он выглядит: невысокий, худой и у него нет передних

зубов... Он кузен нашего предводителя... Я всё сказал, не мучайте меня больше... – и мужчина зарыдал.

– Нет, ещё не всё, – жёстко ответил барон. – Кто такой Купец?

– Я не знаю... – простонал пленный.

– Лжёт, – тихо ответила Ивея. – И о стражнике солгал.

Барон расвирепел. Вскочив на ноги, выхватил у палача прут и начал нещадно бить им допрашиваемого, куда попало.

– Ты скажешь мне правду, смердящий пёс! Всё скажешь, или я вырву из тебя правду вместе с твоим поганым сердцем!

Барон так расходился, что пленник потерял сознание от боли и нанесённых увечий.

Видя, что допрос пошёл несколько не так, как нужно, Ивея встала и приблизилась к разгневанному барону.

– Сударь, так вы его убьёте и ничего не добьётесь, – произнесла она. – Позвольте мне...

Барон раздражённо отшвырнул от себя окровавленный прут и, сердито сопя, вернулся на место.

Ивея попросила принести стульчак для туалета. Усадив на него пленного, она связала ему за спиной руки, а ноги привязала к ножкам. Вся нижняя часть тела, а именно, зад и то, чем мужчины так, не всегда заслуженно, гордятся, провалились в отверстие. Ивея привела несчастного в чувство и, когда он полностью осознал своё новое положение, спокойно произнесла, глядя ему в глаза:

– У тебя есть два пути, дружок: или ты правдиво и без увиливаний ответишь на все мои вопросы, или будешь медленно умирать болезненной и позорной смертью... Но, прежде чем мы приступим к нашей беседе, хочу честно предупредить: я чую ложь так же отчётливо, как падальщик чует стерво... Я буду точно знать, когда ты говоришь правду, когда недоговариваешь, а когда откровенно лжёшь... Потому, если согласен говорить – говори правду, а не хочешь – лучше молчи... Итак, мы начинаем. Кто вам рассказал о поездке баронессы Валлиэт?

Тяжело дыша, обливаясь потом от страха и боли, мужчина молча смотрел на виолку.

– Что ж, я уважаю твоё решение, – улыбнулась Ивея. – Но мне нужен ответ. Потому не обессудь, но я вынуждена применить к тебе некоторую стимуляцию... Я не буду тебя бить или жечь калёным железом. Сейчас палач поставит под тебя жаровню, и мы просто посидим и мило побеседуем на отвлечённые темы, пока жар раскалённых углей будет медленно поджаривать твои мужские прелести... Я знаю, что вы, мужчины, очень гордитесь этим местом, и оно у вас очень чувствительное... Если хочешь попасть на Небеса мужчиной, а не евнухом, скажи мне всё, что я хочу знать. Кого ты так укрываешь? Неужели этот человек стоит таких страданий?

Мужчина затравленно посмотрел на виолку, но не проронил ни звука. Ивея подала знак палачу и тот, сняв жаровню с огня, сунул её под стул.

Несколько минут пленник выдерживал нестерпимый жар, обжигавший чувствительную кожу гениталий. Он кусал губы и беззвучно рыдал, пытался подпрыгнуть, выл и скулил, сыпал проклятиями и матерился. Но, наконец, не выдержал ужасной боли и закричал:

– Итта! Служанка баронессы!.. Но она не виновата, Карол задурил ей голову...

Ивея кивнула палачу и тот вынул жаровню.

– Вот видишь, как всё просто, – почти ласково произнесла Ивея. – Не надо было так долго мучиться и покрывать негодную служанку – мы сами разберёмся, какова её вина... А теперь расскажи о Купце. Кто он, как его имя, из каких он мест и где расположено его логово?

Из глаз мужчины текли обильные слёзы, он плакал, как ребёнок. Всхлипывая и заикаясь, он рассказал всё, что знал, о таинственном купце, подробно описал его внешность, особые приметы и даже манеру речи. Теперь он говорил правду и ничего кроме правды, поэтому женщина его слушала, не перебивая. Писарь еле успевал записывать показания, быстро водя по бумаге скрипучим пером и высунув от усердия кончик языка.

Когда мужчина умолк, Ивея положила руку ему на плечо и ободряюще произнесла:

– С облегчением тебя... – и повернулась к барону. – Он сказал всё, что знал. Теперь он ваш, сударь.

Барон зловеще усмехнулся.

– Я повешу этого негодяя на крепостной стене кверху ногами, в назидание другим... Вы уверены, что он рассказал всё?

– То, что он, возможно, утаил, малосущественно и не представляет ценности в нашем расследовании... Кому интересны факты его грязных желаний и походов? Отправьте его в темницу и проводите меня к моей комнате.

Они покинули подземелье и поднялись наверх. Барон проводил гостью к двери её комнаты, так как, не зная замка, она могла бы заблудиться в путанице коридоров.

– Спокойной ночи, леди Ивея... Мне понравился ваш метод ведения допроса. С вашего позволения, я буду использовать его в будущем.

– Пожалуйста... У меня будет к вам одна небольшая просьба...

– Говорите, миледи. Для вас всё, что пожелаете...

– Не допрашивайте Итту сейчас. Оставьте всё до утра. Я сама хочу допросить девушку, если вы не против.

– Хорошо, она ваша. Сегодня я удостоверился, что вы лучший дознаватель, чем мой палач... Но, на всякий случай, я прикажу запереть её – как бы негодница не убежала... Ещё раз спокойной ночи, сударыня.

– И вам, барон.

Они вежливо раскланялись и разошлись.

Глава 5

Едва Ивея успела проснуться и ещё нежилась в постели, как пришёл посыльный от барона, который приглашал её к себе. Ивея быстро оделась и последовала за посыльным.

В кабинете барона, куда её привели, кроме самого хозяина, находилась испуганная дрожащая девушка в платье служанки. Ивея догадалась, что это небезызвестная Итта.

– Доброе утро, сударь, – поздоровалась женщина. – Так это и есть наша малышка Итта, которую так стойко защищал пленник?

– Утро доброе, миледи, – кивнул барон. – Да, это она... Но эта негодница утверждает, что ни в чём не виновата и её оговорили... Отдаю её в ваше полное распоряжение, сударыня.

Ивея опустила в кресло и несколько минут молча смотрела на девушку таким взглядом, словно собиралась её купить. Девушка была изумительно красива: изящная, невысокая, хорошо сложенная, с большой соблазнительной грудью, не вмещавшейся в узком корсете, с миловидным лицом, на котором выделялись огромные тёмные печально-наивные глаза. Их взгляд говорил, что она не понимает, почему её обвиняют в таком ужасном преступлении, в то время, как она чиста и невинна. Или девушка была искусной притворщицей, или, в самом деле, невиновной.

– Скажи, красавица, – заговорила Ивея, глядя на девуш-

ку добросердечным взглядом, – правда ли, что ты пособница гнусных разбойников? Это ты сообщила им, куда и когда поедет твоя госпожа, в какой карете, и сколько людей будут её сопровождать?

Девушка отрицательно покачала головой и, прижав руки к груди, горячо воскликнула:

– Нет, госпожа, это неправда! Как я могла предать свою госпожу!

Несмотря на искренность, убедительный тон и невинный взгляд прекрасных глаз, Ивея сразу почувствовала откровенную ложь, как ощущают неожиданный порыв холодного ветра в жаркий летний день.

Приветливое выражение мгновенно сменилось на лице виолки на жёсткое и холодное, а в голосе послышались угрожающие нотки.

– Девка, строить глазки и прикидываться невинной овечкой можешь перед кем-нибудь другим. На меня твои чары не действуют, ибо я сразу чувствую ложь... И сейчас от тебя смердит, как из помойного ведра!.. Но у меня сегодня хорошее настроение, поэтому даю тебе ещё один шанс сказать правду, как и почему ты продала свою госпожу... Итак, попытка номер два. Я слушаю.

Девушка горько зарыдала. Её глаза выражали такое страдание, что любой на месте Ивеи расчувствовался бы и поверил несчастной на слово. Ивея же видела только искусное притворство и ничего более.

– Почему ты предала свою госпожу? – строго спросила она.

– Это неправда, неправда... – рыдала девушка. – Клянусь великими богами, что я не делала того, о чём вы говорите!

– Так ты ещё и клятвопреступница, – презрительно произнесла виолка. – Не видеть тебе Небесной Обители, как своих ушей... Хотя нет, уши ты сможешь увидеть, когда я их отрежу.

Женщина поднялась и положила руку на пояс с ножнами, словно намеревалась привести свою угрозу в исполнение немедленно.

Девушка побледнела и с ужасом уставилась на виолку.

– Госпожа, что я вам такого сделала, за что вы меня мучаете? – пролепетала она.

– Я хочу услышать правду. Ты мне солгала уже два раза. Даю тебе ещё одну, последнюю, попытку, тогда – пеняй на себя!

Ивея говорила спокойным будничным тоном, но это спокойствие было страшнее яростного крика, ибо говорило о том, что виолка начинает терять терпение. А в гневе женщина была беспощадна.

Этого не знала несчастная лгунья. Она ещё надеялась, что искусное притворство, всю жизнь выручавшее её, убедит неизвестную госпожу в её правдивости.

– Клянусь собственной душой и жизнью моих будущих детей, что я никогда не предавала свою госпожу и не знакома

ни с какими разбойниками, – честно глядя в глаза барону произнесла Итта весьма убедительным тоном.

Ивея поразилась столь откровенному цинизму и наглости. Она почувствовала, что барон смущён, не зная, верить ли притворщице.

Виолка стремительно приблизилась, схватила девушку за руки и ловко связала их за спиной.

– У тебя никогда не будет детей, наглая лгунья, – холодно произнесла она, – потому что ты будешь висеть на крепостной стене рядом со своим подельником, кормя стервятников своими бесстыжими глазами и лживым языком.

– Но... – начал было барон.

– Она лжёт! – твёрдо ответила Ивея. – Лжёт с самого начала. Все её слова, все слёзы, все жесты и ужимки – искусная игра, не более. Жаль, что погибнет такая прекрасная актриса... Но я добыю от этой малышки правды или убью самым мучительным способом, какой только смогу придумать.

Схватив по-настоящему перепугавшуюся девушку за волосы, она выволокла её из комнаты и потащила вниз по лестнице. Барон удручённо поплёлся следом.

Ивея приволокла упиравшуюся рыдающую пленницу на хозяйственный двор, к конюшням, и подтащила к лошадиной поилке – длинному жёлобу на козлах, наполненному дождевой водой. Окунув голову Итты под воду, она держала её, пока та не начала захлёбываться. Вынув, дала глотнуть воздуха и снова погрузила под воду. Так продолжалось

столько, сколько Итта смогла выдержать. Когда девушка уже была в полуобморочном состоянии, Ивея заглянула ей в глаза и спросила:

– Теперь скажешь правду?

Итта слабо кивнула, откашливаясь и отплёвывая набравшуюся в лёгкие воду.

– Они... заставили меня... Угрожали...

Ивея не стала дальше слушать, так как девушка снова лгла. Достав нож, она поднесла его к глазам девушки, и спросила:

– Видишь это острое лезвие? Оно с лёгкостью разрезает кожаный панцырь, крошит рёбра и пронзает сердце... Если ты не скажешь мне правду, я начну резать им твоё хорошенькое личико.

Девушка не могла ответить, так как её горло сдавливали сильные пальцы виолки, но глаза с ужасом смотрели на сверкавший в солнечных лучах клинок.

Ивея прижала к щеке девушки холодное лезвие и слегка надавила. Нежная кожа мгновенно поддалась, и на шею потекла горячая струйка крови. Итта забилась, как пойманная птица, пытаясь что-то произнести. Ивея разжала пальцы и грозно спросила:

– Ну?

– Я была любовницей Карола... – просипела она, со страхом косясь на лезвие у своего лица. – Однажды он мне предложил...

Ивея полоснула Итту по уху, отрезав почти половину. Брызнула кровь и девушка закричала от боли.

– За каждое лживое слово я буду отрезать от тебя по кусочку, – с угрозой произнесла виолка.

Рыдая, Итта продолжила:

– Это я, я предложила Каролу напасть на баронессу, когда она поедет в селение!.. Но я хотела, чтобы он взял с барона выкуп, и тогда, разбогатеv, мы могли бы сбежать в Аскоррию, купить домик и жить, как уважаемые люди...

Ивея отпустила служанку и повернулась к барону.

– Теперь она ваша... Делайте с ней всё, что хотите.

– Всё сказанное правда?

– Сейчас – да.

– Мерзавка! – и он с размаху вlepил девушке сильнейшую оплеуху, от которой та, не удержавшись на ногах, упала.

Подозвав стражников, он приказал отвести негодяйку в темницу.

– Как вы отличаете правду ото лжи? – спросил барон, когда девушку увели. – Мне все её слова казались чистейшей правдой... Эта мерзавка умеет притворяться...

– Я чувствую ложь, как... – Ивея на мгновение задумалась, подбирая слова. – Это невозможно описать... Но я могу отличить ложь от правды, как вы, проснувшись, отличаете сон от яви... Иногда это божий дар, а иногда проклятие... Бывает, тяжело удержаться, когда кто-то клянётся тебе в преданности или восхищается твоими достоинствами,

а ты знаешь, что этот человек неискренен или откровенно лжёт...

– Но всё же это весьма полезное качество... – пробормотал барон. – Когда вокруг тебя столько льстецов и подхалимов, хотелось бы знать, кто говорит правду, а кто притворяется.

– Это так, – согласилась женщина.

– Я благодарен вам, миледи, и за спасение моей дочери, и за помощь в раскрытии преступников... Как я могу вознаградить вас? Может, у вас есть какое-то особое пожелание?

– Я старалась не ради награды. Для меня это было всего лишь интересное приключение.

– Но я не могу отпустить вас без подарка. Это было бы неблагородно и неблагодарно...

– Если вы настаиваете...

– Очень настаиваю.

– Я прибыла в Китук на корабле, и лошадей, на которых мы ездим, приобрела на местном рынке... Скажу сразу: это не самые лучшие животные. Если бы вы могли заменить их на более выносливых и благородных, я была бы вам очень признательна...

– О! – обрадовался барон. – Вы обратились по адресу! Всем известно, что у меня самые лучшие лошади в округе. Я лично подберу вам и вашим очаровательным спутницам скакунов из моего табуна.

Барон сдержал слово и на следующий день с гордостью

продемонстрировал госте шестерых чистокровных верховых скакунов светло-гнедой масти. Они были почти одинаковы, за исключением одного, предназначенного для Ивеи: сильного, тёмного, как ночь, жеребца с белыми отметинами на морде и всех четырёх ногах, отчего он казался обутом в белоснежные носки. Грива и хвост жеребца были светлыми, цвета древесного пепла, длинными и шелковистыми.

Ивея выразила искреннее восхищение, увидев этого красавца, и дала ему имя Найтис, по-ассветски «ночной ветер».

Погостив у барона Валлиэта ещё несколько дней, Ивея вернулась в город, куда её призвал Астин Краг, сообщив через гонца, что ей назначена аудиенция у лорда Йеаннского.

Глава 6

Лорд Луайар Йеаннский оказался молодым неоперившимся юнцом, не достигшим двадцатилетнего возраста. Но, несмотря на молодость, держался он величаво и с достоинством, как и подобает правителю столь высокого ранга.

Первый раз он принял Ивею в своём кабинете, где у них состоялась получасовая беседа, во время которой лорд с искренним интересом расспрашивал гостью о её жизни, воинском искусстве и планах на будущее.

То, что Ивея искусно управляется с мечом, его не удивило – юный лорд слышал о «меченых», среди которых были и женщины. Эти выпускники Школы Меченосцев из Ландии встречались едва ли не в каждой стране, нанимаясь на службу телохранителями или офицерами при дворах правителей, или к тем, кто мог оплатить их высокоценимые услуги. Слышал он и о виолках, женщинах-воинах, преподававших в Школе Меченосцев, и то, что Ивея представительница этого странного племени, принял, как должное.

Его лишь немного смутило звание Ивеи, равное ему по положению. Но, услышав, что в данное время леди-правительница осталась без вотчины, приободрился.

В конце разговора лорд попросил гостью не покидать пока город, ибо он желает ещё раз встретиться и провести более обстоятельную беседу. Ивея согласилась, так как никуда не

спешила.

Спустя три дня женщину вновь позвали во дворец. На этот раз лорд принял её, восседая в большом резном кресле на возвышении, покрытом яркими коврами, в Зале приемов, где толпились десятки приближённых, среди которых Ивея заметила и барона Валлиэта. Ивея вежливо поклонилась и хотела отойти к стене, чтобы смешаться с присутствующими, но лорд жестом указал ей на кресло, стоявшее слева от него, и сказал:

– Садитесь, леди Ивея. Ваше место здесь, не среди толпы.

Ивея с достоинством опустила на сидение, гадая, что бы это значило. Она ловила направленные на неё заинтересованные взгляды и чувствовала растущее любопытство присутствующих. Все ждали какого-то момента.

Как только женщина поудобней устроилась на мягкой подушке сиденья, лорд подал кому-то знак и приказал:

– Введите заключённых!

Шум от приглушенных разговоров мгновенно стих, и в напряжённой тишине отчётливо стали слышны шаркающие шаги вводимых в зал людей, облачённых в рубища, избитых, угнетённых, скованных ржавыми цепями, которые звенели при каждом шаге. Несчастных поставили пред лицом юного правителя и заставили опуститься на колени. Четверо пленников понуро склонили головы, не глядя на окружающих, и от них исходила сильная волна страха.

Ивея с лёгким любопытством посмотрела на пленников.

Трое мужчин и одна молодая женщина, сквозь прорехи платья которой, местами, проглядывало грязное тело.

Из толпы вышел мужчина в красном, отделанном чёрной тесьмой камзоле, поклонился в сторону помоста, развернул какой-то свиток и начал читать:

– Френ Лорен обвиняется в изнасиловании и убийстве своей малолетней племянницы. При допросе показал, что он не совершал с девочкой никаких развратных действий, а его сестра оговорила его из корыстных побуждений.

Мужчина замолчал и посмотрел на лорда. Лорд, в свою очередь, посмотрел на Ивею.

– Барон Валлиэт рассказал мне, как вы помогли ему изобличить похитителей его дочери... Эти четверо упорствуют в своей невиновности, и мои дознаватели не в силах определить истину. Не могли бы вы помочь нам, леди Ивея, и выяснить, кто из них говорит правду, а кто лжёт?

– С удовольствием, милорд. Кто из них Френ Лорен?

Один из стражников ткнул копьём в тучного мужчину лет сорока. Ивея посмотрела на него и приказала:

– Подними голову, смерд.

Мужчина робко взглянул на госпожу.

– Ты изнасиловал и убил свою племянницу?

– Нет, госпожа, – твёрдо ответил мужчина. – Сестра оговаривает меня...

– Лжёт, – коротко ответила Ивея. – Он сделал всё, в чём его обвиняют, и воспоминания об этом до сих пор греют его

душу... Я бы повесила его за причинное место в назидание другим негодьям.

Лорд сдержанно улыбнулся и слегка кивнул, как бы соглашаясь.

– Казнить, – изрёк он.

Стражник схватил побледневшего толстяка и выволок из залы.

Мужчина в красном, как позже узнала Ивея, государственный обвинитель, вновь развернул свиток и зачитал следующее обвинение:

– Домма Пинрена обвиняется в краже десяти золотых из кошелька купца Хейярда. При допросе категорически отрицала свою вину.

Ивея посмотрела на женщину. Она была хороша собой и держалась смело, несмотря на незавидное положение.

– Ты украла эти деньги? – спросила она.

– Нет. Этот негодяй сам пропил их, а теперь обвиняет меня. У него нет ни стыда, ни совести, если он возводит на праслину на невиновного...

– Так же, как и у тебя, милочка, – усмехнулась Ивея. – Ты врёшь и не краснеешь.

– Я клянусь!.. – вскричала женщина, но виолка её перебила:

– Тсс!.. Не усугубляй свою вину. На каждый грех есть божья милость, но клятвопреступник и предатель вне милости богов. Поэтому, не утяжеляй свои грехи, ибо Небесные Вра-

та никогда не откроются пред тобою.

– В темницу, – изрёк лорд, и солдат уволок преступницу.

– Хайд Ристен, – зачитал обвинитель, – убил соседа, заподозрив его в связях со своей женой. Отрицает свою вину, утверждая, что во время совершения преступления находился за городом. Свидетелей нет, кроме его жены.

– Хайд? – позвала Ивея. Мужчина лет тридцати поднял голову и посмотрел на женщину.

– Что скажешь по этому поводу?

– Я ни в чём не виноват... Жена оговорила меня... Я даже не был в городе... – словно заученный текст пробормотал мужчина.

– Столько слов и ни единого правдивого, – вздохнула Ивея. – Я понимаю, за что ты убил соседа, и даже поддерживаю тебя в твоём поступке, но сделав дело, имей мужество в этом сознаться.

– Я ни в чём не виноват... – вновь начал бормотать мужчина.

– Лжёт, – констатировала виолка.

– В темницу, – приказал лорд, и продолжавшего бормотать мужчину увели.

Ивея посмотрела на последнего, сосредоточившись на нём, и словно натолкнулась на невидимый барьер из абсолютного спокойствия, которое, словно броня, окутывало стоявшего на коленях человека. Он и внешне выглядел невозмутимо, словно каменная статуя: зелёные глаза смотрели в

никуда, лицо неподвижное, дыхание глубокое и ровное.

Обвинитель развернул свиток и прочитал:

– Называет себя Тимасом Родом. Подозревается в шпионаже в пользу Аскоррии. Отрицает все обвинения.

Ивея молчала. Она пыталась нащупать лазейку, чтобы узнать его истинные чувства, но, кроме умиротворяющего спокойствия, ничего не чувствовала.

Её долгое молчание удивило всех. Даже лорд Луайар нетерпеливо заёрзал в кресле, и вопросительно взглянул на женщину.

Ивея медленно поднялась и, не спеша, спустилась с помоста. Она обошла вокруг коленопреклоненного мужчины, как хищник ходит вокруг спрятавшейся в укрытии жертвы, в надежде достать её из тайника. Тимас Род оставался невозмутимым. Ивея склонилась к его уху и прошептала:

– Я всё равно поймаю тебя на лжи, как бы искусно ты ни притворялся...

Тимас даже бровью не повёл.

– Ты аскоррийский лазутчик? – уже громко спросила она.

– Нет... – отрешённо ответил он. Это звучало правдиво, но где-то там, в глубине души, Ивея успела заметить какую-то тайну, недомолвку, что-то, что мужчина тщательно скрывал.

– Тогда, кто ты?

– Охотник и проводник.

И это была правда.

Ивея почувствовала невольную досаду. Она впервые натолкнулась на человека, который настолько искусно владел своими чувствами, что даже необычные способности бессмертной не могли помочь ей узнать всю правду. Она чувствовала, что Тимас Род не тот, за кого себя выдаёт, что он что-то скрывает, но все его ответы были на сто процентов правдивы – придаться не к чему. Этот человек задел самолюбие женщины, и не на шутку заинтересовал её.

– Что скажете, леди Ивея? – не выдержал лорд Луайар.

– Как ни удивительно, но этот человек говорит правду, милорд...

Лорд нахмурился. По-видимому, он был уверен в вине Тимаса, и ответ виолки его разочаровал.

– Вы уверены?

– Да... – слегка слукавила женщина, потому что полной уверенности у неё не было.

– Но этот человек был арестован при подозрительных обстоятельствах...

– Если сомневаетесь в моих способностях, зачем спрашиваете моё мнение? – холодно ответила Ивея.

– Я несколько не сомневаюсь в вас, миледи, но этот человек может быть искусным притворщиком...

– Он и есть искусный притворщик, но на поставленные вопросы ответил правдиво... Если вы всё же сомневаетесь в нём, отдайте его под мою опеку. Рано или поздно его истинная сущность проявит себя, ибо ни один, даже самый искус-

ный актёр, не сможет притворяться вечно.

– Да будет так, – кивнул лорд. – Он станет вашим рабом по закону о бродяжничестве... – юный лорд довольно усмехнулся хитроумности своего решения. – Уведите его и приведите в порядок, я не могу дарить своим гостям плохо упакованные подарки.

Лорд встал, показывая, что аудиенция закончена, пригласил Ивею сопровождать его, и покинул зал.

Они вновь пришли в его кабинет, где лорд предложил гостю кубок вина, и сказал:

– Я узнал о множестве ваших достоинств, и сегодня воочию убедился в одном из них... У меня к вам несколько необычное предложение, миледи.

Ивея вопросительно посмотрела на Луайара.

– В моих землях всегда было беспокойно – близость границы и беспокойные соседи, густые леса, где легко прятаться всяким негодяям... Но если раньше разбойники нападали на отдалённые малозащищённые деревни и воровали только простолюдинок, то теперь участились случаи похищения благородных девиц и молодых женщин, часто, даже в самом городе. Я думаю, что за этими нападениями стоит один человек. Желательно его изловить и наказать. И я думаю, что никто не сможет справиться с этой задачей лучше вас, миледи... Поэтому, прошу стать моим ангелом мести, и принять должность Стража Границ. Я гарантирую вам полную свободу действий, достойный почёт и щедрое вознаграждение

по окончании вашей миссии. Если вы пожелаете остаться на службе сверх оговоренного срока, я с радостью приму ваши услуги...

Ивея удивилась. Она никак не ожидала, что ей предложат службу. Вначале она хотела категорически отказаться, но потом задумалась. Предложение звучало заманчиво. Интересная работа, почётная должность, возможность новых приключений... Она уже не леди-правительница, потому нет ничего постыдного в том, если станет кому-то служить. Сегодня послужит она, а завтра, возможно, кто-то будет служить ей... Впереди долгая разнообразная жизнь, и сегодня начинается новый её этап.

– Я согласна, милорд, – ответила она. – Но у меня будет несколько условий.

– Говорите.

– Мне нужны ещё люди, которых учить я буду сама.

– Как Страж Границ вы получите в распоряжение отряд из ста человек.

– Пусть мне немедленно докладывают обо всех нападениях и похищениях.

– Я прикажу.

– Мне нужна самая подробная карта местности, какая у вас найдётся.

– Я прикажу сделать для вас копию.

– Мне нужен свой дом, достаточно большой, чтобы я могла разместиться там со своими девушками, а также некото-

рая сумма на содержание этого дома.

– Я распоряжусь, чтобы вам подыскали такой дом и предоставили всё необходимое.

На этом «высокие договаривающиеся стороны» ударили по рукам и расстались, довольные заключенной сделкой.

Глава 7

В этот же день, вечером, в дом купца Кратаса, где всё ещё гостила Ивея, стражи привели «подарок» от лорда Луайара – новообращённого раба Тимаса Рода. Сейчас мужчина выглядел намного лучше, чем несколько часов назад: его вымыли, подлечили побои и раны, оставленные палачом при допросе, одели в чистую аккуратную одежду – полотняную сорочку и шерстяные шаровары, а на ногах красовались кожаные сандалии. Шею мужчины сдавливал тесный бронзовый ошейник без каких-либо обозначений, а руки были связаны крепкой верёвкой.

– Вот ваш раб, госпожа, – произнёс один из стражников, передавая ей конец верёвки. – Милорд просил передать, что вы можете поступать с ним по своему усмотрению, но все его дурные поступки будут записаны на ваш счёт.

Ивея усмехнулась хитрости и предусмотрительности юного правителя, мудрого не по годам.

Она привела Тимаса в свою комнату, плотно закрыла дверь и сняла путы. Тимас не смотрел на госпожу и не произнёс ни слова, молча растирая передавленные запястья.

Ивея всё время следила за Тимасом с первой минуты появления перед её глазами, но, кроме абсолютного спокойствия с примесью усталости, ничего не чувствовала.

Опустившись в кресло, несколько минут внимательно его

рассматривала. Тимасу можно было дать лет тридцать или чуть меньше. Невысокий – чуть выше среднего роста, худощавый, смуглый, не похожий на местных жителей. В его жилах текла большая часть варварской крови: об этом говорили и раскосые зелёные глаза, и блестящие чёрные волосы, кудрявившиеся на голове, и смуглая кожа, и черты лица – правильные и привлекательные.

Ивея всё время размышляла, в чём её ошибка, почему она не смогла раскусить этот орешек? И попыталась ещё раз.

– Откуда ты родом, Тимас?

– Из Арта, – правдиво ответил раб.

– Арт? – Ивея ещё не освоилась с местной географией. – Где это?

Где-то на горизонте моря спокойствия, заполнявшего душу мужчины, мелькнул парус удивления.

– Артское герцогство на северо-западе.

– Это далеко отсюда?

– Примерно, полторы тысячи кемов.

– А что ты делаешь так далеко от дома?

На горизонте поднялась волна тревоги, тут же подавленная усилием воли.

– Я люблю путешествовать...

– Значит, лорд Луайар был прав, осудив тебя за бродяжничество?

– Я не бродяга... Я простой путешественник...

– Ты асکورрийский лазутчик?

– Нет.

– Ты артский лазутчик?

– Нет...

Это была не ложь, скорее, полуправда.

Ивея помолчала, обдумывая следующий вопрос.

– Ты не лазутчик, но кем-то сюда послан?

– Нет...

А вот это уже была ложь! Женщина довольно засмеялась.

Она поняла, почему не смогла расколоть этого полуварвара с первого раза. Повторяя вопросы обвинения, она получила правдивые ответы, так как Тимас не делал того, в чём его обвиняли. Его миссия в этом государстве была иной. Неизвестно какой, но не той, в чём его заподозрили.

– Кто и с какой целью послал тебя в Йеанн, Тимас?

Мужчина молчал и его взгляд снова стал отрешённым.

– Ты должен был навредить лорду Луайару?

Несмотря на молчание Тимаса, она поняла, что предположение её неверно.

– Кому-то другому?.. Местному жителю?.. Кому-то из знати?..

Нет, нет и нет... Ивея задавала вопросы спонтанно, повинувшись интуиции и чутко «прислушиваясь» к реакции допрашиваемого. Она чувствовала, как в его море спокойствия постепенно поднимается ветер тревоги, и как ему всё труднее контролировать эмоции.

– Ты преследуешь врага? – наконец спросила она, и в душе

Тимаса поднялась огромная волна гнева, горечи и раздражения. Ивея поняла, что попала в точку.

– Ты выполнил свою миссию?

– Да, – сухо ответил Род, уже не сдерживая эмоций. – Я выследил и убил его. Я охотник и следопыт, но отслеживаю не зверей, а беглых и скрывающихся от правосудия преступников.

– Почему же ты молчал об этом раньше?

– Я охотился на чужой территории. Не думаю, что это понравится лорду, к тому же жертва – богатый и знатный человек.

– Ладно... Мне нет дела до рода твоих занятий. Наверное, ты мастер своего дела, если смог проследить преступника от Арта до Йеанна... Давай заключим сделку: ты поможешь мне выследить здешних преступников, а я сниму с тебя ошейник и по окончании миссии отпущу домой. Согласен?

Тимас, не раздумывая, кивнул. Ивея чувствовала, что он не лукавит, встала и сняла с него тесный обруч. Мужчина потёр шею и улыбнулся.

– Вы так уверены во мне, госпожа? Вдруг я сбегу при удобном случае?

– А наш договор для тебя ничего не значит?

– Я заключаю договора только за деньги...

– А за свою жизнь? Что, если я тебя убью, как только почувствую, что ты меня обманываешь?

– А вы можете узнать, о чём человек думает?

– Почти...

Тимас на минуту задумался, потом вздохнул и предложил:

– Тогда давайте обменяемся клятвами: я поклянусь, что буду верно служить вам, пока вы сами не отпустите меня, а вы поклянётесь больше никогда не заглядывать мне в душу...

– Согласна, – кивнула Ивея. Эти условия её устраивали.

Они обменялись клятвами и леди позвала Фрей.

– Это ваш новый товарищ, – представила Рода. – Зовут его Тимас, он следопыт и проводник. Тимас пока будет жить с вами, найди ему место.

В отличие от Тимаса, Фрей не удивило такое предложение. Чистокровные виолки считали мужчин людьми второго сорта, на одной ступени со слугами и рабами, которых хозяйка не особо стесняются. Поэтому, жить в одной комнате с посторонним мужчиной, который, к тому же, стал их товарищем по службе, не считалось постыдным.

Глава 8

Через несколько дней прибыл посыльный от лорда, и отвёл женщину на одну из окраинных улиц к небольшому двухэтажному дому, в котором жила немолодая вдова. За небольшую плату и некоторые льготы женщина согласилась сдать дом в аренду на неопределённый срок, переселившись к родственникам. В доме оставалась вся обстановка и штат прислуги. Посыльный сказал, что, если госпоже этот дом понравится, то она может в него вселяться.

Ивее дом понравился. Посыльный передал ей также копию карты принадлежащих лорду земель, и отчёты стражи о случаях похищения людей за последние несколько месяцев.

После переезда и устройства на новом месте, Ивея приступила к работе, и, первым делом, внимательно изучила отчёты, отмечая указанные места происшествий на карте. После этого её глазам открылась определённая картина. Она позвала Тимаса, показала ему карту и спросила:

– Что скажешь?

– Скажу, что всё это слишком подозрительно. Слишком мирно вот в этом районе... Одно из двух: либо там нет ни одной красивой девушки, либо там находится лагерь ловцов, к которому они не хотят привлекать внимание. Здесь достаточно глухие места, есть где укрыться, и можно легко уйти от преследования либо в Аскоррию, либо в Кордины.

– Что такое Кордины?

– Горная страна на юге. Безлюдные скалы, ущелья, расщелины... Там можно укрыть целую вражескую армию, и никто не заметит.

– Тогда давай подумаем, как нам проверить этот район и не испугнуть преступников, если они находятся именно там, чтобы они не ушли в эти Кордины...

– Здесь несколько сотен кемов... Чтобы прочесать этот лес, нужны тысячи человек и уйма времени...

– Открою тебе ещё один свой маленький секрет: я не только отличаю правду от лжи, но и чувствую врагов на расстоянии нескольких кемов... Твоё дело провести меня туда и зайти с такой стороны, чтобы отрезать ловцам пути к бегству.

Тимас задумчиво посмотрел на госпожу, затем взглянул на карту.

– Хорошо, я это сделаю...

Тимас провёл Ивею и её отряд виолок сначала к Леджу, по которому проходила граница с Аскоррией, а затем повернул на юг. Достигнув границ с Кординой, они повернули на запад, и продвигались вдоль южной границы Альгана. Сверяясь с картой, проводник старался не выходить за рамки очерченного женщиной района. Двигаясь зигзагами, поворачивая то на восток, то на запад, отряд потихоньку продвигался на север, в сторону Йеанна. Ивея постоянно, и днём, и ночью, мысленно следила за окружающим пространством, но,

кроме диких животных, не ощущала ничего присутствия.

Постоянное умственное напряжение истощало силы женщины. С каждым днём она слабела. Наконец им пришлось прервать поиски и остановиться на отдых. Тимас отыскал хорошее место вблизи ручья, посреди глухой лесной чащи, виолки соорудили шалаш из веток и травы, чтобы госпожа могла укрыться от солнца и ночной росы. Ивея забралась внутрь и буквально отключилась, ибо её глубокий сон больше походил на обморок.

Проспала Ивея почти трое суток. Но зато, когда проснулась, вновь была полна сил, энергии, и голодна, как гиззард.

В лагере было достаточно свежего мяса, благодаря опыту и удаче Тимаса. Виолки не бездельничали, неся охрану лагеря и оберегая покой госпожи.

Плотно поев и утолив двухсуточную жажду, Ивея вновь забралась в шалаш и расслабилась. День клонился к вечеру. Чтобы не терять понапрасну время, Ивея открыла мозг для сверхвосприятия, проверяя окружающее пространство. Она почувствовала присутствие всех членов отряда, узнала их душевное состояние и место, где они находятся. Невольно «подслушала» нежное воркование двух подружек, которых давно подозревала в любовной связи, что не считалось чем-то постыдным или необычным среди виолок, а также узнала о любовных отношениях Тимаса и Фрей, о чём совсем не догадывалась. Расширив зону восприятия до предела, она вдруг наткнулась на чужаков, которые медленно двигались в

сторону их лагеря.

Ивея мгновенно насторожилась и сосредоточилась на незнакомцах. Мужчины в количестве шестнадцати человек, продвигались медленно и осторожно, но целеустремлённо, как будто знали, куда идут.

Так как до чужаков оставалось около пяти кемов, Ивея тревожным свистом собрала виолок.

– К нам приближается неприятель, – без предисловий начала она. – Их шестнадцать, все мужчины. Думаю, это те, кого мы ищем. Скорее всего, они обнаружили нас первыми, пока я спала... Мой план: вы прячетесь, а я остаюсь здесь в качестве приманки. Как только враг окажется в лагере, вы незаметно его окружаете и начинаете бой. Постарайтесь всех не убивать, мне нужны пленные. Но и не дайте никому уйти... Всё, расходимся.

Девушки быстро рассредоточились, подыскивая место для укрытия. Возле Ивеи остался лишь Тимас.

– Вы подставляете себя под удар, госпожа.

– Мне ничего не грозит.

– Я понимаю, что вы очень красивая женщина, и вряд ли разбойники захотят вас убить. Ну, а вдруг?..

– Я этого не боюсь.

– А я боюсь.

– Почему?

– Кто отпустит меня домой? – пошутил Род.

– После моей смерти твои обязательства передо мной ста-

нут недействительными. Так что моя смерть тебе выгодна.

– Мне не нужна свобода ценой вашей смерти.

– Ну, если ты так заботишься обо мне... Ты ведь хороший стрелок, Тимас?

– До сих пор не промахивался.

– Тогда выбери дерево с хорошим обзором, и прикрой меня своим луком.

– Слушаюсь, госпожа...

Ивея осталась на поляне одна. Она сняла куртку, распустила волосы и села у ручья, делая вид, что чем-то весьма занята. Ножи и меч спрятала рядом, в густой траве.

Ивея расположилась так, чтобы оказаться к приближающемуся неприятелю спиной. Она следила за мужчинами мысленно. Пусть думают, что их никто не видит.

Не дойдя до лагеря, примерно, полкема, незнакомцы остановились и выслали лазутчика. Тот осторожно приблизился и, сквозь заросли, несколько минут наблюдал за мирно расчёсывавшей волосы женщиной. Затем отполз назад и поспешил к основным силам.

Судя по возбуждению, охватившему мужчин, они клюнули на наживку.

Пока они осторожно подкрадывались, Ивея заплела волосы в косу, которую туго закрутила на макушке, скрепив специальной заколкой, чтобы она не распустилась в бою.

Наконец, разбойники подошли настолько близко, что Ивея отчётливо слышала их осторожные шаги и сдерживае-

мое дыхание, а запах крепкого мужского пота перебил приятные ароматы леса. Но она притворялась глухой и слепой, пока первый разбойник не ступил на поляну. Лишь после этого она соизволила обернуться и сделать удивлённое лицо.

– Ой, кто это? – постаралась изобразить испуг.

– Это я, – осклабился в довольной улыбке незнакомец. – Не ждала гостей?

– Нет... Я не знала, что в лесу, кроме нас, есть кто-то ещё...

– Вас? И сколько здесь вас?

– Я одна... Подруги ушли за ягодами. Здесь неподалеку есть чудесные заросли иника... Но они скоро вернуться.

– Тогда мы их подождём.

– Конечно. Проходите, располагайтесь...

Постепенно на поляну вышли все шестнадцать человек. Они бесцеремонно бродили по лагерю, заглядывали в шалаш, разбросали дорожные сумки, перепугали лошадей... Ивея несколько минут молча за ними наблюдала, определяя предводителя, а затем спросила:

– А вы, собственно, кто такие?

В ответ ей прозвучал дружный хохот.

– Путешественники... Шли мимо, решили зайти в гости, – ответил один из разбойников, которого девушка определила как главного. – А ты, красавица, что делаешь в этой глуши?

– Охочусь.

– На какую дичь? На кроликов? – хохотнул предводитель.

– Нет, на разбойников. Много их развелось в последнее время.

– Ну, ты нас поймала, что дальше? – захохотал вожак.

– Сначала попробую договориться мирно: может, ты добровольно отведёшь меня к Купцу?

– К Купцу? – переспросил удивлённый разбойник.

– Высокий, рыжеволосый, квадратное лицо, около пятидесяти лет, небольшой шрам над левой бровью... Покупает девушек из хороших семей.

Разбойник хмыкнул.

– Не знаю такого.

– Лжёшь, – ответила женщина.

– Ну, ты, полегче со словами... У тебя к нему дело?

– Самое непосредственное... Так ты отведёшь меня к нему?

– Обязательно, красавица, только связанной и с кляпом во рту... Извини, но в другом виде он не принимает! – захохотал он, довольный собственной шуткой.

Главарь подал знак, и двое его подчинённых направились к девушке с верёвкой в руках.

Виолка схватила лежащий под рукой нож и метнула в предводителя, целясь в живот. Она хотела нанести ему болезненную, но не смертельную рану, чтобы после боя успеть допросить. Когда главарь упал, она схватила меч и вскочила на ноги. Первым же ударом отправила к праотцам одного из разбойников, второй тоже упал к её ногам со стрелой в спи-

не. Ивея послала Тимасу благодарственный жест и вступила в бой, который завязали появившиеся из укрытий виолки.

Девушки дрались, как демоницы. Несмотря на численное превосходство и «сильную» статью противника, девушки легко их побеждали, благодаря лучшему воинскому умению. Выпады оружием чередовались с точными ударами ног, локтей и колен, а умение уклоняться и увёртываться спасало от вражеских ударов. Разбойники падали один за другим, сражённые смертоносными клинками мечей и ножей. Стрелы Тимаса тоже находили жертв, и через непродолжительное время поляну усеяли раненые и убитые. Девушки связали живых, добили тяжелораненых и оттащили трупы в кусты, чтобы они не мешали. Ивея склонилась над истекавшим кровью предводителем и насмешливо спросила:

– Так кто теперь из нас связан?

Разбойник злобно взглянул на женщину и прохрипел:

– Кто вы такие? Из какой преисподней вылезли, ведьмы?

– Я Страж Границ лорда Йеаннского. Его Светлости надоели разбой и безобразие, творимые в его землях, и он нанял меня, чтобы я навела здесь порядок.

– Ты... Женщина... Разве женщины воюют?.. – от боли разбойник с трудом произносил слова.

– А ты думал, что женщины пригодны только для утех? Ты ещё не знаешь, на что я способна. Если не скажешь мне, где прячется Купец – а я знаю, что ты это знаешь – я буду пытаться тебя, пока ты или не скажешь, или не сдохнешь. Поверь, я

могу тебе сделать очень, очень больно...

Разбойник натужно засмеялся.

– Я верю... С чего бы мне покрывать этого негодяя? Он втянул нас в это грязное дело... Грабили раньше купцов, и всё было спокойно... Я отведу тебя к нему, только пообещай подарить мне лёгкую и быструю смерть... Я думаю, ты в этом мастер...

– Обещаю.

– Он сейчас находится в нашем лагере... Утром я отведу тебя... Если доживу...

– Доживёшь, твоя рана не смертельна. С ней можно протянуть несколько дней.

Ивея приказала перевязать пленного и готовиться к утреннему отъезду. Оставшихся в живых разбойников поместили в шалаш и выставили охрану. Затем лагерь зажил своей обычной жизнью.

Глава 9

К утру раненый главарь настолько ослаб, что с трудом держался в седле. Ивея уже подумывала прикончить его и взять другого проводника из уцелевших разбойников.

Вначале они ехали в том же направлении, откуда пришли накануне разбойники. Ивея постоянно следила за проводником, так как не доверяла ему ни на грош. Но пока он шёл правильно, не юлил и не хитрил. Но когда они пересекли широкий мелководный ручей, берега которого истоптали множество звериных следов, Ивея уловила колебание проводника, после чего он свернул на одну из троп. Когда они проехали с десяток шагов, Ивея задала вопрос:

– Мы правильно едем?

– Да, – ответил разбойник, и это была ложь.

Ивея выхватила нож и полоснула по лицу мужчины, оставив на нём глубокий порез.

– Ты лжёшь. Если сейчас же не выведешь нас на правильный путь, я порежу тебя на куски, – с угрозой произнесла она.

Разбойник угрюмо посмотрел на женщину.

– Если ты знаешь дорогу, зачем тебе проводник?..

– Я не знаю дороги, но вижу, когда меня пытаются обмануть. Возвращаемся к ручью, и не пробуй больше хитрить.

Отряд вернулся назад и разбойник свернул на правильную

тропинку.

Примерно через час Ивея почувствовала в отдалении присутствие живых существ. Сконцентрировавшись, она определила людей и лошадей. Люди разделялись на мужчин и женщин – четверо первых, и пять вторых. Она остановила отряд и сказала:

– Мы вышли к лагерю. До него около пяти кемов. Оставим пленных здесь, чтобы они нам не мешали и не смогли предупредить товарищей. Привяжите их покрепче к деревьям и заткните рты. Если их сожрут дикие звери – значит, такова воля богов. Если они останутся живы, когда мы вернёмся, то предстанут перед судом лорда.

Оставив пленников на милость богов, Ивея повела отряд к лагерю. Не доезжая до него кема полтора, они спешили, оставив коней на попечение Тимаса, а сами скрытно двинулись к лагерю.

Разбойники были хорошо организованы, потому что не забыли выставить часовых. Благодаря способностям Ивеи, виолки легко обошли скрытые посты и без шума сняли часовых. Теперь, по определению женщины, в лагере оставался лишь один мужчина, скорее всего, таинственный Купец. Мужчина был спокоен, не ожидая неприятностей. Виолки окружили лагерь и вступили в него одновременно с разных сторон.

Логово разбойников располагалось на небольшом уединённом хуторе, хозяев которого, скорее всего, убили. По-

среди обширной поляны стоял небольшой дом, сложенный из брёвен и крытый тростником, окружённый покосившейся деревянной изгородью. На поляне свободно паслись два десятка лошадей, а во дворе стоял фургон.

Виолки окружили дом, чтобы никто не смог его покинуть незаметно, а Ивея толкнула дверь и вошла внутрь. В сумраке помещения её глаза разглядели открытый очаг, грубую мебель и человека, сидящего за столом и грызущего жареную козлиную ногу. Перед мужчиной стояла открытая бутылка вина и надпитый кубок. Подняв глаза на вошедшую, он так и замер, вцепившись зубами в мясо. Его удивление было столь велико, что он не нашёл слов для ответа, когда Ивея произнесла:

– Именем герцога Альганского и властью, данной мне лордом Йеаннским, вы арестованы, сударь.

Мужчина глотнул, едва не подавившись, вытер руки полотенцем, лежавшим у него на коленях, и резко встал, опрокинув лавку, на которой сидел. В руке его сверкнул невесть откуда появившийся меч.

– Кто ты? – с угрозой спросил он. – Что это за шутки?

– Я Страж Границ, пришла по вашу душу. Ведь, судя по точному и подробному описанию, вы небезызвестный Купец.

– Кто это меня успел описать?

– Один из разбойников, похитивших баронессу Валлиэт, которая вам не досталась, благодаря моему своевременному

вмешательству.

– Так это вы увели у меня из-под носа эту птичку!

– Я.

– А я думал, что тут постарались конкуренты.

– Дойдёт очередь и до них... А сейчас, сдайте ваше оружие, и я не сделаю вам больно.

Купец засмеялся.

– Ну уж нет! Сначала мы померяемся силами!

– Как хотите, сударь, – пожала плечами Ивея и первой начала атаку.

Бой на длинных мечах – не самое удобное занятие в тесном низком помещении, поэтому Ивея не стала обнажать меч. Она воспользовалась подручными средствами, на которых основаны приёмы раторрской борьбы, а её сила и скорость помогли одолеть противника.

Сначала Ивея швырнула в мужчину стоявшее у порога деревянное ведро, а когда он уклонился, воспользовалась этим моментом, чтобы приблизиться к противнику. На очень близком расстоянии меч становился не оружием, а помехой, и женщина, проведя серию молниеносных приёмов, обезоружила, а затем обездвижила Купца ударами в пах и подбородок. После этого осталось лишь перевернуть его на живот и крепко связать за спиной руки.

Когда последний узел был затянут, она выпрямилась, небрежно откинув с лица выбившуюся из причёски прядь. Взяла бутылку с вином и отхлебнула несколько глотков. Ви-

но оказалось не самого лучшего качества, и женщина брезгливо поморщилась. Вылив остатки на голову поверженного врага, насмешливо спросила:

– Как самочувствие?

Мужчина застонал в ответ.

– Я же предлагала сдаться без боя. Любите вы, мужчины, покичиться своей силой.

– Вы меня убьёте?

– Если бы я пришла по вашу голову, вы были бы уже мертвы... Нет, вас осудят и повесят законным путём.

– Если вы меня отпустите, я дам вам много денег... Я богат, очень богат...

– Верю. Но я нахожусь на государственной службе, и не имею права брать мзду.

– Чепуха! Тридцать тысяч аскоррийских золотых – это огромная сумма. Вам её хватит на несколько лет безбедной жизни.

– Мало.

– Мало?... Хорошо, пятьдесят! Берите всё, что у меня есть!

– Хм... – Ивея сделала вид, что задумалась. – И как я смогу их получить?

– Если вы меня развяжете, я проведу вас к тайнику.

Ивея засмеялась.

– Не думаете ли вы, что я поверю, будто вы храните заработанные на продаже девушек деньги не в своём аскоррийском доме, а где-то в лесу?

– Но это так! – воскликнул разбойник. – Меня подолгу не бывает дома, и я подозреваю, что моя молодая жена завела себе любовника. Когда-нибудь она может бросить меня и сбежать, прихватив все мои денежки. Поэтому я и прячу их в тайнике, выдавая ей только самую необходимую сумму.

Как ни странно это звучало, но негодяй говорил чистую правду.

Ивея задумалась всерьёз. Может, в самом деле, прибрать к рукам эти денежки? Не всё ли равно лорду, сколько разбойников для показательного суда она ему привезёт? Одним больше, одним меньше, кто их будет считать? А она задолжала своим девушкам месячное жалованье.

Ивея рывком поставила разбойника на ноги и сказала:

– Идём!

– Вы меня отпускаете? – с надеждой спросил мужчина.

– Да. Как только я возьму в руки деньги, я тебя отпущу...

Можешь убираться на все четыре стороны, но никогда не возвращайся в Альган.

– Клянусь всеми святыми!

Ивея вывела пленного наружу и подозвала виолок.

– Проверьте здесь всё. Женщин и ценности, если таковые найдутся, соберите в одном месте. Соберите также лошадей. Приведите Тимаса и наших лошадей, а также пленных, если они ещё живы, – приказала она.

Купец повёл Ивею в лес и привёл к огромному дубу, раскинувшему могучие ветви на небольшой поляне, примерно,

в кеме от лагеря. Указав на плоский, поросший мхом валун, вросший в землю между узловатых корней, сказал:

– Под валуном бронзовый сундучок с золотом.

Ивея уже протянула руку, чтобы поднять камень, но чувство опасности подсказало ей, что это небезопасно. Женщина вынула меч и осторожно приподняла валун. Из-под камня раздалось предупреждающее шипение. Отбросив камень, женщина увидела змеиное кубло, в котором извивались несколько зелёно-чёрных шакс – очень ядовитых гадов, укусы которых смертельны.

– Однако, вы шутник, сударь, – с усмешкой произнесла она. – Может, мне запихнуть этих милашек вам за пазуху?

– Извините, забыл предупредить... – угрюмо ответил мужчина. – Сундук под змеями. Выбросите змей, разгребите мох и убедитесь сами...

Ивея при помощи меча отбросила шакс подальше, разгребла мох и увидела тусклый блеск бронзы.

Сундук оказался весьма тяжёлым даже для утроенных сил Бессмертной. Он отпирался ключом, висевшим на шее Купца. Открыв замок и откинув крышку, Ивея увидела блеск золотых аскоррийских ромбов. Зачерпнув горсть, бросила их обратно, послушав приятный мелодичный звон. Захлопнув сундук, закрыла замок и повесила ключ теперь на свою шею.

– Я выполнил своё обещание, теперь ваша очередь, – напомнил мужчина.

Ивея дернула за конец шнура-удавки, освобождая руки

пленника, и хитроумный узел соскользнул с его запястий. Повесив шнурок на пояс, произнесла:

– Ты свободен.

Мужчина, оглядываясь на виолку, быстро пошёл прочь. Ивея подождала, пока он удалится на пару десятков шагов, и окликнула:

– Эй, приятель!

Мужчина оглянулся и в грудь ему вонзился брошенный умелой рукой нож.

– Я обещала тебе свободу, но не жизнь... Извини! – развела руками виолка.

Эпилог

Ивея прослужила Стражем Границ полтора года. За это время земли Йеанна стали самыми безопасными в герцогстве. Когда работы больше не стало, женщина попросила отставку. И, как лорду Луайару ни хотелось задержать столь бесценного подчинённого в своих владениях, но он понимал, что удержать женщину силой не удастся, и, скрепя сердце, дал разрешение на отъезд.

За время службы Ивея обогатилась на значительную сумму. Сюда входил и заветный сундучок Купца, и жалованье Стража Границ, и «подарки от чистого сердца», которыми щедро вознаграждали её родственники спасённых, и личные «сбережения» некоторых разбойников, которые женщина обнаружила сама или получала «в дар» за обещание свободы.

Ивея не скупилась и на вознаграждение для своих преданных виолок, чтобы у девушек не возникло желания покинуть службу. Поэтому их команда оставалась сильной и стабильной, и даже присутствие единственного мужчины не могло нарушить дружеских отношений между женщинами. Ревность – редкая для виолок черта характера. Скорее, у них сильно развито чувство собственности. Поэтому, когда мужчина надоедал одной, его «передавали» или уступали подружке.

Тимас считал себя настоящим самцом, «покоряя» гордых виолок одну за другой, и не подозревая, что просто переходит из рук в руки, как единственная, но всем нужная вещь. Им делились, как женщины делятся своей одеждой или косметикой.

Ивея знала об игре девушек, но не вмешивалась в неё. «Чем бы дитя ни тешилось...» – как говорится. Сама она не принимала в этом участия, так как ей не позволяло высокое положение и статус командира. Да и не стала бы она пользоваться «подержанным товаром». И, хотя они были с Родом в хороших отношениях, хотя она уважала Тимаса, как высококлассного мастера своего дела, но тоже не говорила ему о затейной виолками игре. Зачем развеивать чужие иллюзии, если они ему приятны и не приносят вреда?

Покинув службу, Ивея продолжила путешествие по Альгану. Посетила столицу Олен и западный аналог Йеанна город Асис. Так как через Асис проходил торговый путь в княжество Клесин и прямая дорога в его столицу Аланн, то на здешних дорогах тоже было беспокойно. Но Ивее надоело мотаться по лесам, пробираться через чащи и болота, сидеть в засадах и выслеживать разбойников. Она не за тем отправлялась в путешествие. Женщина не стала ввязываться ни в какие авантюры, а спокойно миновала город и отправилась дальше. Её целью был Даммар – богатое цивилизованное королевство, так понравившееся Санризе – матери Санхара, её бывшего супруга.

Клесин оказался таким же лесистым и бедным, как и Альган, и, если бы Ивея не знала, что уже находится в другой стране, то совсем бы этого не заметила. Те же нищие селения, те же уединённые хутора, те же разбитые дороги и плохие гостиницы. В отличие от Альгана, в Клесине не было ни одного большого города, кроме его столицы. Зато присутствовало обилие самостоятельных укреплённых замков и крепостей, владельцы которых считали, что боги высоко, а князь далеко, и творили на своих землях полный беспредел.

С одним из таких местных «князьков» Ивее пришлось невольно столкнуться. Результатом этого столкновения стало убийство господина и почти полное истребление его дружины, сожжённая деревня и разрушенный мост, так как Ивея впала в неконтролируемую ярость, когда селяне встали на защиту господина, поддержав его, в общем-то, неправомерные действия.

Путешествовать Клесинем дальше стало небезопасно, и виолка приняла предложение Тимаса уйти в Арт – на его родину.

Отряд повернул на север и, спустя пять дней, тайно пересёк границу герцогства.

Ивея направилась в Скайлот – самый отдалённый пограничный город-крепость, расположенный на стыке двух государств – Клесина и Аскоррии. Здесь же находился и дом Тимаса, в котором он жил с матерью и младшим братом-калкой, которых кормил и содержал за свой счёт.

Так как обязанности Тимаса перед Ивеей были выполнены, она отпустила его, как и обещала, щедро вознаградив. Благодарный мужчина подробно рассказал женщине обо всех местных порядках и законах и предупредил об опасностях, подстерегающих чужеземцев в Артском герцогстве. Ивея отказалась от предложения Тимаса проводить её по дорогам Арта, так как он долго не был дома, отчего его родные сильно тревожились. Она сказала, что справится как-нибудь сама.

Погостив в домике Тимаса всего несколько дней, чтобы только привести себя в надлежащий порядок после долгого путешествия глухими лесными тропами, Ивея покинула Скайлот и отправилась по единственной большой мощёной дороге, пересекавшей всё Артское герцогство, и идущей от Скайлота в столицу Анкор и дальше в портовый город Азол.

Конец второй части

Часть третья. Женская гвардия

Глава 1

Артская долина – богатейшая и плодороднейшая местность, на которую с завистью смотрели все соседи, даже, в общем-то, не бедный и благополучный Даммар. В своё время герцогство хотели прибрать к рукам и Аскоррия, и Клесин, и, не единожды, Даммар. Но, благодаря своему природному расположению, стойкости жителей и мудрости правителей, Арт противостоял всем врагам и сохранил независимость.

Но из-за многовекового полуосадного положения жители Артского герцогства стали подозрительными и не жаловали чужаков в своём доме. Если пришельцев ловили на чём-либо предосудительном или подозревали в шпионаже в пользу соседей, их ждала немедленная и жестокая кара; поэтому редко какой купец отваживался водить караваны в эту негостеприимную страну.

Тимас предупредил леди Ивею обо всех этих особенностях и порекомендовал сдерживать эмоции в присутствии местных жителей, быть вежливой и приветливой, но не угождать и заискивать, так как это, наоборот, вызовет подозрения. На все вопросы следует отвечать честно, кто бы их ни задавал, потому что любой местный житель обязан доклады-

вать своему господину обо всех подозрительных личностях.

Ивея всегда считала, что со своими правилами в чужой дом не приходят, потому послушалась умного совета, и вела себя как пай-девочка, улыбаясь всем встречным и вежливо раскланиваясь с прохожими. Она не съезжала с главной дороги, чтобы не вызвать подозрений в шпионаже, на привалы и ночлеги останавливалась только в гостиницах или придорожных харчевнях. Но всё же, отряд странных вооружённых женщин не мог не вызвать естественное подозрение у недоверчивых артцев, потому Ивея не удивилась, когда её внезапно «попросили» посетить замок графа ле Кеджа.

Только что миновал полдень и виолки плотно пообедали в придорожной харчевне. Столики для посетителей располагались на открытой веранде под полотняным тентом, дававшим укрытие от жарких летних лучей, а прилетавший с далёких гор ветерок приносил приятную прохладу. Девушки не спешили уезжать, попивая местный освежающий шипучий фруктовый напиток. Ивея любовалась пейзажем, открывавшимся с веранды: нежная зелень лугов с тёмными пятнами овечьих отар, ровные ряды виноградников, белые живописные домики соседнего селения, красные черепичные крыши которых кокетливо выглядывали из зелени садов. И над всем этим прекрасным пейзажем раскинулось высокое синее и безоблачное, как и все предыдущие дни, небо с бледно-золотым шаром полуденного солнца, посылающего на землю обжигающий жар лучей. И, если бы не прохладный ветер с

Тасиса – горной страны на севере – виолкам, в их плотных кожаных костюмах, было бы нестерпимо жарко.

Ивея позволила дружинницам побездельничать около часа, а затем приказала садиться в сёдла и продолжила путь.

Они отъехали от харчевни кема на три-четыре... Дорога пролегла среди зреющих полей, на которых усердно трудились крестьяне, не обращая на проезжих внимания. Вдали, на горизонте, на высоком холме, господствовавшем над относительно ровной местностью, темнел силуэт большого укреплённого замка. Ивея лишь мельком взглянула на него – она видела множество подобных замков, как в этой стране, так и в других государствах, и они мало отличались друг от друга.

Дорога пустовала; лишь какой-то человек сидел на придорожном камне, устало вытянув ноги, и строгал прутик. Его конь с аппетитом хрустел молодыми листьями высокого растения на окраине поля.

От незнакомца не исходило ни угрозы, ни любопытства. Казалось, его нисколько не интересовали приближающиеся всадницы, он был всецело поглощён своим занятием. Ивея бросила на незнакомца короткий равнодушный взгляд и отвернулась.

Но всё же, как ни короток был её взгляд, она успела хорошо рассмотреть мужчину и разглядеть всё до мельчайших деталей. Одет небедно: в тёмно-синий бархатный камзол с капюшоном и узкие штаны, заправленные в высокие блестя-

щие сапоги с серебряными пряжками. На широком поясе висели кожаные ножны, тоже отделанные серебром, и полупустой кошелёк. Лицо скрывал капюшон. Виднелись только высокие скулы, ровный нос, губы и упрямый подбородок.

Когда до незнакомца осталось несколько шагов, он перестал строгать, стряхнул со штанов древесные завитушки, спрятал нож в ножны и поднялся. Ступив на дорогу, повернулся лицом к подъезжающим и сбросил капюшон. Открылось узкое смуглое лицо с ясными серыми глазами, тёмным разлётом бровей и таким рисунком губ, словно он с трудом сдерживал улыбку.

Ивея, ехавшая впереди, подняла руку, приказывая девушкам остановиться, и натянула повод коня. Они стояли в двух шагах друг от друга и с откровенным любопытством рассматривали один одного.

Лицо мужчины обрамляли светлые волосы, заплетённые в несколько тонких косичек, свисавших по бокам, остальные были собраны на макушке в высокий, украшенный белыми и синими лентами, султан. В ушах поблёскивали золотые серьги, а в левой ноздре сверкало маленькое колечко.

Ивея впервые встретила представителя местной знати, и его внешний облик удивил и позабавил её. Он показался ей странным, но не лишённым некоторого обаяния. Она приветливо улыбнулась, решив оставаться любезной до конца.

Мужчина сдержанно улыбнулся в ответ и спросил:

– Госпожа Ивея Аоста?

Ивея не удивилась, что незнакомец знает её имя, ведь она называла его в гостиницах.

– Да, – ответила она.

– Граф ле Кедж просит вас посетить его замок.

Хотя это звучало как просьба, но произнесено было тоном приказа.

– Как любезно с его стороны... – стараясь скрыть насмешку, ответила женщина. – Жаль только, что он выслал всего одного встречающего... Я так понимаю, граф не приемлет отказа?

– Это было бы нежелательно... Вы находитесь на землях графа, и он имеет полное право арестовать вас по подозрению...

– Не буду спрашивать, по какому. Это очень напоминает мне разбой некоторых независимых баронов в Аскоррии. Как я могу после этого доверять Его Светлости, если он приглашает даму в гости, угрожая ей арестом? Не думала, что в Арте так коварно поступают с мирными путешественниками! Разве я нарушила какой-нибудь закон или сделала что-то неприемлемое? Обидела кого-нибудь?

Мужчина слегка растерялся, не зная, что ответить на обвинения.

– Вы не так меня поняли, – начал он, едва не оправдываясь. – Вас никто ни в чём не обвиняет. И наш граф не аскоррийский разбойник. С вами только побеседуют, сударыня, и вы продолжите свой путь.

– Уверены?

– Мне приказано просто пригласить вас в замок, – уклонился от прямого ответа мужчина.

– Но вы лично можете гарантировать, что моему достоинству и чести не будет нанесён ущерб?

– Клянусь честью дворянина! – с облегчением вздохнул мужчина. – Вас никто не закроет в гареме, если вы об этом подумали... У нас нет гаремов.

– И нас не ограбят, не убьют?

– Нет, конечно! Я лично прослежу за сохранностью вашего имущества. Его Светлость просто приглашает вас в гости, и всё. Он не кровожадное чудовище, как вы, возможно, подумали.

– Что ж... В таком случае, я полностью полагаюсь на вашу честь и защиту, сударь... Как ваше имя?

– Эван Ассант к вашим услугам, сударыня.

– Леди Ивея Аоста, хотя вы, наверное, уже знаете обо мне всё...

Эван Ассант свистом подозвал коня, вскочил в седло и поехал рядом с Ивеей. Виолка чувствовала исходящие от него смущение и досаду, а также некоторое любопытство и толику восхищения.

Вскоре они свернули с главной дороги и направились в сторону замка на холме – по-видимому, это и была резиденция графа ле Кеджа. До него было, примерно, три кема. Они ехали в полном молчании. Ивея больше не задавала вопро-

сов, её спутник тоже не проронил ни слова. Даже виолки, которые в пути, обычно, без умолку болтали, комментируя увиденное или делаясь впечатлениями, тоже притихли, подзревая, что случилось нечто не совсем хорошее. И, хотя госпожа не подала никакого предупреждающего знака, они насторожились, готовые в любое мгновение ринуться в бой.

Замок выглядел новым. Его мощные крепостные стены вздымались на невообразимую высоту и опоясывали весь холм, на котором высился великолепный, вытянутый в высь, похожий на неприступную скалу замок. Ивея насчитала семь этажей, а ещё были чердак и высокая крутая крыша. Внутри крепостной стены раскинулось настоящее аристократическое поместье: густой прекрасный парк с изящными лёгкими постройками, искусственными прудами, водопадами и цветниками. Всё это великолепие окружала ещё одна стена – ажурная, из резного камня. А между двумя стенами располагались постройки: казармы, конюшни, сараи, бараки для рабов и коттеджи высокопоставленных слуг.

Всадники спешили у конюшни и прислужники забрали их коней. Эван Ассант повёл девушек во второй двор, вход в который охраняли двое вооружённых алебардами часовых.

Они шли по усыпанной белым песком дорожке, произвольно вившейся среди разнообразных деревьев, по-видимому, привезённых из разных мест. Воздух наполнял приятный аромат и мелодичное пение птиц. Откуда-то издали доносились весёлые женские голоса и нежное журчание воды.

– Да здесь просто рай небесный, – обронила Ивея, провожая взглядом порхающую над дорожкой яркую бабочку.

– Граф создал это великолепие для леди графини, чтобы она не скучала по дому, – ответил Ассант.

– Хотела бы и я, чтобы кто-нибудь меня так сильно любил... – невольно вздохнула женщина. Ассант искоса взглянул на спутницу, но промолчал.

Они вошли в замок, поднявшись по широкой веерообразной гранитной лестнице, и оказались в огромном зале с мозаичным мраморным полом и высоким сводчатым потолком. Вдоль стен стояли мраморные лавки, покрытые ткаными коврами, напротив входа располагалось возвышение с тремя креслами: большим по центру и двумя поменьше по бокам. Свет в зал проникал сквозь узкие окна, размещённые высоко под потолком, а в тёмное время его освещала огромная кованая люстра на сотню или более свечей, подвешенная на цепях в центре потолка.

Ассант предложил гостям присесть на одну из лавок, а сам дёрнул шёлковый плетённый шнур, свисавший с крючка у входа. Вскоре в зале появился степенный старик и спросил, чего они желают.

– Леди Ивея Аоста прибыла к графу ле Кеджу по его приглашению, – ответил Эван.

Старик с почтением поклонился и произнёс:

– Следуйте за мной, миледи.

– Идите с управляющим, а я прослежу, чтобы ваши вещи

доставили в замок, – сказал Ассант. – Надеюсь, мы ещё сегодня увидимся... Если я вам срочно понадобится, пошлите за мной любого из слуг, – добавил он.

Ивея взяла руку Эвана и слегка сжала её в дружеском пожатии, мило улыбнувшись в придачу. Она подумала, что в незнакомом и, возможно, враждебном месте ей не помешает хоть один друг или сочувствующий человек.

Глава 2

Управляющий привёл виолок в другой зал, поменьше, и попросил подождать. Этот зал отличался от предыдущего не только размерами, но и росписью на стенах, изображающей охоту и развлечения местной знати. Судя по выразительности написанных лиц, здесь, скорее всего, были изображены конкретные люди. Отсутствовало и возвышение с креслами, хотя одно большое кресло всё же присутствовало. Перед ним стояло с десятков удобных стульев с подлокотниками и мягкими подушками на сиденьях. Ивея и виолки с удовольствием расположились в них, с любопытством осматриваясь и тихонько делаясь впечатлениями.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в зал вошёл высокий подтянутый мужчина лет сорока, одетый в атласный, украшенный золотым шитьём и кусочками меха, костюм. Худощавое скуластое лицо, слегка напряжённое и мрачное, тёмные волосы, вопреки местной моде, гладко зачёсанные назад и связанные в пучок, украшенный синей лентой под цвет костюма. Большие карие глаза смотрели мрачно и печально, словно этот человек недавно перенёс большое горе.

Так как на мужчине не было никаких отличий, указывавших на его положение в этом доме, Ивея, не меняя позы, проводила его взглядом. Но когда он опустился в большое кресло, женщина догадалась, что это и есть граф ле Кедж –

хозяин замка. Она начала подниматься, чтобы выразить ему почтение, но граф жестом остановил её.

– Леди Ивея Аоста? – произнёс он звучным и приятным голосом.

– К вашим услугам, сударь... А вы граф ле Кедж?

– Да, я Коррас ле Кедж.

– Приветствую, Ваша Светлость.

– Думаю, вас удивило столь неожиданное и настойчивое приглашение...

– Нисколько... В пути я получала множество и более настойчивых приглашений. Правда, все они получали отказ, иногда вежливый, иногда не очень.

– Что же побудило вас принять моё приглашение?

– Ваш посыльный заверил меня, что мне ничто не грозит... Я положила на его слово.

– Вы в полной безопасности, леди Ивея, если, конечно, не замышляете против Арта ничего дурного.

– Меня предупредили, что народ в герцогстве очень подозрительный... И это ещё одна причина, почему я приняла ваше приглашение. Я не хочу, чтобы меня заподозрили в чём-либо предосудительном. Смею вас заверить, Ваша Светлость, что питаю к Арту самые дружеские чувства.

– Моя обязанность охранять и защищать вверенные мне во владения земли. Думаю, вы не обидитесь, если я задам вам несколько вопросов?

– Спрашивайте, Ваша Светлость. Мне нечего скрывать.

– Как давно вы находитесь в Артском герцогстве?

– Сегодня шестой день, как я нахожусь в этом благословенном крае.

– Откуда вы прибыли в нашу страну?

– Из Клесина.

– Какой дорогой ехали?

– Не знаю. Нас вёл проводник. По-моему, это была тайная тропа, известная только ему.

– Значит, вы незаконно проникли в Арт?

– Выходит... Но, если учесть, что мы скрывались от властей Клесина, это оправдывает наши действия.

– За что вас преследовали местные власти? Вы беглые преступники, разбойники?

– Нет, Ваша Светлость... Просто, один барон очень настойчиво приглашал меня посетить его замок, а когда я ответила отказом, попытался принудить меня силой. К сожалению, я иногда не могу сдерживать свой гнев, поэтому убила наглеца, а мои девушки перебили почти всю его дружину, защищая мою и свою честь. Почему-то местным селянам не понравилось, как я поступила с их господином, и они набросились на нас с вилами и граблями... В итоге, в порыве ярости, я сожгла селение и разогнала их по лесам. Я раскаиваюсь в последнем поступке, так как это было неблагородно с моей стороны.

– Звучит удивительно и неправдоподобно. Разве вы и ваши спутницы опытные воины?

– Мы виолки, если это слово вам о чём-то говорит.

Граф на минуту задумался, а затем кивнул.

– Позвольте узнать цель вашего пребывания в нашей стране?

– Я путешествую. Много лет я прожила на небольшом острове, и мне надоела его ограниченность. Я захотела посмотреть мир, побывать в других странах, поэтому покинула вотчину и отправилась в путешествие. Я побывала в Аскоррии и Альгане. и направлялась в Даммар, когда мне помешали вышеозначенные обстоятельства. Я совсем не собиралась заезжать в Арт, но, коль я уже здесь, обещаю не нарушать местных правил и законов, если меня не принудят к действиям, не совместимым с моими понятиями чести и благородства.

– Позвольте узнать, как называется ваш остров?

– Остров Аоста, леди-правительницей которого я была до недавнего времени.

– И что вас вынудило покинуть его?

– Мой супруг умер и мне стало тоскливо без него... Я передала бразды правления падчерице и покинула место, где всё напоминало мне о счастливых днях, которые мы провели вместе.

Граф опять помолчал, обдумывая услышанное.

– Вы сделали это добровольно или по принуждению?

– Меня трудно к чему-либо принудить, Ваша Светлость...

– с улыбкой ответила женщина.

Граф снова замолчал, а затем произнёс:

– Не подумайте, что я вас принуждаю... Это моя личная просьба... Не могли бы вы погостить в замке несколько дней? Мы живём уединённо, а моя супруга обожает принимать гостей. Она будет рада увидеть в замке новое лицо, пообщаться с вами, похвастаться новыми нарядами...

Ивея чувствовала, что граф говорит искренне, и за его словами не кроется никакое иное тайное желание.

– Хорошо... Я никуда не тороплюсь, и вполне могу задержаться у вас на несколько дней.

– Очень благодарен вам, миледи, – склонил голову лед Кедж. – Я оставлю вас, чтобы распорядиться насчёт комнат для проживания... Как вы желаете поселиться: вместе со своими спутницами или отдельно от них?

– У меня должны быть отдельные апартаменты, но рядом с моими девушками.

– Ваши пожелания учтутся... Через несколько минут управляющий проведёт вас по замку, пока ваши комнаты будут готовиться.

Когда они остались одни, Ивея повернулась к виолкам и заговорила по-виольски, на тот случай, если их кто-нибудь подслушивает:

– Мы останемся в замке на некоторое время... Будьте внимательны, запоминайте всё, что может помочь нам в случае вынужденного побега. Заводите друзей и подруг, соблазняйте солдат и офицеров. Никому ничего не рассказывайте, кроме общеизвестного. Обо мне не говорите ничего – только то,

что я только что рассказала графу. Постарайтесь не нажить врагов – неприятности нам ни к чему. Аборигены подозрительны и не любят чужаков, поэтому проявите терпение и сдерживайте ваше природное высокомерие. Я не желаю из гостыи превратиться в пленницу.

Ивея не просто так предупредила девушек, чтобы они не говорили о ней, ведь, как и все на Аосте, виолки знали, что их госпожа «высшее существо». Рождённые и выросшие при Ивее, они воспринимали это как должное, считая госпожу земным воплощением Богини-Матери.

Ивея, понятное дело, не желала распространяться о своей особенности. Она хотела, чтобы её воспринимали как необычную, неординарную, но просто женщину, а не бессмертную небожительницу, или, того хуже, опасную колдунью.

Глава 3

Предоставленная Ивее комната не выглядела шикарно, но и плохой не была: большая, светлая, уютная, с окнами на юг и восток, с широкой кроватью под льняным вышитым пологом, с толстым мягким меховым ковром у кровати и крытым лаком деревянным полом; с гобеленами на стенах, цветными витражами в оконных рамах и небольшим мраморным камином. К комнате примыкали гардеробная и ванная комната с туалетным уголком за бронзовой ширмой. Мраморная ванна в виде круглой чаши, возвышалась над полом, и над ней изящно изгибался бронзовый кран, в виде раскрытой лилии.

Комната девушек находилась дальше по коридору. В ней стояли пять узких деревянных кроватей, покрытых мягкими матрасами и льняным бельём.

Замок занимал в ширину немного места, зато вытянулся в высоту. Бесконечные лестницы утомляли даже Ивею, поэтому она старалась проводить время в каком-либо одном месте: или в саду, красота которого её очаровала, или в покоях графини, куда её часто приглашали.

Супруга графа ле Кеджа оказалась юной девушкой, едва достигшей брачного возраста. Впервые увидев её, Ивея подумала, что это его дочь. Графиня обладала двумя редко встречающимися в одной женщине и, обычно, не сочетаемыми качествами: умом и красотой. На неё не только было при-

ятно смотреть, но и приятно слушать. Она прекрасно знала историю не только Арта, но также иных стран, разбиралась в географии, сочиняла стихи и музыку и хорошо пела. Ивее стало интересно, где граф отхватил такое сокровище... Позже она узнала, что графиня дочь самого герцога Артского, руку и сердце которой ле Кедж завоевал, победив всех соперников на ежегодном военном турнире. Юную герцогиню очаровали не только прекрасный голос графа, его галантные ухаживания, но и доблестные победы, смелость и стойкость, проявленные на соревнованиях. Она сама изъявила желание стать графиней ле Кедж, не побоялась покинуть столицу и уехать за сотни кемов от дома в уединённый замок. В благодарность за любовь и самоотверженность, граф разбил для любимой прекрасный сад, чтобы она не чувствовала себя неуютно в глухой сельской местности.

Все эти подробности и многое иное Ивея почерпнула из бесед с юной графиней. Она прониклась к ней почти материнской любовью, так как Ласира ле Кедж обладала весёлым нравом, лёгким общительным характером, отзывчивостью и настоящим аристократическим благородством, не переходящим в снобизм. Женщине было приятно проводить с графиней время. Она даже принимала участие в её нехитрых полудетских играх, которые юная супруга графа устраивала со своими «придворными дамами» – жёнами офицеров и высокопоставленных слуг, их взрослыми дочерьми и девушками из семей мелких помещиков, проживавших на землях графа.

Это окружение было далеко от совершенства и не такое блестящее, как при дворе её отца – многие подружки графини не могли даже прочесть книжку и с трудом писали. Поэтому Ласиру обрадовало появление в замке настоящей леди, пусть из далёкой страны и мало соответствовавшей привычному для неё образу настоящей леди. Ивея рассказывала юной графине о странах, где побывала, ярко и подробно описывала быт и внешность жителей тех мест, нюансы их законов и обычаев. Повела о своих приключениях, от которых у графини удивлённо расширились глаза и перехватывало дыхание. Гостья оказалась не просто светской дамой, а женщиной с мечом, хладнокровно и безжалостно, как мужчина, пускающей его в действие. Леди Ивея была свободна и раскована, лишена жёстких рамок понятий о приличиях и традициях, держалась уверенно, независимо, как мужчина, и в то же время оставалась хорошенькой женщиной: умело пользовалась косметикой, следила за своей внешностью, обожала хорошие благовония и всяческие украшения, и не чуралась красивых нарядов.

Неизвестно, кому пришла в голову эта мысль – то ли Ласири, и она высказала свою просьбу супругу, то ли самому графу, ненавязчиво наблюдавшему за развитием отношений гостьи и супруги, но однажды, пригласив Ивею в кабинет, он сделал ей неожиданное предложение: поступить к нему на службу.

Ивею такое предложение не удивило, ведь граф уже знал,

что она служила у лорда Йеаннского, поэтому деловито осведомилась:

– Какую должность и жалование вы мне предлагаете?

– Я хочу вас нанять для охраны леди графини. Я ещё не придумал название вашей должности – вы сами можете назваться, как хотите. Возможно, я не так богат, как лорд Йеаннский, но постараюсь дать вам плату не меньшую, плюс похлопочу перед герцогом о предоставлении вам и вашим девушкам нашего гражданства.

Граф, конечно же, слегка кривил душой – его плодородные земли приносили неплохой доход. Гражданство же не давало никаких привилегий, кроме того, что их перестанут считать чужаками и они смогут принимать участие в сражениях в случае войны. Хотя, если она собирается прожить в этой стране ближайшее десятилетие, оно не помешает.

– Если я приму ваше предложение, смогу я рассчитывать на отдельный коттедж? – поинтересовалась Ивья, которой надоели бесконечные лестницы замка.

– Конечно. Его начнут строить завтра же, и вы сами сможете руководить строительством.

– Что будет входить в мои обязанности? Сомневаюсь, что в замке графине что-либо грозит.

– Вы будете сопровождать её во всех поездках, охранять в замке в моё отсутствие, ограждать от любых посягательств на её честь, здоровье или имущество...

– Понятно. Я буду её телохранителем. Вам повезло, Ваша

Светлость – это моя прямая работа, ибо этому меня обучали с детства. Я принимаю ваше предложение, осталось оговорить срок. На какое время графине нужен телохранитель?

– Желательно, навсегда... Но для начала заключим договор на десять лет. Вас устроит этот срок?

Быть нянькой у графини целых десять лет кому-то показалось бы слишком долго. Но что десять лет для Ивеи? Один миг её почти бесконечной жизни. Это её девушки станут старше и, возможно, успеют обзавестись детьми, но для неё десятилетие останется лишь туманным воспоминанием в череде других прожитых лет.

– Вполне, – согласилась виолка. – Но сразу хочу оговорить некоторые условия.

– Слушаю.

– Моих девушек достаточно для защиты графини, но для них это будет большой нагрузкой. Да и не солидно, когда леди такого высокого ранга в дороге будут сопровождать только шесть охранниц. Поэтому разрешите мне отобрать среди ваших солдат с десятков рекрутов, которых я лично обучу.

Граф нахмурился.

– Если бы я хотел, чтобы графиню охраняли мужчины, зачем бы я обращался к вам?

О, так граф ревнует свою молодую красавицу-супругу! Теперь стало понятно, зачем ему понадобилась Ивея с девушками. Не столько из-за их непревзойдённого воинского мастерства, а потому, что они женщины.

– Могу вас заверить, что солдаты будут выполнять лишь внешнюю охрану. Если пожелаете, я не подпущу к графине ни одного существа мужского пола. А чтобы не возникало проблем в будущем, найдите мне сколько-то девочек, и за десять лет я воспитаю из них настоящих телохранительниц.

– Я подумаю над этим...

– А пока я могу взять солдат?

– Берите, – неохотно согласился ле Кедж.

Вот так Ивея Аоста стала капитаном гвардейцев – личной охраны графини ле Кедж. В её подчинении, не считая виолок, находились ещё двенадцать солдат, отобранных лично. Они охраняли периметр сада, сопровождали карету, когда графиня отправлялась в поездку, и прогоняли с дороги подозрительных лиц, когда госпожа выезжала на верховую прогулку.

Виолки охраняли личные покои графини, находились рядом в саду, ехали рядом с каретой во время путешествий или впереди и позади на прогулках. Ивея была командиром и личным телохранителем везде и всегда, а также близкой подругой графини, с которой та могла посоветоваться, поговорить на любую тему, зная, что этот разговор останется между ними; доверить секрет, который никогда не станет достоянием челяди или других лиц.

Последнее время графиня очень беспокоилась, что никак не может подарить супругу наследника, о котором тот так мечтал. Ивея дала женщине несколько полезных советов, ко-

торые в своё время испробовала сама. Возможно, один из них помог Ласире, так как спустя несколько месяцев графиня понесла, осчастливив себя и графа.

В ожидании наследника ле Кедж буквально носил супругу на руках, боясь оставить её хоть на день. У Ивеи появилось свободное время, благодаря тому, что супруги постоянно находились вместе, и присутствие телохранительницы им только мешало. Поначалу женщина скучала, а потом задумалась о себе.

После смерти супруга, да и задолго до неё, когда он стал стар, немощен и слаб, Ивея перебивалась случайными связями, только лишь для удовлетворения зова плоти. Последнее время тоже не заводила долгосрочных или близких отношений с мужчинами. И, хотя она не была ненасытной или жадной до плотских утех особой, но всё же долговременное добровольное сдерживание плохо отражалось на самочувствии женщины. В теле накапливались нереализованные силы, которые вырывались наружу немотивированной агрессией и вспышками гнева. Она стала раздражительной и злобной. Её душа жаждала любви, а тело ласки. Пора было подумать о длительной и постоянной связи, найти хорошего любовника или новую любовь.

Выбор Ивеи пал на Эвана Ассанта. Этот офицер с первого дня выказывал женщине сдержанные знаки внимания. После они сдружились и стали хорошими приятелями. Ивея знала, что Эван влюблён в неё, она легко читала это чувство в душе

мужчины. Но, занятая делами, не давала Ассанту надежд на более близкие отношения. Эван же думал, что гордая виолка пренебрегает им, и это ранило и раздражало его. Но, боясь потерять её совсем, он не разрывал их отношений, всё ещё надеясь на взаимность.

Каково же было его удивление, когда, однажды, Ивея пошла к нему и сама предложила уединиться в её коттедже. Он молча и безропотно последовал за ней, ещё не веря в свою удачу. Заперев дверь и зашторив окна, она повернулась к мужчине и произнесла:

– Я знаю, что ты давно хочешь меня, но не осмеливаешься это сказать... Сейчас настало время – ты можешь проделать со мной всё то, что так долго лелеял в своих фантазиях...

– Но... Я это представлял несколько иначе... – ответил растерянный мужчина.

– Как?

– Тайные встречи в сумраке графского сада, нежные поцелуи при свете звёзд, взаимные ласки на прохладной шелковистой траве...

– Вот уж не думала, что ты романтик! – засмеялась женщина. – Ты солдат и я солдат, ты на службе и я на службе, и нам некогда заниматься ерундой. Или мы сейчас займёмся любовью, или навсегда останемся друзьями.

Последнее вовсе не устраивало Эвана, потому он без лишних слов приступил к делу.

Через час, едва отдышавшись, лёжа рядом с расслаблен-

ной удовлетворённой виолкой, он грустно произнёс:

– Я хотел сделать для тебя нечто прекрасное, чтобы ты на всю жизнь запомнила нашу первую близость, но боюсь, что теперь останусь в твоей памяти очередным любовником...

– Не переживай, милый, впереди у нас ещё много взаимных лет, и ты ещё успеешь сделать для меня что-то необычное... А чтобы не остаться в моей памяти одним из многих, предлагаю тебе стать одним-единственным.

Эван удивлённо взглянул на женщину.

– Ты предлагаешь нам пожениться?

– О, нет, мои планы не простираются так далеко. Мы просто можем жить вместе. И тогда ты будешь только мой, а я твоя.

– В Арте не принято, чтобы не состоящие в браке мужчина и женщина жили под одной крышей.

– Жаль... – вздохнула Ивея. – Что же нам делать? Я хочу, чтобы ты был моим... Ты мне нравишься, и я не хочу другого мужчины.

– Я тоже тебя люблю и желаю, как не желал ни одной женщины... Особенно теперь...

– Кто нас осудит, если ночи мы будем проводить в одной постели?

– Кроме моралистов и жрецов – никто.

– Нам важно их мнение?

– Нет.

– Тогда будем делать, что хотим! – засмеялась женщина. –

Любовь не может быть грехом, и тот, кто утверждает обратное, дурак и ханжа!

Тайная связь двух капитанов вскоре стала известна не только челяди, слугам и рабам, но и графу с графиней. Но никто не посмел осудить двух приближённых к Их Светлостям особ, а сам граф был только рад этому событию. Он втайне надеялся, что любовь к его офицеру сможет привязать свободолюбивую виолку к замку, заставит осесть здесь навсегда и пустить корни. Ле Кедж уже воочию убедился в воинском искусстве леди Ивеи, и хотел, чтобы она научила его солдат так же умело сражаться и воевать. Но Ивея не спешила расставаться со своими секретами, хотя, по просьбе графа и за дополнительную плату, взялась обучать замковый гарнизон. Поэтому граф и смотрел сквозь пальцы на греховное и аморальное поведение двух офицеров, надеясь, что рано или поздно, всё это закончится свадебной церемонией.

Глава 4

В Арте почти не было рабов. Не потому, что жители герцогства уважали свободу личности, а из-за их почти патологической нелюбви к чужеземцам. На полях и виноградниках работали свободные крестьяне или наёмные работники, в рудниках и на шахтах использовали каторжников или военнопленных. Так как в Арте не было узаконено многожёнство и не поощрялись гаремы с наложницами, то сюда не ввозились хорошенькие рабыни, как в соседние страны.

Но «почти» – не «совсем». Рабы и рабыни в Арте всё же были – в богатых домах в виде личной прислуги или живых игрушек для аристократических отпрысков. В рабство попадали двумя путями: либо за долги, либо бедные или многодетные родители сами продавали лишние «рты» любому желающему.

Когда Ивея предложила графу создать отряд женской гвардии, то посоветовала набрать туда девочек-рабынь, чтобы будущие гвардейцы были в полном подчинении господину и не требовали платы, или не смогли, со временем, уйти к другому господину в поисках лучших условий службы.

Набрать нужное количество подходящих рабынь оказалось делом непростым – ведь требовались девочки определённого возраста (семи-восьми лет), крепкие, здоровые, сильные, выносливые и не трусливые. Для этого эмиссару

графу пришлось объездить чуть ли не все рынки герцогства. Но всё же за полгода он собрал одиннадцать рабынь, для которых построили отдельную казарму.

Ивея разработала для рекруток специальную программу, в которую входили основные дисциплины виольского обучения, некоторые приёмы атанасиса, уроки по охране и обороне. Она не хотела передавать ученицам слишком много знаний – это были чужие воины, не её.

Иногда Ивея лично занималась с учениками, но, в основном, возложила эту обязанность на свою помощницу Фрей. Свободное время она проводила в объятиях Эвана, считая это занятие более приятным, чем тренировки.

Ивея сама не заметила, как влюбилась в этого щёголя с косичками. Как ей стало нехватать его близости, сдержанной улыбки и негромкого голоса, если они не виделись какое-то время. Она с нетерпением ждала ежевечерних встреч, сердилась, когда он задерживался, ревновала, когда он улыбался другим женщинам... Такое положение казалось ей унижительным и вызывало злость и раздражение. Но она не хотела разрывать отношений, так как одно прикосновение рук любимого приводило женщину в трепет, от сияния серых глаз или простой улыбки сладко сжималось сердце... О таких приятных моментах хотелось помнить вечно. Ивея не понимала, что с ней происходит. Она считала, что любила покойного супруга Троя Аскинта, но с ним у женщины были совершенно иные отношения. С ним она никогда не испыты-

вала ревности, не дрожала от предвкушения скорой встречи, не испытывала любовной лихорадки от одного прикосновения мужских рук...

В такой ситуации Ивее всё труднее было контролировать себя и не наделать глупостей. Эван уже не раз предлагал ей узаконить отношения, завести собственный дом и детишек.

Ивее нравилось быть с Эваном, она по-настоящему любила его, не задумываясь, как долго продлится это чувство. В то же время она понимала, что у них не может быть полноценной семьи. Во-первых, она не собиралась оставаться надолго в Арте, чтобы со временем не раскрылась её тайна. Во-вторых, она больше не хотела видеть, как стареет и умирает любимый человек, а она не в силах ему помочь. Не могла же она всех своих мужчин делать бессмертными – Санхар категорически запретил это. Да и пример Санризы говорил, что никакая любовь не длится вечно. И, в-третьих, а это, как поняла Ивея, для Эвана было самым главным, – у них не может быть детей.

Женщина всяческими способами обходила разговоры о свадьбе и детях. Но так тоже не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно этот вопрос должен был встать ребром. И вот, когда графиня ле Кедж подарила супругу третьего ребёнка, Эван не выдержал и требовательно произнёс:

– Мне скоро стукнет сорок, а я всё ещё как мальчик – без дома, без семьи и без детей. Все мои друзья давно стали отцами. Даже граф, как бы шутя, поинтересовался, всё ли у

меня в порядке по мужской линии и не следует ли мне обратиться к лекарю за специальным снадобьем... Мне надоело ждать и надоело слушать твои отговорки. Ответь мне прямо, Ивея, ты станешь моей женой?

– К чему спешить? – попыталась вновь уклониться от ответа женщина. – Ты ещё не так стар... У тебя ещё достаточно сил и здоровья...

– Возможно, мой возраст и не имеет значения, но ты ведь тоже стареешь... Я хочу здорового крепкого сына, но, боюсь, если буду ждать ещё несколько лет, ты просто не сможешь родить.

– Я не смогу родить ни потом, ни сейчас, – сердито ответила Ивея, поняв, что дальше уклоняться от прямого разговора не имеет смысла.

– Почему? – растерялся мужчина. – Разве ты больна?

– Я здоровее всех в этом замке, но у нас с тобой не может быть детей.

– Ты не хочешь рожать от меня или не хочешь детей вообще? – нахмурился Эван.

– Я не против детей и с радостью родила бы от тебя, но не могу... Разве ты не заметил, что я никак не предохраняюсь от зачатия, но до сих пор не понесла от тебя? Я не смогу зачать, даже если очень этого захочу... Прости дорогой, что не сказала об этом раньше. Я знала это с самого начала, но не хотела тебя потерять...

Эван расстроено отвернулся. Ивея чувствовала его горечь

и разочарование, как свои собственные – так сильны были исходившие от него чувства. Но, как бы она ни хотела оградить его от ещё большей боли, всё же ей пришлось нанести самолюбию любимого ещё один удар.

Переварив услышанную новость и смирившись с неизбежностью, Эван повернулся к женщине и сказал:

– Теперь я понимаю, почему ты так долго уклонялась от моих предложений... Мне больно осознавать, что я уйду из этого мира, не оставив наследника. Но я люблю тебя и готов смириться с этим... Я всё равно хочу, чтобы ты стала моей женой. Теперь ты согласна выйти за меня замуж?

– Нет...

– Но почему?! – вскричал Эван.

– Через три года кончается срок моего договора с герцогом, и я уеду. Я не собираюсь провести в Арте всю свою жизнь... Я ещё не побывала в местах, в которых хотела побывать, и не увидела всего, что хотела увидеть.

– Неужели, ты не можешь остаться, ради нашей любви?! – с огорчением воскликнул Ассант. – Или все твои слова о любви ложь?

– Нет, я люблю тебя, но в Арте не останусь... А ты согласен, ради нашей любви, покинуть родину и отправиться со мной?

Эван молча отвернулся. В его душе смешались все чувства: и обида, и ярость, и раздражение, и любовь. Они кипели и бурлили, как вода в котле, смешиваясь и выплёскива-

ьясь горячими брызгами на сердце, заставляя его вздрагивать и сжиматься от боли. Ивея чувствовала, как любовь Эвана к ней растворяется среди других чувств, тонет в них, как камень, брошенный в глубокую лужу, оставляя после себя лишь рябь на мутной поверхности.

Поняв, что теряет любимого, она попыталась ласками и нежными словами поддержать умирающий огонёк его любви, но Эван, почти грубо, оттолкнул её и покинул ложе. Наспех одевшись, он ушёл, сердито хлопнув дверью.

– Ну и проваливай! – с яростью воскликнула женщина, и швырнула вслед уходящему то, что попало под руку. Под рукой оказался нож для разрезания фруктов. Острое лезвие вонзилось в дверь в тот миг, когда Эван только её закрыл. Промедли он хоть мгновение – и нож торчал бы из его спины.

Ивея вскочила и выдернула из двери нож. Затем с силой вонзила себе в ногу, чтобы болью утихомирить ярость и раздражение, вызванные уходом Эвана. К глазам подступили слёзы, чего с женщиной не случалось очень давно.

Это была их первая и, очевидно, последняя размолвка. Скорее всего, она потеряла Эвана навсегда. Теперь ей нужно постараться как можно поскорее избавиться от мук любви, чтобы смотреть на мир трезвыми глазами и не вздрагивать при встрече с бывшим любовником.

Решив, что клин выбивают клином, спустя несколько дней, Ивея пустила на ложе других претендентов на её тело, благо, в желающих недостатка не было. Она заводила крат-

современные интрижки и с чисто женским злорадством наблюдала, как страдает Эван, слыша насмешливые разговоры сослуживцев и видя легкомысленное поведение бывшей возлюбленной.

Возможно, назло ей, а, может, по настоянию родственников, Эван вскоре женился на девушке из хорошей семьи – скромной, тихой и покорной – полной противоположности Ивеи. Узнав об этом, виолка искренне посочувствовала бедняжке, ибо брак без любви хуже рабских цепей. А что Ассант не любит свою молодую жену, Ивея знала наверняка, хотя мужчина и утверждал обратное, с вызовом глядя на бывшую возлюбленную. Покачав головой, женщина ответила:

– Говори, что хочешь, но ты не можешь обмануть даже себя, не говоря уж обо мне. Я, конечно же, желаю тебе счастья, но ещё больше желаю его твоей несчастной супруге...

Глава 5

Ко времени женитьбы Эвана Ивея уже успела избавиться от липких любовных цепей, так долго сковывавших её тело. Конечно, иногда сердце сжималось от горестных воспоминаний, а тело томилось ночью от эротичных снов, в которых присутствовал Эван, но, в целом, она почти успокоилась.

Больше всех разрыв Ассанта и леди Ивеи расстроил графа и графиню. Графа, понятно по какой причине – близился конец службы виолки. Графиня же была истинной подругой женщины и всё происходящее принимала близко к сердцу.

Ивея уже твёрдо решила, что покинет замок сразу по окончании срока договора. Ей уже надоело зависеть от других, слушаться чужих приказов и подчиняться чужой воле. Женщина захотела свободы и, как ни странно, собственный дом. Уголок, куда можно вернуться после путешествий, где можно спрятаться и отдохнуть от внешнего мира, где не нужно притворяться другой, а быть тем, кем ты есть. Конечно, она могла вернуться на Аосту, но ей не хотелось возвращаться туда, где её, честно говоря, не ждали. Она могла построить себе новую Аосту, но не на острове, а здесь, на большой земле. Чтобы она могла, время от времени, отправляться в путешествия, а когда наскучит бродить по свету – возвращаться домой.

Эта мысль появилась у неё после разрыва с Эваном и

укрепилась к концу службы. Фрея и другие виолки, постарше, намекали госпоже, что они не прочь осесть в Арте и остаться на службе у графа ле Кеджа – им уже пора подумать о детях, возраст поджимал. Ивея и сама это прекрасно понимала. Это для неё возраст не имел значения, а её девушки старели, оставаясь бездетными, так как, находясь на службе, без разрешения госпожи не могли завести семью.

Ивея больше не желала становиться госпожой обширных земель или править многочисленным населением. Ей достаточно небольшого замка или богатого поместья, с некоторым количеством слуг, полностью подчинённых её воле. Она почти с ностальгией вспоминала Оллин и свою маленькую виллу, где жила без забот, предаваясь удовольствиям и безделью.

Самое простое – купить дом или поместье в какой-либо из соседних стран. У неё хватало денег для подобной сделки. Но, поразмыслив, Ивея отбросила этот вариант. Она не хотела оседать в густонаселённых местах – слишком много любопытных глаз и болтливых языков. Ей нужно как можно более уединённое и отдалённое от цивилизации гнёздышко, чтобы никто не мог сунуть нос в её дела. Искать такой дом-убежище следовало среди замков пограничных лордов в Ас-коррии. Эти господа вели уединённый и независимый образ жизни, не поддерживали соседских отношений, никому не починялись и жили по собственным правилам и законам. Их замки стояли у самых границ королевства, в удалённых от

цивилизации местах, и король не трогал их только по той причине, что они защищали границы от набегов варваров.

Ивея решила, закончив службу, проехаться по приграничью в поисках подходящего замка. Но она не собиралась его покупать – вряд ли где-то такой продаётся. Она собиралась силой захватить укреплённый замок всего лишь с горсточкой виолок – так намного интереснее и больше соответствовало её характеру.

До конца службы оставалось несколько месяцев. Ивея уже прикидывала пути нового путешествия, когда непредвиденные события нарушили все её планы.

Граница с Клесином проходила всего в каких-то пятнадцати кемах от замка, и этого расстояния хватало для спокойного безопасного существования. Пограничные артские отряды зорко охраняли государственные пределы. К тому же, граница проходила по реке Гретем – довольно широкой и полноводной в этих местах, из-за чего большому военному отряду незаметно переправиться через неё было почти невозможно. Но небольшие группы клесинских разбойников или банды ловцов – охотников за рабами – иногда просачивались с того берега, и наносили ущерб приграничным селениям, в том числе и графским. В таких случаях граф ле Кедж во главе дружины лично выезжал на борьбу с пришельцами и, либо прогонял, либо безжалостно уничтожал.

В этот раз в замок прискакал гонец с известием, что, ночью, на селение Эле напала банда разбойников, угнала стадо

бычков и забрала несколько молодых женщин и подростков.

Ле Кедж приказал трубить сбор, облачился в доспехи и покинул замок в сопровождении двадцати воинов. Его отъезд никого не обеспокоил, кроме графини, которая не раз просила супруга не рисковать жизнью, а поручить командование отрядом вполне опытному в таких делах Эвану Ассанту. Но ле Кедж всякий раз беспечно отвечал, что с ним ничего не случится, так как он едет не на войну, а всего лишь «погонять клесинских собак».

Этот выезд тоже не обещал ничего необычного – разбойников было немного, они сами боялись, и спешили поскорее убраться домой, прихватив первое попавшееся под руку. Но, как показали дальнейшие события, никогда нельзя недооценивать противника, каким бы ничтожным он ни казался.

Когда графская дружина догнала разбойников, те, вместо того, чтобы бросить добычу и бежать со всех ног, развернулись и, неожиданно, оказали стойкое и умелое сопротивление. Завязался жестокий бой. Разбойники оказались умелыми бойцами – скорее всего, бывшие наёмники или дезертиры. Но, благодаря выучке Ивеи, дружинники смогли сломить сопротивление врага и нанесли ему ощутимый урон. Уцелевшие бросились наутёк, но лишь единицам удалось избежать кары и скрыться от преследования.

В жестокой схватке многие дружинники получили ранения, а двое погибли. Ле Кеджа тоже ранили, но, охваченный азартом боя, он проигнорировал рану, посчитав её пустяко-

вой.

Как оказалось, рана была не такой лёгкой, как думал граф, ибо в замок его принесли на носилках – по дороге домой он потерял сознание и просто свалился с лошади.

Лекарь приложил все усилия и применил все свои познания, чтобы поставить господина на ноги, но, то ли его опыта и познаний оказалось недостаточно, то ли дротик, пробивший бок графа, был отравлен, но рана загноилась и воспалилась, и никакие травы, порошки и мази не смогли остановить заразу, расплзавшуюся некогда сильным и здоровым телом мужчины.

Почувствовав приближение смерти, ле Кедж позвал Ивею и сказал:

– Я знаю, что прошу вас о невозможном, но это просьба умирающего, и вам трудно будет мне отказать... Срок нашего договора скоро истекает, и я бы не стал вас задерживать, если бы вы не захотели его продолжить... Но я скоро умру... Графиня останется одна в этом жестоком мире, с тремя маленькими детьми на руках, без надёжной защиты и опоры... Конечно, она может вернуться в столицу под опеку отца, но что станет с Кеджем без хозяина и правителя? Сюда мгновенно слетятся стервятники и растащат всё по кускам, и тогда моим сыновьям в наследство останутся разорённые земли и руины замка... Я прошу вас, миледи, более того, умоляю, не оставлять графиню после моей смерти, во всяком случае, до тех пор, пока у неё не появится надёжный сильный

защитник, а у Кеджа хозяин и господин... Возможно, Ласира выйдет замуж – она ещё молода и всё так же прекрасна, как в дни своей юности... А до тех пор, я прошу вас, миледи, стать ей опорой и защитой, которой был когда-то я...

Граф не лукавил, говоря, что Ивее будет трудно отказать умирающему. К тому же виолка, не хуже ле Кеджа, понимала, что молодой, неопытной, обласканной и взлелеянной женщине придётся несладко в том жестоком мире, от которого её старательно ограждали сначала родители, а потом супруг. Как ей справиться с трудностями правления, поддерживать должный порядок в замке и за его пределами? Лучшего кандидата на роль опекуна вдовы и юных наследников, трудно и придумать: она служит в замке почти десять лет, она лучшая подруга графини, её уважают и слушались и слуги, и воины, знают и боятся селяне и соседи. Она умна, предана, хладнокровна и беспощадна, и владеет наивысшим воинским мастерством во всём Арте. Вряд ли кто-то осмелится посягнуть на честь или имущество вдовы, пока Ивея будет рядом с ней.

Виолка приняла предложение графа. Ну, ещё несколько лет в Кедже – для неё не имеет значения, сколько. А вот её виолкам, по-видимому, придётся остаться здесь навсегда, как они того и хотели. Ну, что ж, Ивея воспитает себе других солдат, это не проблема.

После погребения, когда зачитали последнюю волю усопшего, оказалось, что ле Кедж не просто попросил Ивею

остаться в замке, а узаконил её статус, чтобы в дальнейшем у женщины не возникло никаких разногласий с «добросердечными» родственниками и «добрыми» друзьями семьи. Он назначил её временным Хранителем замка Кедж и прилегающих земель, а также опекуном детей до достижения ими совершеннолетия и вступления в законное владение наследством. Это стало большой неожиданностью для всех, кроме самой Ивеи и графини, с которой супруг успел согласовать своё решение.

Должность Хранителя Земель возносила виолку в высшие круги и ставила на одну ступень с графиней. Фактически, к ней переходили все обязанности графа, кроме супружеских и управленческих. Госпожой в замке всё же оставалась графиня.

К моменту смерти ле Кеджа его старшему сыну исполнилось восемь, а младшему шесть лет. Малышке Элле не было ещё и трёх, и она мало что понимала в происходящем. А мальчиков смерть отца сильно потрясла.

Когда прошло несколько месяцев и жизнь в замке вернулась в привычную колею, а вдова и дети свыклись с мыслью, что супруга и отца больше нет, Ивея решила, что пришло время взяться за воспитание мальчиков, сделать из них мужчин и воинов, достойных памяти отца и гордого имени ле Кеджев. Ивея сообщила графине, что собирается начать военное обучение мальчиков, и изложила свою программу. Хотя она и показалась женщине слишком строгой и жёсткой,

но она понимала, что иначе из них мужчин не сделаешь, и, скрепя сердце, дала своё согласие.

Ивея не привыкла нянчиться с учениками, поэтому сразу заявила юным графам, что, если они не хотят повторить судьбу отца, оставить молодую вдову и беспомощных сирот, то должны беспрекословно выполнять все её требования, и тогда она сделает из них воинов, равных которым не найдётся никого в Артском герцогстве. Старший мальчик, который, после смерти отца, казалось, повзрослел на несколько лет, мрачно взглянул на опекуншу и произнёс:

– Буду весьма благодарен вам, сударыня, если вы выполните ваше обещание...

Младший лишь испуганно хлопал ресницами, не понимая, что происходит.

Спустя год после смерти графа ле Кеджа, когда минул положенный срок траура, к графине начали свататься многие молодые знатные люди, но Ласира всем категорически заявила, что не собирается выходить замуж до тех пор, пока не вырастут её дети, так как не желает навязывать им отчима. Многие восприняли слова вдовы, как самопожертвование, и хвалили её за стойкость и самоотверженность. Но только Ивея знала, что в решении Ласиры немаловажную роль сыграл один молодой красивый офицер, с которым у графини завязался тайный роман. Эта свободная аморальная связь нравилась молодой женщине больше строгих уз брака.

Получив разрешение госпожи, виолки Ивеи тоже выбрали

себе мужей, и вскоре, одна за другой, родили детишек.

Одна лишь Ивея оставалась в «гордом одиночестве», не имея ни супруга, ни постоянного любовника. И хотя Эван продолжал её любить, храня эти чувства в глубине души, но он оставался верен узам брака, не желая огорчать свою, пусть и нелюбимую, жену, но уважаемую мать его детей.

Эпилог

Шли годы. Юные графы росли и мужали, превращаясь, сначала, в подростков, а затем в юношей. Их воинское мастерство росло вместе с ними. Ещё подростками они уже могли победить самого опытного воина своей дружины, а став юношами, не могли найти себе равных соперников, кроме наставницы и некоторых виолок.

Видя, что дружинницы пустили корни в артскую землю, Ивея начала собирать себе другую дружину. Как когда-то для графа, теперь для себя, она покупала девочек-рабынь, и создала из них целый отряд, а затем занялась их воспитанием и обучением. Тренировки будущих дружинниц были более жёсткие, чем обучение юных графов. Девочкам Ивея передавала все свои знания и навыки. Поэтому, когда девочки выросли и закончили курс обучения, они стали почти настоящими виолками, так как Ивея, вместе с воинским искусством, привила им верования, философию и кодекс виолок. Но, в отличие от вольных виолок, они оставались её рабынями, принадлежали ей и телом, и душой, и не требовали помесечной оплаты, а только расходы на содержание. Не желая подчёркивать их статус и надевать на девушек ошейники, как того требовал закон, Ивея вытатуировала на их затылках особый знак, который придумала сама, но по которому их легко можно было опознать, как рабынь Ивеи Аосты.

Когда старшему сыну графини исполнилось двадцать пять, и он стал совершеннолетним и вступил в права наследства, обязанности Ивеи, как Хранителя Земель, закончились. Она полностью освободилась от всех обязательств и могла покинуть Кедж в любой день. Она пробыла на должности почти семнадцать лет, и эти обязанности ей порядком надоели. И, хотя графиня и виолки просили женщину остаться, но она твёрдо решила покинуть замок и отправиться на поиски собственного дома.

Ивея покидала замок во главе внушительного отряда: шестнадцать девушек-рабынь и четыре юные виолки, дочери бывших дружинниц, присягнувшие ей на верность. Она назначила их командирами групп, разбив отряд на части по четыре человека.

Перебравшись через Гретем, отряд пересёк границу Клесина, углубившись в лесные дебри княжества. Двигаясь вдоль реки, Ивея, благодаря своему «чутью», легко находила лагерь разбойников и безжалостно их уничтожала. Это был её прощальный «подарок» Арту, а также дополнительная тренировка для не бывавших в настоящей битве дружинниц. Стычки и схватки давали им бесценный боевой опыт.

На границе с Аскоррией Гретем делал резкий поворот на север. Следуя вдоль реки, Ивея, вскоре, оказалась среди слегка холмистой безлесной местности. Невысокие пологие холмы покрывала густая изумрудная трава и редкие заросли юсса, среди которых темнели бесчисленные отары овец

или приземистых мясных бычков. Иногда на горизонте темнел одинокий силуэт замка, принадлежащего пограничному лорду.

Пограничные лорды жили по своим законам и правилам, поэтому путник, попадавший в их владения, рисковал не только нарваться на грубость или немотивированную жестокость, но мог лишиться свободы или жизни.

Проезжая землями лордов, Ивея встречала не очень любезный приём. Первый раз ей приказали немедленно убраться, второй раз, наоборот, настойчиво приглашали посетить замок. Дружинницам пришлось с оружием в руках отстаивать честь госпожи. Но, едва покончив с нахалами, Ивея поспешила ретироваться, потому что в замках лорды держали достаточное количество воинов, чтобы защищать свои земли от посягательств.

Ивея поднялась вверх по течению Гретема на несколько сот кемов, когда, однажды, в поле её зрения попал дом её мечты – замок-крепость, возвышавшийся на высоком скалистом речном берегу в окружении прекрасных плодородных земель, на которых располагались десятка полтора небольших селений, зеленели виноградники и засеянные поля. В паре кемов от замка раскинулась большая густая масличная роща, а на противоположном берегу, отражаясь в зеркальной голубой водной глади, вздымались вершины Тасиса, покрытые белоснежными ледяными шапками.

И местность, и пейзаж вокруг были столь прекрасны, что

женщина сразу влюбилась в них, и решила, что лучшего места для дома не найти.

Захватить укреплённый замок при помощи всего лишь двадцати, пусть и прекрасно обученных, девушек-воинов, нереальное безумие. Но не для Ивеи Аосты, Бессмертной и виолки.

Первым делом она отошла от замка и укрылась среди холмов. Затем послала двух девушек, чтобы привели «языка» для получения нужной информации. Вскоре девушки притащили местного пастуха, перепуганного насмерть. Женщина побеседовала с ним наедине, после чего приказала выбросить труп в реку. Некоторое время она о чём-то усиленно размышляла, а затем позвала виолок, чтобы изложить свой план.

Выслушав инструкции, девушки разошлись по своим группам, передав им приказы госпожи. Никто не выразил удивления или не высказал возмущения безумным планам хозяйки. Их воспитали так, что слово госпожи считалось законом, а её решения, какими бы странными они ни казались – гениальными. Если приказ отдан – его нужно в точности и беспрекословно выполнить, даже ценой жизни. Так Ивея учила своих солдат.

Спрятав оружие под наброшенными на плечи плащами, всадницы покинули укрытие и направились в сторону замка. Вскоре их заметили, из ворот, навстречу, выехал отряд стражи. Две группы встретились на полпути. Пожилой сер-

жант, увидев столько прекрасных дев, расплылся в довольной улыбке.

– Какой болван потерял свой гарем? – спросил он. – Вы не заблудились, красавицы?

– Возможно, – ответила Ивея. – Мы ехали в Хилию, но, кажется, сбились с пути.

– Вы не просто сбились с пути, а едете в противоположную сторону, – засмеялся сержант.

– Ах! – притворно огорчилась Ивея. – Не подскажете, любезный, правильную дорогу?

– С удовольствием... Но отсюда до Хилии больше двухсот кемов... А вы, вероятно, устали... Думаю, мой господин сумеет оказать вам достойный приём.

– Мы бы не хотели напрашиваться в гости, но, в самом деле, требуем отдыха... Мы будем очень благодарны вашему господину, если он предоставит нам приют.

– Следуйте за мной, дамы, – предложил сержант, и беспечно повернулся к женщине спиной. По-видимому, он не усмотрел в пришлицах никакой опасности, потому что, вместо того, чтобы окружить чужеземок и препроводить в замок под конвоем, как того требовали элементарные правила безопасности, он поехал рядом, а солдаты позади, в том же строю. Единственное, что он сделала, – послал в замок гонца с сообщением о гостях.

Когда они приблизились к замку, Ивея смогла по достоинству оценить и мощные крепостные стены, и красоту строй-

ных башен, и крепость кованых ворот.

Как только они оказались внутри крепости, Ивея подала условный знак, и девушки, сбросив плащи, обнажив оружие, спешили и бросились врассыпную. Каждая группа имела чётко поставленную задачу. Одни поспешили на крепостные стены, убивая часовых и стражников, другие захватили ворота и опустили решётку, чтобы никто не смог ни войти в замок, ни покинуть его; остальные начали безжалостно убивать всех во дворе. Сама Ивея направилась в замок, убивая всех, встававших на её пути.

Бой был жестокий и скоротечный. Через час замок в ужасе затих – плиты двора, стены, коридоры и переходы усеяли тела раненых и умирающих, живые попрятались, кто где смог. Стоны не нарушали повисшую над побоищем зловещую тишину, а только подчёркивали весь ужас произошедшего.

Нападение оказалось столь неожиданным и стремительным, столь беспощадным и умелым, что многие не успели понять, что случилось и кто на них напал. Большую часть гарнизона заперли в казармах, из-за чего и удалось получить такую быструю и лёгкую победу. Девушки Ивеи не потеряли ни одного человека, лишь несколько получили незначительные ранения.

Когда замок оказался в руках Ивеи, она отыскивала всех спрятавшихся и укрывшихся от резни слуг и домочадцев лорда Бакгиллиона, павшего в неравном бою с захватчиками.

Полностью очистив крепость и замок, расставив часовых, Ивея обратилась с речью к перепуганным пленным:

– Я, леди Ивея Аоста, силой своего меча беру этот замок и эти земли в свою собственность. Кто желает остаться на своей службе – пусть присягнёт мне на верность. Кто не желает мне подчиниться – будет изгнан из моих владений, а в случае сопротивления – немедленно убит. Все, присягнувшие мне на верность, покорой и преданностью доказавшие искренность своих намерений, могут рассчитывать на мою благосклонность. Кто умышленными либо неумышленными намерениями или действиями нанесёт мне ущерб, будет жестоко покаран... На размышление вам отводится два дня. Затем каждый придёт ко мне и выскажет своё решение.

Пленных разделили по группам – отдельно рабов, слуг и домочадцев, развели по разным помещениям и заперли, выставив охрану. Затем собрали мертвецов и сложили в подвалах замка, чтобы позже совершить подобающий похоронный обряд – Ивея не боялась показаться жестокой, но не хотела прослыть бездушной госпожой.

Самый трудный вопрос, вставший перед новой правительницей Бакгиллиона – что делать с выжившими родственниками бывшего лорда? Самым правильным в этой ситуации – убить всех, в ком течёт хоть капля крови побеждённого, чтобы после не возникло никаких споров о правах владения и незаконной узурпации. Не в пользу несчастных была и малая популярность у собственных слуг и подчинённых, и невме-

шательство короля в дела пограничных лордов. Никто бы не осудил и не наказал Ивею за убийство невинных женщин и детей, даже её совесть, закрывавшая глаза на вынужденную жестокость хозяйки. Понимали своё положение и сами пленные. Им оставалось только молиться и уповать на благородство захватчицы. В их сердцах тлела крошечная надежда на то, что, раз она не убила их сразу, то, возможно, пожалеет и в будущем.

От семьи лорда Бакгиллиона осталось три женщины – мать, молодая супруга и дочь от первого брака, мать которой умерла несколько лет назад. Ещё была малышка, дочь молодой женщины. Старой леди Ивея сразу предложила быструю и лёгкую смерть, понимая, что она никогда не простит ей убийство сына и будет страдать оставшиеся ей годы. А двум женщинам дала выбор: либо отправиться вслед за мужем и отцом, либо присягнуть ей в верности и стать служанками. И молодая женщина, и девушка, хоть и с большой неохотой, но согласились поменять статус и перейти в разряд слуг. Ивея назначила их своими личными служанками, по принципу: держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Так она могла контролировать их помыслы и намерения, и в случае злого умысла, легко избавиться от непокорных.

Спустя несколько дней, когда в замке всё утряслось и «отсеялись зёрна от плевел», когда те, кто пожелал остаться, присягнули на верность, а кто отказался, изолирован, чтобы потом выдворить их за пределы владений, ворота зам-

ка открылись и Ивея впервые «выехала в свет». Она посетила главное селение, расположенное у подножия крепости, и объявила местным жителям о «смене власти». Зная, что многие погибшие в замке имели в селениях родственников, предложила забрать тела и похоронить по местным обычаям, выплатив за каждого убиенного по одному золотому, как помощь на погребение.

Вернувшись в замок, Ивея занялась насущными проблемами. Она прекрасно понимала, что двадцати девушек недостаточно для охраны замка и границ владений, а также поддержания необходимого порядка в ленных селениях. Нужны опытные и верные воины. Она не хотела брать на службу бывших солдат лорда Бакгиллиона из-за ненадёжности. Но в замке было много молодых здоровых рабов-варваров, которых использовали на тяжёлых работах. Их количество доходило до сотни. Собрав их во дворе, Ивея обратилась к ним с речью, предложив стать солдатами. Пообещала за добросовестную службу в течение десяти лет, отпустить их на свободу, а тем, кто останется на службе сверх этого срока – достойное содержание и оплату.

Такое предложение пришлось большинству по душе, и они, с радостью, записались в рекруты, перебравшись из барака в казарму. Бывших солдат Ивея, наоборот, отправила в барак, решив, таким образом, проблему рабочих рук.

Виолки быстро обучили новобранцев азам службы и солдатской жизни, а Ивея поручила охрану крепости.

И, в самом конце, Ивея переименовала замок, сменив родовое название Бакгиллион на Атанасис, что больше соответствовало его новой истории и его бессмертной и смертоносной госпоже.

Конец третьей части

КОНЕЦ РОМАНА

СИРена

2010 год

Картинка взята с сайта:

<https://ru.kisspng.com/png-clip-studio-paint-youtube-diana-prince-hal-jordan-494347/>

Лицензия: Персональное Использование

Обложка создана на сайте:

<https://www.canva.com/design/DAC9uKIkXjw/g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit>